

Михаил СТРОГАНОВ

ДВЕ
СТАРИЦКИХ
ОСЕНИ
ПУШКИНА

Литературоведческие очерки

ТВЕРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИЖНО-ЖУРНАЛЬНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1999

Художник *Вячеслав ВЕСЕЛОВ*

В книге использованы рисунки А. С. Пушкина

Строганов М. В.

ДВЕ СТАРИЦКИХ ОСЕНИ ПУШКИНА: Литературоведческие очерки. – Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1999. – 208 с.

Книга выходит в серии, посвященной 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. В ней автор ведет разговор о тверских знакомых А. С. Пушкина, его произведениях, связанных с Тверским краем.

ISBN 5-85457-141-2

© М. В. Строганов, автор, 1999

© В. М. Веселов, художник, 1999

Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1999

От автора

В самые известные теперь пушкинские места провинциальной России: в Михайловское и Болдино – великий поэт приезжал изначально не по своей воле. В Михайловское он был переведен в ссылку из Одессы, в Болдино отправился улаживать имущественные дела после смерти дяди перед своей женитьбой.

В Тверскую губернию, в старицкие поместья Вульфов, Пушкин приехал впервые по личному приглашению Прасковьи Александровны Осиповой – погостить и отдохнуть, а потом с охотой вновь возвращался сюда. Ни одно из пушкинских мест России не может похвастаться таким предпочтением.

Три посещения Малинников, Старицы, Бернова, Павловского (октябрь – декабрь 1828-го, январь 1829-го и октябрь – ноябрь 1829 г.) стали «генеральной репетицией» перед знаменитой Болдинской осенью 1830-го г. Но важны они и сами по себе: именно здесь была завершена 7-я глава «Евгения Онегина», написаны «Роман в письмах» и множество лирических пьес, о некоторых из них и рассказывается здесь.

Большая часть материалов этой книги обсуждалась на научных заседаниях в пушкинских музеях Бернова (1988, 1991), Торжка (1990) и Москвы (1993), на международной конференции «Пушкин и русская культура» (1996) в Новгороде, на 2-й международной конференции «Пушкин и мировая культура» (1993) в Твери. Я благодарен всем, кто своими советами и замечаниями помог мне в разработке этих тем, и особенно – Е. Н. Строгановой.

Часть I

РАССКАЗЫ О СТИХАХ И ЛЮДЯХ

О стихотворении «<Из письма к С. А. Соболевскому>» («У Гальяни иль Кольони...»)

Стихотворение «У Гальяни иль Кольони...» хорошо известно, часто цитируется по разным поводам, особенно – в краеведческой литературе, так что складывается впечатление, будто оно и хорошо изучено. Между тем стихотворение это изучено очень поверхностно, а содержание его, весьма значительное, практически непонятно.

Впервые оно было опубликовано М. Н. Лонгиновым в 1857 г. под названием «Неизданное стихотворение Пушкина (1826)» без указания, что взято из письма к С. А. Соболевскому и без сопроводительного прозаического текста письма¹. Стихотворение сопровождается примечанием: «Кажется, нет нужды напоминать читателям, как славились по московско-петербургской дороге пожарские котлеты, желблицкие форели, валдайские баранки. Трактир итальянца Гальони в Твери еще недавно, кажется, существовал»².

¹ Лонгинов Мих Библиографические записки XLIV Неизданное стихотворение Пушкина (1826) // Современник 1857 № 5 Отд V С 73–74, перепечатано Лонгинов М. Н Сочинения М, 1915 Т I С 178–179

² Там же. С 74

Примечание это, чисто «краеведческое» по своему содержанию, определило и дальнейшую литературу о стихотворении³, целиком и полностью связанную с краеведческим материалом

Стихотворение «У Гальяни иль Кольони...» входит в собрания сочинений Пушкина начиная с издания Г. Н. Геннади, с 1859 г.⁴ В комментариях же внимание обращалось на характер отношения Пушкина к С. А. Соболевскому. Так, П. А. Ефремов полагал

³ П. И. Бартенев в двух заметках сообщал о Дарье Пожарской, известной своими котлетами и о встрече ее с Николаем I, которая резко изменила ее судьбу (Выдержки из записной книжки издателя «Русского Архива» // Русский архив 1912 Кн II Вып 5, май С 159, Вып 8, август С 635) Сравн. Кубасов И. А. Вицегубернаторство баснописца Измайлова в Твери и Архангельске (С 1827 по 1829 г.) // Памяти Леонида Николаевича Майкова СПб., 1902 С 236 (здесь указано, что гостиница называлась «Милан» и дана ссылка на кн. Колосов В. И. А. С. Пушкин в Тверской губернии в 1827 г. Тверь, 1888, Остафьевский архив кн. Вяземских СПб., 1899 Т I С 142), Михайлов В. Гостиница Дарьи Пожарской // Советская культура 1975 18 ноября

В Цуккерман на основании архивных материалов сообщал, что итальянский выходец Павел Дементьевич Гальяни (1768–1831) жил в Твери с 1792 г., был приписан к купеческому сословию, но не был домовладельцем, гостиницу же открыл около 1807 г. (Цуккерман В. Гальяни в Твери // Калининская правда 1977 24 августа) Л. А. Черейский (Пушкин и Тверской край [М.], 1985 С 41–42) называет в числе пушкинских знакомцев только его жену Ш. И. Гальяни

Между тем Шарлотта Ивановна – не жена, а невестка Павла Дементьевича, с 1828 г. вдова его сына Павла, который родился от гражданского брака Павла Дементьевича с «иностранкой» Анной Ивановной Фро Шарлотте Ивановне и ее сыну (своему внуку) Павлу Павел Дементьевич завещал свое дело. Кроме того, как удалось выяснить, уже в 1799 г. Гальяни владел двумя деревянными домами, а в период с 1803 по 1805 гг. он строит каменный двухэтажный дом с флигелем (Курочкина Ната «Как прежде была гостиница купца Гальяни» // Тверская старина 1992 № 1 С 15)

⁴ Пушкин А. С. Сочинения / Под ред. Г. Н. Геннади СПб., 1859 Т I С 357

(на основании отдельных характеристик Соболевского в письмах Пушкина к жене), что поскольку поэт иронически относился к своему приятелю, постольку и в стихотворении не могли найти воплощение серьезные мысли – только «гастрономические» наблюдения⁵. Или, как писал П. А. Ефремов в другом издании, «из писем же к Соболевскому только и замечательно одно, с прейскурантом о том, что пить и есть на станциях между Москвой и Петербургом»⁶. А В. Я. Брюсов отмечал: «В стихотв. <орении> П<ушкин> применяется к уровню интересов Соболевского. он любил поесть, и П<ушкин> его называл в письмах «обжорой»...»⁷ Сравн суждение современного исследователя: «Стихи «У Гальяни иль Кольони» представляют собой шуточное описание пути от Москвы до Новгорода»⁸.

В изданиях П. А. Ефремова (1880, 1882 и 1903) стихотворение датировано 1828-м г. со ссылкой на публикацию писем Пушкина к Соболевскому в «Русском архиве», где, между прочим, говорилось: «Есть еще пятое письмо Пушкина с известными стихами, в которых он дает наставление молодому сибариту, как ехать в Петербург: «У Гальяни иль Кольони», и т д < . > Оно должно быть отнесено к 1828 году»⁹

⁵ См Сочинения А С Пушкина / Под ред П А Ефремова 3-е изд СПб, 1880 Т II С 416, текст стихотворения – с 156–157 В изд Сочинения А С Пушкина / Под ред П А Ефремова 8-е изд М, 1882 Т VII С 299–300 – текст стихотворения опубликован в составе письма без примечаний

⁶ Сочинения А С Пушкина / Под ред П А Ефремова [СПб], 1903 Т VIII С 288, текст письма т II С 153–154

⁷ Пушкин А С Полное собрание сочинений / Под ред В Я Брюсова М, 1919 Т II С 260

⁸ Чистова И С «Есть в России город Луга (К вопросу о датировке) // Временник Пушкинской комиссии Л, 1987 Вып 21 С 82

⁹ Письма А С Пушкина к С А Соболевскому // Русский архив 1878 Кн 3 № 11 С 395

Если М. Н. Лонгинов датировал письмо Пушкина, очевидно, на основании устных свидетельств Соболевского, то последующие исследователи опирались на тот факт, что в 1828 г. Пушкин долгое время находился в Тверской губернии, так что даже П. О. Морозов указывал не только дату, но и место написания – Малинники¹⁰.

И лишь в 1906 г. при издании всей переписки Пушкина под редакцией В. И. Саитова была восстановлена верная датировка – 1826 г. – на основании сопоставления письма к Соболевскому с письмом к Вяземскому, помеченному тем же 9 ноября, где речь идет о тех же дорожных происшествиях, что и письме к Соболевскому¹¹. Дальнейшие публикации письма и стихотворения ничего не добавляют к указанным комментариям¹². Лишь В. Я. Брюсов сообщает, что «Кольони – непристойная (по-итальянски) пародия его <Гальяни> имени»¹³, а Б. Л. Модзалевский указывает, что «кольони» по-итальянски означает «фат», а «Жил да был петух индейский», «на голос» чего должно было исполняться пушкинское стихотворение, – это стихотворение С. А. Соболевского и Е. А. Баратынского «Цапля», известное под названием «Быль»;

¹⁰ Сочинения А. С. Пушкина / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. VII. С. 204–205; Сочинения и письма А. С. Пушкина / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1896. Т. VIII. С. 182.

¹¹ Сочинения Пушкина. Переписка / Ред. В. И. Саитов. СПб., 1906. Т. I. (1815–1826). С. 380–381.

¹² Единственное исключение – изд.: Пушкин. Письма / Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1928. Т. II (1826–1830). С. 196–199. Здесь собраны многочисленные упоминания о Гальяни, Пожарской, Валдаях и Яжелбицах, причем про последние станции указаны упоминания их у Радищева.

¹³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений / Под ред. В. Я. Брюсова. Т. II. С. 260. Стоит указать, что уже П. И. Бартенев писал: «Кстати заметить, что в первом стихе заключена игра слов» (Русский архив. 1878. Кн. 3. № 11. С. 395). «Colio» по-итальянски означает «капание» (Итальяно-русский словарь / Сост. Н. А. Скворцова, П. Н. Майзель. М., 1963. С. 177).

оно написано было в 1825 г. о тетке Пушкина Елизавете Львовне и ее муже М. М. Сонцове и дочерях Екатерине и Ольге¹⁴. Для Пушкина в 1826 г. оно было свежей новостью и поэтому привлекало внимание поэта.

Как видим, стихотворение воспринимается как дорожный «итинерарий», как легкая шутка, примененная к нравам адресата. Между тем дорожная шутка вполне может быть с «двойным дном», да и нравы адресата Сергея Александровича Соболевского не были столь примитивны, как полагали ранние комментаторы.

Как установили исследователи, в стихотворении Пушкина отчетливо прослеживаются реминисценции из книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Однако Д. Д. Благой увидел здесь только «шутливое переименование» этой книги¹⁵, а В. В. Кунин, поддержав его, указал: «...искать «радищевские мотивы» в шуточном стихотворении не следует». Хорошо, впрочем, что он добавил: «Но вот мотивы библиофильские <...> в нем есть»¹⁶.

Учитывая все это, прочитаем стихотворение вновь.

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазоном макарони
Иль яичницу свари¹⁷.

Фамилия Гальяни намекает не только на держателя тверской гостиницы, но и на известного итальянского просветителя, фило-

¹⁴ Письма. Т. II. С. 195–196.

¹⁵ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967. С. 104.

¹⁶ Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 59.

¹⁷ Пушкин. Полное собрание сочинений: В 16 т. [Л.], 1937. Т. XIII. С. 302.

В дальнейшем цитаты по этому изданию даны с указанием тома и страницы в тексте.

софа-энциклопедиста XVIII в., автора знаменитого трактата о цензуре аббата Гальяни. Пушкин позднее упомянул его в стихотворении «К вельможе»:

Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причет (III, 219).

А в 1826 г. он писал к П. А. Вяземскому 10 июля: «Напиши нам его <Карамзина> жизнь, это будет 13-й том Русской Истории; Карамзин принадлежит истории. Но скажи *все*; для этого должно тебе иногда употребить то красноречие, которое употребляет Гальяни в письме о цензуре» (XIII, 286). Это «письмо о цензуре» – письмо Гальяни к m-me d'Epinau от 24 сентября 1774 г., входившее в «Correspondance inedite...» («Неизданная переписка...»; Paris, 1818), где высшим ораторским искусством названо искусство «сказать все – и не попасть в Бастилию в стране, где запрещено говорить все»¹⁸. В 1834 г., около (не позднее) 26 июля, в письме к жене Пушкин писал: «Женщина, говорит Гальяни, est un animal naturellement faible et malade» (XV, 182; пер. с франц.: есть животное по природе своей слабое и болезненное – там же. С. 330). Здесь цитируется та же «неизданная переписка» – «Диалог о женщинах»¹⁹.

Но интерес к Гальяни пережил и Радищев. В главе «Торжок» Путешественник встречает «на почтовом дворе» «порицателя цензуры», который доставляет ему тетрадку, где, в частности, говорится: «Книгопечатание до перемены 1789 года, во Франции последовавшей, нигде толико стесняемо не было, как в этом госу-

¹⁸ Цит. по: Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1977. Т. 9. С. 434 (примечания И. М. Семенко).

¹⁹ Левкович Я. Л. Комментарии // Пушкин А. С. Письма к жене. Л., 1986. С. 176.

дарстве. Стоглазый Арг, сторучный Бриарей, парижская полиция свирепствовала против писаний и писателей. В Бастильских темницах томились несчастные, дерзнувшие охуждать хищность министров и их распутство <...> О Франция! ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей»²⁰. Хотя первое издание переписки Гальяни относится к 1818 г. и поэтому Радищев мог и не знать своего совпадения с мыслями и формулами Гальяни, для нас это не важно. Важно другое: это сходство очевидно почувствовал Пушкин, и имя тверского трактирщика вызвало в уме его ассоциации с французским энциклопедистом. Ведь проблема цензуры стала для Пушкина после встречи с Николаем I в сентябре 1826 г. особенно актуальной. Того же 9 ноября, когда написано было наше стихотворение, Пушкин сообщал Н. М. Языкову: «Царь освободил меня от цензуры. Он сам мой цензор. Выгода конечно необъятная <...> О ценз.<урном> уставе речь впереди» (XIII, 305). Освобождение же от цензуры, от того «цензурного устава», что был введен как раз в сентябре 1826 г., казалось исключительным благом, что опять же напоминало книгу Радищева, где приведена цитата из конституции североамериканского штата Виргиния: «Свобода печатания есть наивеличайшая защита свободы государственной»²¹...

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай
(имянно котлет)
И отправься на легке.

«Гастрономическая» сторона стихотворения Пушкина также

²⁰ Радищев А. Н. Избранные сочинения. М., 1952. С. 147, 151, 160–161.

²¹ Там же. С. 160.

находит начало в книге Радищева, что, впрочем, вполне объяснимо: на каждой станции было принято устраивать трактир для удобства проезжающих и верного заработка. В главе «Тверь» беседа о стихотворстве происходит во время «трактирного обеда», а собеседник Путешественника назван «пирный мой товарищ»²².

Про «пожарские» котлеты вряд ли стоит вообще говорить: так много уже говорено о них, что полный список всех упоминаний был бы гораздо больше всей этой статьи. Но далее, после Торжка, Пушкин несколько нарушает порядок следования станций и сначала пишет о Яжелбицах, а потом о Валдаях. Но мы согласно географическому расположению станций начнем с Валдаев:

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю купи баранок
И скорее поезжай.

Радищев пишет о Валдаях следующее: «Сей городок достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних.

Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разруганных девок?»²³. Далее он описывает «любострастные» нравы местных жительниц и их «промысел», рассказывает исторический анекдот о валдайских Геро и Леандре – «дочери одного валдайского жителя» и монахе Иверского монастыря. В заключении главы вновь упомянуты «разруганные девки с баранками. Но как, – замечает Путешественник, – молодые мои лета уже прошли, то я поспешно расстался с мазаными

²² Радищев А. Н. Избранные сочинения. С. 166.

²³ Там же. С. 122.

валдайскими и зимногорскими сиренами»²⁴. На фоне этого заключения совет «скорее поезжай», который Пушкин дает еще молодому летам Соболевскому, выглядит весьма иронично.

И той же иронией наполнено описание Яжелбиц:

Как до Яжелбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растарашит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их сварить вели,
Как увидишь: посинели, –
Влей в уху стакан Шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипятке
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок.

Описание построено на каламбурном переосмыслении слова «сладострастный». В главе «Яжелбицы» Путешественник Радищев видит на кладбище отца, который хоронит своего сына и сознается в том, что сын стал жертвой его (отца) распутной молодости: он умер от наследственного сифилиса. Картина эта заставляет Путешественника вспомнить и свои прегрешения перед собственной семьей, и он мысленно обращается с покаянием к своим детям. У Пушкина же «сладострастный глазок» Соболевского направляется не на амурные похождения, но на «гастрономические» тонкости. То же – и в Валдаях. «В Валдае спроси, – советует Пушкин уже в прозе, – есть ли свежие сельди? если же нет

У податливых крестьянок...» (XIII, 303).

²⁴ Радищев А. Н. Избранные сочинения. С. 124.

Итак, мы вновь возвращаемся к тому, что стихотворение «гастрономическое». Да, но за первым, «гастрономическим», его планом стоит второй – «идеологический», напоминающий о книге Радищева. Конечно, Пушкин использует не весь материал «Путешествия из Петербурга в Москву». Он пропускает главы «Медное» (торговля крепостными крестьянами), «Выдропуск» и «Хотиллов» («проект в будущем»), «Вышний Волочок» (обличение крепостничества), «Едрово» (здоровое начало в крестьянских нравах). Но и имеющийся материал позволяет утверждать, что перед нами не случайное сходство, а сознательная ориентация, которая должна быть понятна и адресату письма. В большой работе «<Путешествие из Москвы в Петербург>» Пушкин писал: «...собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю **, коего библиотекой привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении. Приятель мой хотел было мне дать нравственно-сатирический роман, утверждая, что скучнее ничего быть не может, а что книга очень любопытна в отношении участи ее в публике, но я благодарил, зная уже по опыту, непреодолимость нравственно-сатирических романов. «Постой, сказал мне **, есть у меня для тебя книжка». С этим словом вынул он из-за полного собрания сочинений Александра Сумарокова и Михайла Хераскова книгу, по видимому изданную в конце прошлого столетия. «Прошу беречь ее, сказал он таинственным голосом. Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность». Я раскрыл ее и прочел заглавие: *Путешествие из Петербурга в Москву*. С.П.Б. 1790 году» (XI, 244–245). Поскольку в «приятеле» очевидно угадываются черты С. А. Соболевского, то естественно возникает вопрос, когда же это могло произойти. В «<Путешествии из Москвы в Петербург>» Пушкина есть одно косвенное свидетельство: «...я

вспомнил о последнем своем путешествии в Петербург, по старой дороге. Не решившись скакать на перекладных, я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь. Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала ежеминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили» (XI, 243). Это очень близко напоминает описание дороги в Михайловское в 1826 г.: «8 дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных» (XIII, 302); «...сломались у меня колеса, растрясенные в Москве другом и благоприятелем моим г. Соболевским» (XIII, 304). Так что теперь уже можно основательно предположить, что книгу Радищева Пушкин получил от Соболевского именно в ноябре 1826 г., взял ее в дорогу, а «отчетом» о ее прочтении и одновременно «заметками» на ее полях и стало наше стихотворение²⁵.

Приведенные материалы проливают свет и на один из эпизодов из Путешествия Онегина:

Среди равнины полудикой
Он видит Новгород-великой.
Смирились площади – среди них
Мятежный колокол утих,
Не бродят тени великанов:
Завоеватель скандинав,
Законодатель Ярослав
С четою грозных Иоанов
И вокруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней

²⁵ К сходным выводам приходит и В. В. Кунин (Библиофилы пушкинской поры. С. 51–59), хотя он и не использует всей предложенной выше аргументации – с одной стороны, а с другой – все-таки не вполне расстается со старой точкой зрения на стихотворение «У Гальяни иль Кольони...».

Тоска, тоска! спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком будто тени
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь
Тут у привязчивых крестьянок
Берет 3 связки он баранок
Здесь покупает туфли... (VI, 496).

Сходство второй части этого отрывка с нашим стихотворением уже отмечено в литературе²⁶. Но можно заметить, что и первая часть его, как и вторая, восходит к впечатлениям от дороги, пропущенным через текст книги Радищева. В главе «Новгород» Путешественник предаётся размышлениям о бренности земной славы и, в частности, о бренности Новгородской республики: «Торговля была причиною его возвышения. Внутренние несогласия и хищный сосед совершили его падение»²⁷. И в настоящее время «Новгорода по-прежнему не населить»²⁸, а нынешние его жители – это купеческая семья Карпа Демутьича, богатство которой основано на обмане компаньонов.

В этой же главе приводятся и данные из летописи Новгородской. Здесь упомянуты и Ярослав Ярославич – «законодатель», с которым новгородцы «заключили письменное примирение», и «колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о вещах общественных. Царь Иван <...> колокол у новгородцев отнял»²⁹. Наконец, описание города начинается с «множества монастырей, вокруг одного лежащих.

Сказывают, что все сии монастыри, даже и на пятнадцать верст расстоянием от города находящиеся, заключались в оном; что из стен его могло выходить до ста тысяч войска. Известно, по многим летописям, что Новгород имел народное правление»³⁰.

²⁶ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 256.

²⁷ Радищев А. Н. Избранные сочинения. С. 91.

²⁸ Там же. С. 93.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 91.

Таким образом, первым наброском «<Путешествия из Москвы в Петербург>» можно считать стихотворение, серьезность содержания которого не предполагалась, а радищевские reminiscenции содержатся и в других описаниях дороги между Москвой и Петербургом.

Нам вообще надо взглянуть на пушкинские произведения, которые связаны с Тверским краем, не с частной – в любом случае ограниченной (краеведчески, «гастрономически») – точки зрения, а с точки зрения отражения в них общих вопросов, которые волновали великого человека. Любая частность, попавшая в поле его внимания, превращалась в предмет для обобщений. Да и не может быть частностей для такого рода людей.

Из комментариев к «Евгению Онегину»

1. «Им занимается Москва»

В черновых рукописях первоначальной восьмой главы «Евгения Онегина», отрывки из которой впоследствии составили «Путешествие Онегина», в новом варианте <8-й> строфы Пушкин писал о своем герое:

Замечен он – об нем толкует
Велеречивая Молва
Им занимается Москва
Его масоном имянует
(вар.: а. Его повесой имянует
б. Его шпионом имянует)
Сплет<ает> про него стихи
(вар. а. Шпионом женихом)
И производит в женихи (VI, 479).

Предшествующий вариант этой строфы был создан в Москве 3 октября 1829 г.: такова помета около <11-ой> строфы, в то

время как под <5-ой> строфой помета 2 октября (VI, 481, 476). Вариант же, о котором мы говорим, был написан отдельно, позднее, как установила Я. Л. Левкович¹, в Павловском, куда Пушкин отправился из Москвы 12 октября, а прибыл – не позднее 16 октября².

Этот вариант очень понравился Пушкину и был включен в перебеленный текст главы, помеченный 18 сентября 1830 г., Болдино (VI, 506). Здесь интересующее нас место выглядит так:

Замечен он. Об нем толкует
Разноречивая Молва
Им занимается Москва
Его шпионом имянует
Слогает в честь его стихи
И производит в женихи (VI, 497).

Именно этот текст и будет предметом нашего комментария, ибо часть деталей не была предметом анализа вообще, часть становилась предметом обсуждения, но решения исследователей представляются спорными.

Весь интересующий нас фрагмент откровенно автобиографичен. Пушкину для своего Онегина ничего не жалко: он отдает ему свои впечатления, свои переживания, свою репутацию.

¹ См.: Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения). С. 257, 259.

² Я. Л. Левкович не датировала работу над строфами «Евгения Онегина» в Павловском. Однако это можно сделать, ибо, как известно, с 21 октября Пушкин начал работу над «<Романом в письмах>», которым заняты следующие страницы в той же рабочей тетради, – следовательно, строфы <12> – <17> создавались в период между 16 и 21 октября и, как определила Я. Л. Левкович, в два приема (там же. С. 260). Интересующий нас вариант <8-ой> строфы был написан в первый прием, в любом случае – между 16 и 21 октября 1829 г.

Начнем со стиха «Слогает про него стихи» По нашим подсчетам, в 1829 г. было опубликовано (мы не учитываем всех написанных, но оставшихся в рукописи произведений) 13 стихотворений о Пушкине. Среди них – 10 произведений в московских журналах пять – в «Дамском журнале»³, два – в «Московском телеграфе»⁴, одно – в «Галатее»⁵ и два – в «Бабочке»⁶ Можно было бы сразу сказать, что стих имеет под собой реальную биографическую основу, но в данном случае мы имеем возможность указать и конкретно предполагавшееся здесь произведение.

Речь у Пушкина идет о стихотворении П И Шаликова «К А. С Пушкину (В день рождения)»:

Когда рождался ты, – хор в Олимпийском мире
Средь небожителей пророчески воспел
Младенца славный ждет удел –
Пленять сердца игрой на лире

³ Павлов Н Ф Авторы («Два друга, сообщась, две повести издали ») // Дамский журнал 1829 Ч XXV № 3 С 56, Глинка С Н Русскому Байрону А С Пушкину («Орлом за Байроном ты вьешься в облаках ») // Там же Ч XXVI № 14 С 8, Шаликов П И К Александру Сергеевичу Пушкину, сказавшему, что он едет в мое отечество, Грузию («Отечество мое! тебя ») // Там же С 9–10, Шаликов П И Полтава, поэма А С Пушкина («Цари с поэтами всегда делились славой!») // Там же № 16 С 40, Шаликов П И К А С Пушкину (В день рождения) // Там же Ч XVIII № 41 С 27

⁴ Пушкин В Л К А С Пушкину («Поэт-племянник, справедливо ») // Московский телеграф 1829 Ч XXVI № 6 С 129, Баратынский Е А Историческая эпиграмма («Хвала – маститый наш Зоил ») // Там же № 7 С 258

⁵ [Б п] Иван Алексеевич или новый Онегин ((фрагмент « все тут есть и о преданьях ») // Галатее 1829 № VII

⁶ Филимонов В С Русские писатели в 1816 году (фрагмент « На лаврах Дмитрев отдыхал ») // Бабочка 1829 № 1 С 4, Филимонов В С От классиков – к Пушкину («Романтики кричат Вам дар небесный дан!») // Там же № 24 С 94

Стихотворение было опубликовано без подписи, но в авторстве П. И. Шаликова убеждают нас мемуары одного из пушкинских современников: «Однажды мы сидели в кабинете Василия Львовича (Пушкина. – М. С.): он, М. А. Салтыков, Шаликов и я; отворилась дверь, и вошел А. С. Пушкин. Поэт обнял дядю, подал руку Салтыкову и Шаликову; Вас<илий> Л<ьво>вич назвал меня, мы раскланялись... А. С. рассказывал о своей поездке в Арзрум. Между тем кн. Шаликов присел к столу и писал. «Недавно был день вашего рождения, Ал<ександр> С<ергееви>ч, – сказал он поэту. – Я подумал, что никто не воспел такого знаменитого дня, и написал вот что». Он подал бумагу Пушкину, тот прочитал, пожал руку и положил записку в карман, не делая нас участниками в высказанных ему похвалах»⁷. П. И. Шаликов не отличался подобной скромностью и напечатал свои стихи.

Пушкин возвратился в Москву из арзрумской поездки 20 сентября, а 30 сентября – дата цензурного разрешения № 41 «Дамского журнала», где Пушкин прочел-таки стихи Шаликова, которые не хотел сделать известными даже узкому кругу лиц. Между 16 и 21 октября в Павловском появились строки о «велеречивой/разноречивой Молве», «сплет<ающей>» стихи про Онегина.

Особых комментариев к словам «И производит в женихи» не требуется: кто в Москве не «производил» Пушкина в это время в женихи! Это было у всех на устах...

А вот стих «Его шпионом имянует» требует особого разговора, потому что он становился уже предметом научного комментария – крайне неоднозначного.

⁷ Кононов А. А. Из записок // Библиографические записки. 1859. № 10. С. 307. Вошло в кн.: Вересаев В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. М., 1984. С. 190.

Весь интересующий нас фрагмент откровенно автобиографичен, и Ю. М. Лотман справедливо писал об отражении в нем «личных впечатлений П<ушкина> от поездки весной 1829 г.» из Петербурга в Москву. «Стих «Его шпионом имянуют» объясняется сплетней, распространенной о Пушкине в это время его приятелем А. П. Полторацким. В черновом письме Вяземскому П<ушкин> жаловался, что Полторацкий...»⁸. Далее приводится текст письма; мы к нему обратимся чуть позже, а пока заметим следующее.

Слова Ю. М. Лотмана «в это время» неточны: то ли имеется в виду «весна 1829 г.», время поездки Пушкина из Петербурга в Москву, то ли – время написания письма Пушкина к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г. Во-вторых, утвердительное прочтение инициалов «А. П.», данных публикаторами академического издания (текст письма подготовлен Д. П. Якубовичем, редактор тома Н. В. Измайлов) под вопросом – как сомнительное⁹, – такое утвердительное прочтение инициалов небесспорно.

Дело в том, что ранее было принято иное чтение – не только инициалов, но и всего отрывка. В «Письмах» Пушкина под редакцией Б. Л. Модзалевского текст печатался так: «Полтор[?] уехал с... и А. И. [распутал] сбыл с тем, что..... получаю за то,суммы (которая очень бы мне пригодилась.....) ...являлся.....

⁸ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 380. Ю. М. Лотман не ссылается на предшественников в таком понимании текста, однако следует указать, что едва ли не первой так истолковала его Т. Г. Цявловская в работе, которая по своей спорности является единственной в ее наследии: Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта // Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.; Л., 1966. С. 16.

⁹ Так же – под вопросом – дана идентификация «А. П. <?>» как А. П. Полторацкого и в Алфавитном указателе к XIV тому академического издания (с. 496).

братцы за.....»¹⁰. Это чтение предлагалось в 1928 г., в нем очевидно несовершенство подачи материала в сравнении с академическим изданием, но оно убеждает в сложности чтения отрывка, в чем легко, впрочем, убедиться и по его факсимиле¹¹.

В 1941 г. в академическом издании мы находим новое чтение, на которое опирается и Ю. М. Лотман: «[<Нрзб.>] Полтор<ацкие> <?> уехали в <нрзб.> а А. П. <?> [распустил] сбол<тнул> в Твери <?> что я шпион, получаю за то 2500 в месяц <?> [сумма] (которые очень бы [н<ам>] мне пригодились благодаря крепсу) и ко мне уже являются трою<ро>дн<ые> братцы за местами<?> и за милостями <?> [за <нрзб.>] царскими <?>» (XIV, 266). Убеждение в том, что «А. П. <?>» – это А. П. Полторацкий, родилось, очевидно, на основании того, что в 1925 г. была опубликована запись П. И. Бартенева «Алексей Павл. Полторацкий», дальше идет ряд слов, совершенно не поддающихся чтению, кроме слов: «в Твери б. [был] в Кишиневе [?]»¹². К этой записи М. А. Цявловский сделал такое примечание: «В письмах Пушкина его имя упоминается дважды (письмо к кн. П. А. Вяземскому от 6 февраля 1823 г., № 48 акад. изд. переп. и к Ф. Ф. Вигелю от ноября 1823 г., № 56)»¹³. Никакого письма к Вяземскому от 1 сентября 1828 г. здесь еще нет. Однако в известном словаре Л. А. Черейского указание на «Рассказы о Пушкине» как достоверный источник информации об отношениях Пушкина и А. П. Полторацкого в 1828 г. дано без всяких оговорок¹⁴.

Возвращаясь к письму, укажем также, что в беловой текст его

¹⁰ Пушкин Письма Т II С 56

¹¹ Воспроизведение рукописи см XIV, вклейка между с 266 и 267

¹² Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851–1860 гг М, 1925 С 60

¹³ Там же С 133

¹⁴ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение 2-е изд., доп. и переработ Л, 1989 С 342

вся эта информация не вошла. Это, конечно, очень странно: ведь весь текст этот написан на полях черновика, после того как основная часть уже сочинена. И вся эта основная часть, написанная ранее, вошла в окончательный текст (сравни: XIV, 26–27), а дополнение – нет. Зато в окончательном тексте письма появилось то, чего не было в черновике: «Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее.

Прямо, прямо на восток.

Мне навязалась [новая <?> п<...> <?>] на шею преглупая шутка. До прав.<ительства> дошла наконец Гавриилиада; приписывают ее мне; донесли на меня, и я вероятно отвечу за чужие проказы, если кн. Дм.<итрий> Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами» (XIV, 26–27). Текст этот написан на полях, он как бы заменяет текст, имеющийся в черновике, да, очевидно, и является его эквивалентом-заместителем.

Черновой текст письма невозможно убедительно расшифровать, ибо (как нам кажется) Пушкин только ищет формулы и намеки для Вяземского о следствии по поводу «Гавриилиады». Однако позволю себе выдвинуть версию понимания текста: <?> уехал к <?> (эквивалент: «Ты зовешь меня в Пензу...» и далее). А. П. <Александр Пушкин> сболтнул в <?> что шпион (т. е. я наговорил на себя ложно, отказавшись от своего родного – от «Гавриилиады»), и ко мне уже являются троюродные братцы за <?> <?> <?> (т. е.: а ко мне Митьков отослал как к автору поэмы).

Согласимся с тем, что гипотетичность не лучший аргумент, но за неимением лучшего удовольствуемся хорошим. Во всяком случае это выглядит убедительнее, нежели «пушкинское» признание в том, что А. П. Полторацкий огласил его шпионом, а он,

Пушкин, никак на это не отреагировал. Как известно, именно в это время Пушкин по поводу гораздо более ничтожному требовал удовлетворения от Т. Ж. де Лагрена¹⁵, так что предположить, что он мог оставить без внимания данную сплетню, просто невозможно.

Кроме того, традиционному прочтению черновика письма противится и пушкинская точность; 1 сентября 1828 г. Пушкин пишет: «А. П. <?> [распустил] сбол<тнул> в Твери <?>, что я шпион <...> и ко мне уже являюсь» – дело происходит в Петербурге. А 16–21 октября 1829 г. в Павловском Пушкин замечает:

Им занимается Москва
Его шпионом имянует.

Свою биографическую петербургскую ассоциацию Пушкин переадресовывает московскому эпизоду жизни Онегина.

Наконец, каким это «шпионом» прослыл Пушкин? Ю. М. Лотман указывает, что «шпион, в употреблении той поры, – полицейский агент, доносчик»¹⁶. Однако это не совсем верно: были и другие значения слова, о которых мы скажем чуть позже. А сейчас отметим, что прослать «полицейским агентом» на службе III отделения у Пушкина в это время не было никаких оснований: ведь именно в конце лета – начале осени 1828 г. шло следствие об авторстве «Гаврилады» и отношения поэта с III отделением носили совсем иной характер.

Не могу, впрочем, истины ради не сказать, что согласно воспоминаниям Н. В. Пютяты, когда «Пушкин пришел к Бенкендор-

¹⁵ Пютята Н. В. Из записной книжки // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 8–9, 422.

¹⁶ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 380.

фу проситься волонтером в армию», то «Бенкендорф отвечал ему, что государь строго запретил, чтобы в действующей армии находился кто-либо не принадлежащий к ее составу, но при этом благосклонно предложил средство участвовать в походе: хотите, сказал он, я определю вас в мою канцелярию и возьму с собою? Пушкину предлагали служить в канцелярии III-го Отделения!»¹⁷. И мне могут сказать: если этот факт был известен одному человеку, то почему он не мог быть известен другому, например, А. П. Полторацкому, а тот – разве он не мог сболтнуть в той же Твери, что Пушкин – «шпион»? На это я могу возразить только то, что не было и не намечалось дуэли...

К версии об «автобиографическом намеке» в стихе «Его шпионом имянует» вернулись через несколько лет после Ю. М. Лотмана Р. В. Иезуитова и Я. Л. Левкович¹⁸. Не упоминая о наблюдениях Ю. М. Лотмана, эти авторы ссылаются на воспоминания С. П. Шевырева: «Москва неблагородно поступила с ним: после неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве и наушничестве и шпионстве перед государем. Это и было причиной того, что <он> оставил Москву»¹⁹. Однако ясно, что эти свидетельства С. П. Шевырева, если и точно отражают ситуацию, то во всяком случае относятся к 1826 г., т. е. ко времени возвращения Пушкина из Михайловской ссылки. У современников Пушкина, напуганных и оттолкнутых от престола казнью

¹⁷ Путьята Н. В. Из записной книжки. С. 6.

¹⁸ Иезуитова Р. В., Левкович Я. Л. Пушкин в работе над «Евгением Онегиным» // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Горький, 1989. С. 62 (приложение).

¹⁹ Шевырев С. П. Рассказы о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 50.

над декабристами, вполне могли зародиться сомнения в причинах милостивого обхождения Николая I с Пушкиным. вполне могли появиться версии о «ласкательстве», «наушничестве» и «шпионстве перед государем». Но версии эти, очевидно, не достигли ушей поэта, поскольку сам он никак не откликнулся на них... Так или иначе, все это достаточно далеко отстоит от 1829 г.

Итак, у Пушкина осенью 1829 г. сказано, что Москва занимается Евгением Онегиным и «его шпионом имянует». Сама эта формула той же осенью 1829 г. «имяновать» кем-либо – появляется у Пушкина еще раз. А именно – в стихотворении, начатом еще в январе, а дописанном в октябре 1829 г. и посвященном Е. В. Вельяшевой, «Подъезжая под Ижоры...» Здесь сказано:

Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром имянован
Я в губернии Тверской... (III, 151).

Наиболее близкие варианты: «Хоть повесой имянован», «Хоть ловласом имянован» (III, 719, 720). Как удалось установить, формула «вампиrom имянован» указывает на то, что Пушкина называли «вампиrom» – пожирателем женских сердец – вслед за повестью Дж. Полидори «Вампир», основанной на устном рассказе Байрона и вышедшей в русском переводе в 1828 г.²⁰

Поэтому нельзя ли аналогичное словоупотребление рассматривать в том же смысле: «его шпионом имянует», т. е. называет его именем какого-то литературного героя? – Оказывается, можно.

Еще в 1982 г. Н. Клейман сделал предположение, что Онегин был «имянован» шпионом вслед за героем популярного романа Ф. Купера «Шпион»²¹, но не обосновал этого предположения под-

²⁰ См. главу «...Вампиrom имянован...» в этой книге.

²¹ Клейман Н. «О кашах пренья...»: (Опыт текстологического анализа) // Болдинские чтения. Горький, 1982. С. 99–101.

робно. Р. В. Иезуитова и Я. Л. Левкович сочли эту гипотезу «явной натяжкой»²². Именно поэтому мы должны теперь рассмотреть и данную версию.

Напомним, что текст интересующих нас стихов из стихотворения «Подъезжая под Ижоры...» появился в рабочей тетради Пушкина вслед за фрагментом <17-й> строфы «Евгения Онегина», на листе 112, а текст о Москве – на листе 116²³. Такое близкое расположение одинаковых словоупотреблений лишний раз подтверждает верность предположения Н. Клеймана²⁴.

Таким образом, получается, что «шпион» из письма Пушкина к Вяземскому и «шпион» из «Евгения Онегина» – разные «шпионы». Ведь и для «вампира» из «Подъезжая под Ижоры...», и для «шпиона» из «Онегина» Пушкин предварительно подбирал другие литературные маски, и одной из них была – равно для обоих – «повеса»: «Его повесой имянуют» (VI, 479), «Хоть повесой имянован» (III, 719).

Герой романа Купера Гарви Бёрч, страстно преданный своей родине – нарождающимся Штатам Северной Америки, – служит шпионом Дж. Вашингтона якобы на стороне англичан. Глубокая истинная любовь к своей родине побудила его пойти на предание дурной славе собственного имени, на постоянные унижения и опас-

²² Иезуитова Р. В., Левкович Я. Л. Пушкин в работе над «Евгением Онегиным». С. 62.

²³ См. описание: Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения). С. 261.

²⁴ От себя скажем, что по тем же соображениям, по которым мы датировали работу над «Евгением Онегиным» в Павловском 16–21 октября, теми же датами можно было бы датировать и работу над стихотворением «Подъезжая под Ижоры...»

ность быть повешенным как шпион. Шпион оказывается в этом контексте именем высокого романтического героя²⁵.

Вот почему прозвище «шпиона» после публикации романа Купера становится в России не негативным, а едва ли не высоким. Во всяком случае в водевиле А. А. Шаховского «Еще Меркурий, или Романый маскарад», который был впервые представлен в Петербурге 3 ноября 1829 г., среди других литературных масок на этом «маскараде» был и куперовский Шпион:

Я, господа, Шпион... постоите,
И не бегите от меня;
Узнать прошу вас, удостойте,
Что не похож с другими я.
Я честью жертвовал моею,
Чтобы отечество спасти,
Хоть жертвуют другие ею,
Чтоб выгодней итог свести²⁶.

Итак, как мы полагаем, строка «Его шпионом имянует» указывает на куперовского шпиона Гарви Бёрча. Однако как ранее мы отводили другое толкование слова, так теперь мы должны аргументировать это толкование его.

²⁵ «Шпион» – второй роман Купера, созданный в 1821 г., – был первым произведением американского романиста, опубликованным в России. Его отдельное издание в 1825 г. имело большой успех, и хотя ни оно, ни англо-, ни франкоязычные издания романа не сохранились в библиотеке Пушкина, у нас есть все основания предполагать знакомство Пушкина с ним. Дело в том, что в числе подписчиков на русское издание был С. А. Соболевский, а рекламное объявление и рецензии на роман мы находим в «Московском телеграфе», активным сотрудником которого был П. А. Вяземский, да и сам Пушкин печатался там в эту пору. Подробнее о восприятии «Шпиона» в России см.: Николюкин А. Н. Литературные связи России и США. Становление литературных контактов. М., 1981. С. 256–261.

²⁶ Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961. С. 726–727.

Здесь, во-первых, весьма уместно вспомнить, что сравнение Пушкина с героями Купера уже имело место в его жизни: Red-Rower'ом, Красным пиратом – по имени заглавного героя другого романа Купера называла Пушкина летом 1828 г. А. А. Оленина²⁷. И так, дамы в губернии Тверской называли Пушкина «вампиром», А. А. Оленина величала его Red-Rower'ом, в Москве дано ему прозвище «шпиона». Очевидно, тоже кем-то из женщин.

Единственное женское общество, в котором Пушкин активно вращается, вернувшись из Арзрума, – это сестры Ушаковы. Могли ли они прозвать Пушкина «шпионом»? – Конечно, могли. Игровой момент, который так отчетливо запечатлен на страницах альбома Е. Н. Ушаковой²⁸, мог породить и шуточные прозвища. Одно из них мы знаем – Дон-Жуан²⁹. Другим, вероятно, был Шпион.

Но если Дон-Жуан, Ловлас, повеса, Вампир – это разные обозначения одного и того же типа, широко распространенного в любовном быту, мотивировать применение которых к Пушкину вряд ли следует дополнительными аргументами, то Шпион – дело другое. Тут требуются особые обоснования и аргументы.

На самом деле, почему в Москве Онегина/Пушкина могли именовать «шпионом»?

Думается, что лучшим объяснением может быть следующее.

²⁷ Оленина А. А. Из дневника // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 84.

²⁸ Воспроизведение сохранившихся рисунков из этого альбома и комментариев к ним см.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 673–693. Описание этих рисунков, в том числе и несохранившихся, см.: Майков Л. Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 365–377.

²⁹ Там же. С. 629–637; см. также: Губер П. К. Дон-Жуанский список Пушкина. Пб., 1923.

Пушкин бежал на Кавказ от невзгод своей жизни. Когда он вернулся, от него ждали оды русскому оружию – а он молчал. «Мы думали, – писал в своей «Северной пчеле» Ф. В. Булгарин, – что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов, – мы ошиблись. Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии появился опять Онегин, бледный и слабый... сердцу больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину»³⁰.

Ф. В. Булгарин фактически обвинял Пушкина в отсутствии патриотизма, что при тоталитарном мышлении николаевской эпохи могло оцениваться и оценивалось как предательство родины.

Конечно, девицы Ушаковы не разделяли мнений булгаринского официоза, но именно поэтому они и могли применить к Пушкину (в шутку, разумеется) прозвище «шпион»: вас, мол, величают шпионом, а на самом деле вы преданный родине человек. Как мы понимаем, любое прозвище не уравнивает прозываемого человека и его литературный прототип: Пушкин, хотя и вампир, – не кровопийца. Поэтому полного подобия и сходства между Пушкиным и Гарви Бёрчем искать не надо: достаточно и отдаленного. Но зато даже это отдаленное сходство лучше проясняет нам строчку «Его шпионом имянует», нежели доселе принятые версии.

Московская Молва была в самом деле «велеречива», или, как Пушкин сказал позднее (и точнее), – «разноречива». Пушкин/Онегин был назван ею «шпионом», «женихом», ему посвящали стихи. И все это в двадцать с небольшим дней – с 20 сентября по 12 октября 1829 г.

³⁰ Цит. по: Вересаев В. Пушкин в жизни. С. 164.

2. «Москвич в Гарольдовом плаще»

В плане романа, составленном Пушкиным в Болдине в 1830 г., седьмая глава названа «Москва» (VI, 532). Эта глава открывала, судя по всему, вторую часть романа, ибо, как известно, шестая глава в первой публикации заканчивалась пометой «Конец первой части»³¹. Если действие романа (глава 1-я и начало первой части) начиналось в Петербурге, то действие второй части начинается в Москве – перенос весьма многозначительный для культурного сознания XVIII – начала XIX века³². Однако московские коннотации седьмой главы изучены, видимо, еще недостаточно. Если более или менее полно освещена проблема изображения грибоедовской Москвы у Пушкина³³, то ни роль воспоминаний о войне 1812 года, ни роль других моментов текста еще не осмыслена. В настоящих заметках я намерен остановиться лишь на одном эпизоде, который, как мне кажется, имеет общее значение.

После эпиграфов первое упоминание Москвы в тексте седьмой главы мы находим в строфе XXIV. Ознакомившись с кругом чтения Онегина,

³¹ Евгений Онегин, роман в стихах Сочинение Александра Пушкина <Глава VI> СПб, 1828 С 48

³² Вацуру В Э Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов // Пушкин Исследования и материалы Л, 1969 Т VI С 160–167, Лотман Ю М Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю М Избранные статьи В 3 т Таллинн, 1992 Т II, он же Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) совместно с Б А Успенским) // Там же Т III

³³ Из последних работ – статья автора этих строк Из комментариев к «Евгению Онегину» // Болдинские чтения Нижний Новгород, 1991 С 126–133

начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее – слава богу –
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной

Далее стоит двоеточие, означающее, что весь последующий текст дан с точки зрения Татьяны. Однако это не прямая, а несобственно-прямая речь, которая совмещает в себе точку зрения героини с точкой зрения автора³⁴. Оба эти взгляда трудно, но необходимо разграничить, иначе мы не сможем адекватно понять этот текст:

Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?
Уж не пародия ли он? (VI, 149).

В свое время одному Пушкину приписал эти слова Г. В. Плеханов, и у него получилось, что Евгений Онегин – это «образованный русский дворянин «в гарольдовом плаще»»³⁵. Сходным образом толковал этот образ и С. М. Бонди: «...русский помещик, разыгрывающий из себя разочарованного героя байроновской поэмы «Странствования Чайльд-Гарольда»»³⁶ Многозначность

³⁴ Строганов М В Несобственно-прямая речь в литературно-художественном тексте // Литературный текст проблемы и методы исследования Калинин, 1987 С 94

³⁵ Плеханов Г В Литература и эстетика М, 1958 Т 2 С 190

³⁶ Бонди С М <Примечания> // Пушкин А С Евгений Онегин М, 1973 С 190

и многозначительность этого образа отметила, впрочем, Н. И. Михайлова³⁷, однако именно некоторые умолчания в ее статье и позволяют мне сказать свое слово об этом предмете.

«Москвич в Гарольдовом плаще». В этой строчке слово «москвич» никак не может принадлежать Татьяне Лариной. Соседка Онегина по имению, она хорошо должна была знать, что Онегин приехал из Петербурга. В детстве она, очевидно, жила в Москве; об этом вспоминает ее московская родня:

«Как Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
А я так на руки брала!
А я так за уши драла!
А я так пряником кормила!» (VI, 158).

Но с самого детства Татьяна более в Москве не бывала. Поэтому никакого московского «особого отпечатка» на Онегине она обнаружить бы и не могла, даже если бы этот отпечаток и был на самом деле. Татьяна, конечно, одела Онегина в «Гарольдов плащ»: начитавшись Байрона в библиотеке Онегина, ей было трудно сделать это, – но назвать его «москвичем»... нет, это слово совершенно не ее лексикона.

Впрочем, оно не очень-то и пушкинское. В этой строке из «Евгения Онегина» слово «москвич» впервые появляется в языке

³⁷ Михайлова Н. И. «Евгений Онегин» и «Московский Европеец» (о прозаической пародии на «роман в стихах») // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX. С. 221–222. Отметим небольшую неточность этой статьи, где главный герой повести «Московский Европеец» назван Борков, тогда как в тексте повести герой носит эту фамилию лишь на с. 103–105, а со с. 105 и до конца текста именуется Борнов (Библиотека для чтения. 1837. Т. XX. Ч. 2. С. 99–141). Ясно, что это опечатка, но какому варианту отдать предпочтение?

Пушкина. Позже мы встретим его еще пять раз: в «Египетских ночах» и «Русском Пеламе», в «Путешествии из Москвы в Петербург», в «Table-Talk» и одном письме – все тексты 1830-х гг. «Москвич» в «Евгении Онегине» появился в 1828 г., и он очень отличен от всех иных.

Москвич – это житель Москвы. Так употребляет Пушкин это слово в тридцатые годы. В «Евгении Онегине» слово «москвич» означает нечто иное. Как его верно истолковали и Плеханов, и Бонди, – это «русский». Но это непривычное и, в общем-то, неверное значение слова. Вместе с тем оно совершенно подтверждается черновиками «Евгения Онегина», где сначала было сказано так: «Москаль в Гарольдовом плаще» (VI, 441). Это слово по своему точно, ибо в польском и украинском языках «москаль» – презрительное, ироническое, пренебрежительное обозначение русского, не москвича. В этом значении слово «москаль» употребляется и в других произведениях Пушкина («Цыганы», «Борис Годунов»). Но в устах Татьяны Лариной этот полонизм/украинизм был неуместен: ей, русской дворянке, не пристало так говорить о своих соплеменниках. Да и откуда бы знать ей это слово, в то время еще почти не внедрившееся в собственно русский обиход? Пушкин подыскивает иное. Иное есть.

Если Россия допетровских реформ называлась иностранцами Московией, то жители ее именовались москвитями. Слово, как видим, найдено, но оно не лезет в стих. Или стих сломать, или слово. Пушкин сломал слово, используя «москвича» в непривычном ему значении. Но был ли он не прав?

В спорах об исторических судьбах России, занимавших русскую общественную мысль и на рубеже 1820–1830-х гг. (как, впрочем, и в иные времена), Москва понималась как центр России, как хранилище исконно русского, национально самобытного.

Споры эти сформировали четкие и вполне определенные позиции только в самом начале 1830-х гг.³⁸ Когда в 1828 г. Пушкин писал седьмую главу «Евгения Онегина», этой четкости еще не было. И вместе с тем наметились две тенденции: первая состояла в утверждении того, что Россия принадлежит Европе, следственно в ее историческом пути видятся европейские нормы и формы (Н. А. Полевой); вторая тенденция сводилась к тому, что природный характер России – азиатский, а образование сделало его европейским, следовательно, должно вернуться к исконной сущности характера и избежать таким образом возникающих противоречий (С. П. Шевырев). По мнению Пушкина, Россия принадлежит Европе и одновременно не похожа на нее: «Схизма <разделение церквей> отъединила нас от остальной Европы» (XVI, 392; пер. с франц.). Это означает, что первоначально, исконно Россия принадлежала Европе, и если потом «Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою» (XI, 127), то это вовсе не благо для России, а зло, которое необходимо исправить и преодолеть. «Остальная Европа» – как это хорошо сказано! Получается, что Россия – это Европа, которая не «остальная»!

Мысль Пушкина в «Евгении Онегине» постоянно строится на поисках сходства несходного и на определении несходства сходного.

Недуг, которому причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче, русская *хандра*
Им овладела понемногу... (VI 21).

³⁸ Тойбин И. М. Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830 годов. Воронеж, 1980. С. 69–96.

В Англии эта болезнь души называется сплином; в России – хандрою. Они во многом сходны между собою, хотя и разнятся. Или: «Как dandy лондонский одет...» (VI, 6) и примечание: «Dandy, фронт» (VI, 191). Слово «dandy» еще абсолютный варваризм, его еще по-русски и написать нельзя! Другое дело совсем обрусевшее слово «фронт». Онегин – фронт (VI, 15); предмет воздыханий Прасковьи Лариной до замужества – тоже фронт (VI, 45); фронтом в свои двадцать лет был и некто N. N., который жил «как все» (VI, 169). Поэтому примечание «Dandy, фронт» означает: и похож русский фронт на английского dandy, и не похож – один-то русский, а другой – английский!..

Но Пушкин, видя общность России с «остальной Европою», видит и различия. Он никогда не скажет, что Онегин – это Чайльд-Гарольд, хотя все время сравнивает их:

Как Child-Harold, угрюмый, томный
В гостиных появлялся он (VI, 21);
Прямым Онегин Чильд Гарольдом
Вдался в задумчивую лень (VI, 91).

Татьяна же буквально одевает его в костюм байроновского героя: «Москвич в Гарольдовом плаще». (Другое дело, было бы сказать: москвич в плаще, похожем на плащ Чайльд-Гарольда). А потом «благоразумные» читатели (VI, 170) спросят автора:

Чем нынче явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской шегольнет иной... (VI, 168).

Национальное в обоих случаях понимается не как сущностное, а как внешнее, как маска, которую можно снять и надеть.

Именно так и толковал образ Онегина И. В. Киреевский в

своей статье 1828 г. «Нечто о характере поэзии Пушкина»: «Время Чайльд-Гарольдов, слава богу, еще не настало для нашего отечества <...>

Посмотрим, какие качества сохранил и утратил цвет Британии, быв пересажен на русскую почву»³⁹. Сравнивая Чайльд-Гарольда и Онегина, Киреевский приходит к выводу, что, усвоив внешние формы байроновского героя и байронической поэмы, Пушкин не смог сообщить ему той полноты содержания, которою наделен герой Байрона⁴⁰.

У Киреевского (правды ради это надо сказать) есть склонность к тому, чтобы понимать национальное как сущностное, и вместе с тем внешнее, «масочное» начало пока еще преобладает⁴¹.

³⁹ Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 36–37.

⁴⁰ Сравн.: «Еще более стремление к самобытному роду поэзии обнаруживается в «Онегине», хотя не в первых главах его, где влияние Байрона очевидно; не в образе изложения, который принадлежит «Дон-Жуану» и «Беппо», и не в характере самого Онегина, однородном с характером Чильд-Гарольда»; и далее, после анализа образа Онегина: «Вот Чильд-Гарольд в нашем отечестве» (там же. С. 36, 37).

⁴¹ Этот текст был прочитан в качестве доклада на конференции «Пушкин и Москва» в марте 1995 г. в Государственном Музее А. С. Пушкина. При обсуждении доклада В. А. Кошелев заметил автору, что Киреевский и ранее мог высказывать Пушкину свои новые воззрения. Но данными на сей предмет мы, к сожалению, не располагаем, хотя были бы склонны доверять суждению специалиста. См., впрочем: Степанов Л. А. И. В. Киреевский среди литераторов «пушкинского круга» («Царицынская ночь») // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. XIII, – где, с нашей точки зрения, возможные идейные контакты обоих авторов в конце 1820-х гг. представлены наиболее полно. Добавим только, что имя главного героя «Царицынской ночи» Владимира Вельского вызывает в памяти «Евгения Вельского» М. Воскресенского (М., 1828), одной из первых и наиболее ярких пародий на «Евгения Онегина», имя же Владимир восходит к Владимиру Ленскому. Анализ этого контекста – особая и самостоятельная тема.

Впервые сопоставление анализируемого стиха из седьмой главы и статьи И. В. Киреевского предпринял Ю. М. Лотман⁴². Однако он не указал, что опубликованная в шестом номере «Московского вестника» за 1828 г. статья Киреевского уже в апреле должна была быть известна Пушкину. Именно в 1828 г. писалась седьмая глава (помета на рукописи «Альбома Онегина» – 5 авг. <уста?> (VI, 434))⁴³. Вот почему у нас есть все основания полагать, что «Гарольдов плащ» появился на «москвиче» Онегине не без влияния Киреевского.

Но и позднее современники Пушкина будут однозначно видеть в Онегине «московского европейца»⁴⁴, – как раз то, чем Онегин не был. Надо, впрочем, сказать, что в начале 1830-х гг. в Москве был свой европеец: «Европейцем» назывался журнал, который издавал все тот же Киреевский⁴⁵. Судьба игрива, Пушкин мог бы скаламбурить на манер И. И. Дмитриева: «“Европеец” представился по-европейски...»⁴⁶, – ответив таким образом

⁴² Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 320–321.

⁴³ Сравн. Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828–1833 гг. (ПД № 838) (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. С. 241. Ю. М. Лотман (Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» С. 171) ошибочно указывает дату 5 апреля.

⁴⁴ См. Михайлова Н. И. «Евгений Онегин» и «Московский Европеец». Хочу, впрочем, заметить, что в этой действительно небесталанной повести автор, желая пародировать Онегина, невольно превосхищает характер будущего – характер лермонтовского Печорина. «Московский Европеец» наделен отсутствующей у Онегина и столь важной для Печорина рефлексией, его отношения с женщинами также напоминают лермонтовского героя. Повесть таким образом теряет свое значение «отклика», спровоцированного предшествующим текстом, и получает значение провоцирующего текста, который будет порождать новую генерацию идей.

⁴⁵ Об истории этого журнала см. главу «Судьба Европейца» в кн. Вацуру В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986.

⁴⁶ Старина и новизна. 1898. Кн. 2. С. 164.

на «Чильд-Гарольда в нашем отечестве». Но Пушкин отвечал серьезно и покойно (XV, 9).

Москва для Пушкина на самом деле сердце России. Москвич, не взирая на всю неудачность этого семантического переноса, – это все же именно исконно русский. Пережив эпоху насильственного отторжения от Европы, Россия путями цивилизации должна вернуться в лоно ее. Москвичу не надо одеваться в плащ Чайльд-Гарольда, чтобы стать европейцем: он и так европеец. Кто не видит этого, тот не понимает Онегина.

Александр Юргенев, дед Лики Мизиновой

Героем этой главы является мало кому известный Александр Тихонович Юргенев, дед гораздо более известной Лидии Стахивевны Мизиновой, которая занимает в жизни Чехова такое важное место, какого Александр Юргенев не занимал в жизни Пушкина. Но не столь яркий дед «божественной Лики» тем не менее знал не Чехова, а Пушкина, и поэтому оказался предметом нашего особого внимания.

Вот формулярный список Юргенева, включенный в указ об его отставке:

«Предъявитель сего подполковник Александр Тихонович Юргенев, как значится из полкового формулярного списка, от роду имеет 51 год, из дворян Смоленской губернии, в службу вступил в Таврический гренадерский полк подпрапорщиком 803 апреля 25-го, портупей-прапорщиком 804 марта 19, прапорщиком 806 февраля 20, подпоручиком 808 сентября 30-го, переведен в Императорский Военно-сиротский дом 810 генваря 26, поручиком 812 февраля 5-го, уволен от службы капитаном 813 сентября 1, за отличие по службе майором 818 марта 20, подполковником

826-го августа 31, был в походах <:> 1805 ноября с 11-го чрез Просию <!>, Австрийские владения до Шлезии <!> и обратно в пределы России, 806 марта 14 по¹ того ж года сентября 20 вторично в Просию <:> против французских войск в действительных сражениях <:> декабря 14 под деревнею Глоновином 807 генваря 26 и 27 под местечком Прейсиш-Эйлау, мая 29 под г. Гельсбергом, июня 2-го под г. Фридландом, где получил контузию в правое плечо. 1814 апреля с 14-го на аванпостах под городом Гамбургом в разных сшибках и перестрелках, с 1-го по день сдачи крепости Гамбурга декабря по 15 в Голштинии, а с 15 декабря по 1-е генваря 1815 года на марше обратно в Россию; за смотры же, парады, маневры и ученья, произведенные в Высочайшем присутствии, в числе прочих удостоился получить Высочайшие благоволения, объявленные в Высочайших приказах 1823 года августа 26 и 29-го; 1826 июля 26, 31, августа 5, 14, 20 сентября 5; 1827 мая 12, 15 и 17 числ и сверх того Всемилостивейше награжден не в зачет третним жалованьем в 1826 и 1827 годах, в штрафах и под судом не бывал; а в отпуску находился 1822 года с 4 декабря на 4 месяца, 1825-го с 16 декабря на 2 месяца, 1827 с 22 ноября на 3 месяца, и на срок являлся, холост <...>². Уволен от службы 20 декабря 1828 г. «с мундиром и за свыше 20-ти летнюю службу с пенсионом одной трети жалованья, составляющих по четыреста рублей ассигнациями в год»³.

Указ был выдан 20 апреля 1829 г., вычтя 51 год – возраст

¹ В оригинале очевидная описка «по 14».

² ГАТО. Ф. 645 (Тверское дворянское депутатское собрание). Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 4828. Л. 2–2 об. Тексты документов публикуются с сохранением лишь некоторых характерных особенностей.

³ Там же. Л. 2 об. -3.

нашего героя, – мы получаем год его рождения: 1777/8. Но этот возраст очень плохо согласуется с датой вступления Александра Тихоновича в службу: получается, что в 1803 г. ему было 25–26 лет, – вещь небывалая! Но если учесть, что перед нами копия указа, изготовленная в конце октября 1838 г., то, вычтя отсюда 51 год, мы получаем годом рождения 1787 г., а возраст вступления в службу – 16 лет. Эта дата рождения – 1787 г. подкрепляется, хотя и не совпадает с данными Б. Л. Модзалевского, который, не ссылаясь на источники, писал: «умер 6 сентября 1867 г., 82 лет»⁴. По Б. Л. Модзалевскому получается, что Юргенев родился в 1785 г. Не решаемся утверждать, но еще одна ошибка комментатора: подполковник с 1848 г.⁵ – наводит на мысль, что наша версия, может быть, и точнее.

Получив отставку, Юргенев появляется в Старицком уезде Тверской губернии, и приехавший сюда А. С. Пушкин сообщает А. Н. Вульфу 16 октября 1829 г. из Малинников: «Ал<ександра> Ив<ановна> заняла свое воображение отчасти талией и задней частью Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавым выго-

⁴ Пушкин. Письма. М.; Л. 1928. Т. II. С. 348. Собственно, на этих сведениях и базируются справки об А. Т. Юргеневе в книгах: Черейский Л. А. Пушкин и Тверской край: Документальные очерки. [М], 1985. С. 80; Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 515–516. В первой из названных книг Л. А. Черейский приводит свидетельство старицкого краеведа Д. А. Цветкова, что до войны в архиве местного музея он прочел в дневнике «некоей Юргеневой» запись о Пушкине: «Вчера в Малинниках увидела Пушкина. Говорят, что он знаком с государем, но эта честь не по нему, так как видно, что взбалмошный человек» (Верный путь (Старица). 1964. 6 июня). «Повидимому она – родственница А. Т. Юргенева», – делает вывод Л. А. Черейский. Но, как показывает просмотр архивных документов, среди тверских дворян не было других с такой фамилией. Поэтому запись «некоей Юргеневой» следует признать либо выдумкой краеведа, либо неверно прочитанной фамилией. См. также: Кочнева Т. Божественная Лица // Тверь: Литературный альманах. Тверь, 1997.

⁵ Пушкин. Письма. Т. II. С. 348.

вором Юргенева» (XIV, 49). Впервые это письмо появилось в печати еще при жизни Александра Тихоновича, хотя и с заменой фамилий инициалами⁶.

Алине Осиповой Александр Тихонович Юргенев мог вполне, что называется, пригляднуться. Хотя ему было, видимо, 42 года, он мог составить приличную партию для небогатой провинциальной барышни.

Юргенев уже 6 апреля 1825 г. приобрел в Старицком уезде небольшое имение Подсосенье. Деревня эта принадлежала ранее Федору Ивановичу Вульффу, брату Петра, Павла, Ивана Ивановичей, так хорошо знакомых нам по биографии Пушкина. Правда, Федор Вульф умер 28 ноября 1825 г., не успев документально оформить сделку, и поэтому процесс размежевания с Вульфами затянулся на долгие годы. Поскольку братья покойного отказались от наследования имения, чтобы не брать на себя и его долги (отказались они и от опеки над имением, как, впрочем, и их зять П. И. Понафидин и ряд других лиц), взять дела в свои руки было некому. Одна П. А. Осипова, бывшая первым браком за Николаем Ивановичем Вульфом, приняла на себя наследование и оплату долгов, и (хотя братья Федора Вульфа отказались и от свидетельствования продажи Подсосенья Юргеневу) раздел был совершен 13 декабря 1828 г.⁷ Само же размежевание соседственных помес-

⁶ С.-Петербургские ведомости. 1866. 22 июня. № 168; Русский архив. 1867. Стлб. 158–160.

⁷ Все эти документы см.: ГАТО. Ф. 673 (Старицкий уездный суд). Оп. 1. Ед. хр. 2043. Дело о взыскании с покойного ротмистра Федора Вульфа разным кредиторам денег. Сравн.: Там же. Ед. хр. 1038. См. также: ГАТО. Ф. 466 (Тверское губернское правление). Оп. 1. Ед. хр. 47339. Дело по прошению майора Александр<!> Юргенева о понуждении наследников умершего ротмистра Федора Иванова Вульфа к даче купчей на проданное ему по учиненной записи имение.

тий затянулось еще до 1839 г.⁸. А в это же время вдова Федора Вульфа Вера Александровна (будучи уже во втором браке Павловой) продала П. А. Осиповой и другие владения своего мужа⁹

Но так или иначе отставной подполковник Юргенев поселился в своем поместье и стал достаточно завидным женихом. Вот описание его имения, составленная в 1854 г.: «...Земли, к этой деревне принадлежащей, находится в единственном, а не чрезполосном владении и одной окружной меже пашенной 350 десятин 934 сажени, лесу дровяного, между коим сенокос, 10 десятин 1249 сажень, под огородами, гуменниками 11 десятин 2284 сажени, сенокосу по оврагу 13 десятин 1560 сажень, под дорогами 2 десятины 1431 сажень, под ручьями 2 десятины 114 сажень, и в отхожей <?> пустоши Микухе, отстоящей от деревни Подсосенья в 6 верстах, дровяного лесу, между коим сенокос, 73 десятины 1828 квад. сажень, под ручьем безымянным 200 сажень, а всего всей земли: четыреста шестьдесят пять десятин»¹⁰. Крепостных же у Юргенева в 1854 г. было всего 72 души: 65 крестьян и 7 человек дворовых.

Эти данные Александр Тихонович представил в 1854 г. для получения свидетельства на залог имения. Но точно такие же данные и с той же целью он представлял и ранее: в 1829 и 1835 гг.¹¹ Известно, что время от времени он отпускал дворовых людей на волю: документы об этом значатся в описи фонда Старицкого уездного суда, но сами они не сохранились¹².

⁸ Там же Ф 673 Ед хр 2129 Дело «Об отмежевании подполковнику Александру Юргеневу принадлежащей ему по купчей от г Вульфа земли»

⁹ Вульф А Н Дневники // Любовный быт пушкинской эпохи М, 1994 Т 1 С 315

¹⁰ ГАТО Ф 673 Оп 1 Ед хр 1038 Л 5-5 об

¹¹ Там же Ед хр 257 и 365

¹² Там же Ф 673 Оп 1 О засвидетельствовании отпускной, данной г Юргеневым дворовым людям Сергею Фирсову и его сыну Александру, 28 сентября – 2 ноября 1854 г, О засвидетельствовании отпускной, данной г Юргеневым дворовой девке Авдотье Макаровой

Что за помещик был Юргенев – мы не знаем. Но он был «перспективным» женихом. Женился же он, однако, только в 1835 г., когда ему было уже 48 лет, в Калуге на девице Анне Сергеевне Сомовой, дочери статского советника Сергея Александровича Сомова¹³. Для подполковника (чин 7-го класса) брак с дочерью статского советника (чин 5-го класса, почти генерал!) был очень выгодной партией. К тому же, видимо, в приданое за Анной Сергеевной Юргенев получил сельцо Воротьково в Бельском уезде Смоленской губернии¹⁴. По крайней мере здесь Юргеневы жили первые годы своего брака и здесь родились их дочери.

Серафима Александровна родилась 1 августа 1836 г. и крещена была того же дня в селе Богословском¹⁵. Лидия Александровна родилась 10 марта 1838 г. и крещена в селе Покрове на Обше¹⁶. Это очень важные сведения, ибо даты рождения Серафимы мы до сих пор не знали (только год смерти ее). Дата же рождения Лидии, матери Лики, в чеховской литературе подавалась неверно: 1844 г. Однако есть разница: Серафима вышла замуж в 1852 г., когда ей было всего 16 лет и 16 дней. Лидия вышла замуж в 31 год. Брак Серафимы был счастлив и плодовит. Лидия же Александровна вскоре разошлась с мужем, замуж более не выходила и имела одну только дочь (см. табл. 1).

Мать их Анна Сергеевна более в документах не упоминается. Со слов Б. Л. Модзалевского мы знаем годы ее жизни и то, что она была погребена на кладбище в селе Бернове (могила не сохрани-

¹³ Там же. Ф. 645. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 4828. Л. 5 об.

¹⁴ В плохо читаемом оригинале свидетельства о рождении и крещении дочери Юргеневых Серафимы сказано: «приходу Вашего сельца Вороткова помещицы подполковницы Анны Сергеевой» (Там же. Л. 8).

¹⁵ Там же; ср. л. 5 об.: «село Богословское, что на Днепре».

¹⁶ Там же. Л. 7, 5 об.

лась). После смерти жены в 1848 г. Александр Тихонович прожил в своем имении еще почти 20 лет, воспитывая дочерей.

На территории усадьбы и современного музея А. С. Пушкина в селе Бернове стоит перенесенный из деревни Подсосенья барский дом. Дом деревянный, значительно перестроенный. Он находится в очень плохом состоянии и практически не подлежит реставрации. Но этот дом представляет собой типичное строение сельского помещика, и сооружен он был, очевидно, А. Т. Юргеневым, отцом Серафимы и Лидии.

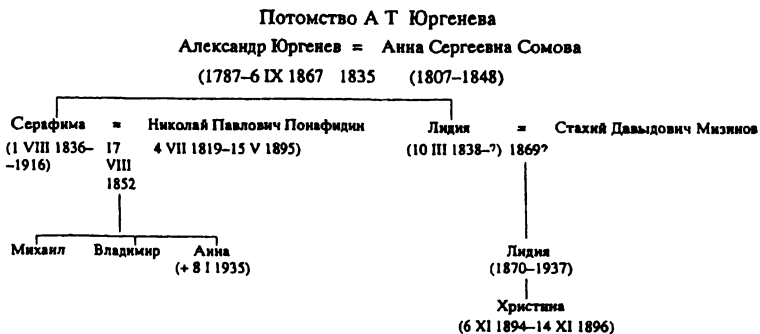
Александр Тихонович достаточно тяжело (что и естественно в его возрасте) пережил крестьянскую реформу. Если в 1830–1850-е гг. у него не было проблем с управлением имением, то в 1862 г. он дважды обращается в Берновское волостное правление с просьбами о взыскании с временно-обязанных крестьян оброчных денег и других повинностей¹⁷. Когда он умер, Лидии было 29 лет, а Серафиме 31 год. Но ни духовной, ни актов о вступлении дочерей во владение имением обнаружить не удалось. Судя по всему, сестры жили дружно, но так же бесспорно, что собственность была ими поделена. Лика была единственной дочерью Лидии Александровны, и, значит, она унаследовала часть земли, принадлежавшую ее матери. Именно об этом Лика писала Чехову в письме от 4 октября 1897 г.: «Ездила к бабушке по делам. Принялась энергично хлопотать о залоге своей земли, и вот теперь дело уже на мази, и если не настигнет зима сейчас и оценщик поспеет осмотреть ее, то в ноябре я брошусь к Вам на шею...»¹⁸.

¹⁷ ГАТО. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 48, 12 л. Начато 16 апреля, кончено 25 июля 1862 г.; ед. хр. 43. 4 л. Начато 13 декабря 1862 г., кончено 4 марта 1863.

¹⁸ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1979. Т. 7. С. 434. Далее цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте.

Серафима вышла замуж за Николая Павловича Понафидина, сына Павла Ивановича Понафидина и Анны Ивановны, урожденной Вульф, родной сестры того Федора Ивановича Вульфа, у которого Юргенев купил Подсосенье. Этот брак сблизил мать и дочь Мизиновых с семейством Понафидиных. Кузен Лики – Михаил Николаевич – земский начальник 4-го участка Старицкого уездного съезда, надворный советник в 1895 г.¹⁹ О нем как об авторитетном специалисте среди сельских хозяев сообщает Чехову Лика в письме от 21 июля 1893 г., советуя от его имени искать себе управляющего (5, 483). Другой кузен, Владимир Николаевич, был знаком с Чеховым (7, 421–422; письмо Л. С. Мизиновой от 1 августа 1897 г.), но никак не запечатлел себя в истории. Кузина же Анна Николаевна Понафидина оставила интересные ме-

Таблица 1

¹⁹ Памятная книжка и адрес-календарь Тверской губернии на 1895 год Тверь, 1895 С 93

муары о Пушкине, записанные ею со слов бабушки Анны Ивановны²⁰.

Ли́ка очень любила дом в Курово-Покровском. 1 августа 1897 г. она писала Чехову: «Здесь очень хорошо. Все-таки я привыкла с детства к дому и к саду, и здесь я чувствую себя другим человеком совершенно» (7, 421). Она называла поместье своей тетки просто Покровским и так рекомендовала его своим друзьям И И Левитану и Чехову В письме к Чехову от 29 мая 1891 г. из дачи Затишье между Берновым, принадлежавшим Вульфам, и Курово-Покровским Левитан писал: «Пишу тебе из очарователь-
<ного> уголка земли, где все, начиная с воздуха и кончая, прости господи, последней что ни на есть букашкой на земле, проникнуто ею, ею – божественной Ликой!»²¹

Упомянем, наконец, что в Покровском жила тетка матери Лики Софья Михайловна Иогансон²², здесь же, в Покровском, умерла и была похоронена (очевидно, на берновском кладбище) дочь Лики от И. Н. Потапенко Христина (6, 554)²³. На этом юрге-

²⁰ Понафидина А Н Воспоминания // А С Пушкин в воспоминаниях современников Т 2

²¹ Левитан И И Письма Документы Воспоминания М, 1956 С 35 Собственно, такого географического названия – Затишье – на карте Берновской волости нет Кроме того, С П Кувшинникова один раз пишет название это в кавычках (Там же С 172) Это наводит на мысль об условности данного названия дачи, придуманного по аналогии с названием повести И С Тургенева

²² О С М Иогансон и ее дневнике см Заборова Р Б Вокруг Чехова (Определение некоторых имен и дат) // Русская литература 1967 № 2 С 162–164, Гроссман Л Роман Нины Заречной // Прометей Историко-биографический альманах М, 1967 Т 2

²³ Заборова Р Б Вокруг Чехова С 163

невская ниточка обрывается. Но если ее распутать в другую сторону, то можно обнаружить не менее интересные истории. О них, несомненно, Чехов уже не знал и не мог даже подозревать. Больше того, о них, наверное, не знала и Лика. От этого они не становятся менее интересны.

27 октября 1838 г., будучи уже отцом двух дочерей, Александр Тихонович Юргенев обращается в Тверское дворянское депутатское собрание с просьбой подтвердить его дворянство и внести его с детьми в Тверскую родословную книгу. Для подтверждения своих прав он представил указ об отставке, содержащий послужной список, свидетельство о рождении и крещении дочерей и копию грамоты о решении Смоленского дворянского депутатского собрания о внесении его с братьями капитанами Андреем и Петром, портупей-поручиком Иваном и подпрапорщиком Павлом в Смоленскую родословную книгу (выдана 12 января 1795 г., утверждена 19 июня 1803 г.)²⁴.

Дело тянулось бесконечно долго. Смоленская дворянская консистория в течение трех лет не могла подтвердить сведений о рождении дочерей²⁵. Смоленское дворянское депутатское собрание еще дольше – с 1839 по 1846 г. – собирало документы о дворянском достоинстве рода²⁶. С 1850 г. Тверское дворянское депутатское собрание стало требовать от Юргенева представления документов на имение²⁷. Измученный этой волокитой, потерявший уже жену и хорошо понимавший, что ни ему, старику, ни его дочерям эта дворянская грамота ничего не даст, Юргенев напи-

²⁴ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 4828. Л. 9–9 об.

²⁵ Там же. Л. 11–11 об. 13–16, 18–18 об., 27–28.

²⁶ Там же. Л. 12, 17–17 об., 19–26, 29–47 об.

²⁷ Там же. Л. 48–51 об.

сал 4 июня 1851 г. в дворянское собрание письмо с просьбой вернуть оригиналы отправленных им документов и прекратить делопроизводство: «Ныне, не желая утруждать перепискою на сей предмет...»²⁸ Кого утруждать? «Их» или себя? Конечно – себя. «Их» переписка не утруждала, а кормила.

Прождав более восьми лет и не вернув оригиналы документов (они так и подшиты к делу), 30 ноября 1859 г. Тверское дворянское депутатское собрание обратилось в Смоленское с очередной просьбой: были ли доказательства о дворянстве Юргеневых? И получило ответ от 28 декабря о том, что копии с документов еще в 1841 г. были представлены в герольдию, но ответа на сей счет не последовало. И тогда, рассмотрев материалы, вновь нашли, что доказательств мало, а дополнительных документов нет, и дело в 1856 г. просто закрыли²⁹. Смоленяне, ясное дело, испугались молчания герольдии. Тверяки даже не стали называть дело закрытым, а просто подождали немного и написали дело конченным 22 декабря 1860 г.

Между тем Юргенев представил свидетельство о дворянстве своего отца Тихона Козмина, о внесении его в дворянскую книгу Смоленской губернии, в часть 6-ю вместе с родственниками – от 9 декабря 1802 г.³⁰ и копию о дворянстве, выданную брату Андрею Тихоновичу 30 октября 1807 г.³¹ Из этой последней следует, что у предка двух линий этого рода, Степана Силюянова сына было 2 сына: Ларион и Антон. Внуки и правнуки Лариона оказались принадлежащими к податному сословию, т. е. хотя и были

²⁸ Там же. Л. 52 об.

²⁹ Там же. Л. 53–54 об.

³⁰ Там же. Л. 26.

³¹ Там же. Л. 20–25 об.

лично свободны и владели землей, но платили подушный налог, от которого были освобождены дворяне. Они были признаны одноподворцами. Потомки же Антона подушный налог не платили. Прощение о причислении к смоленскому дворянству подал один из многочисленных потомков Лариона, Николай Яковлевич, единственный среди своих родных, двоюродных и троюродных братьев, оказавшийся по 4-й ревизии не подлежащим подушному окладу. По 3-й он был еще среди одноподворцев, но, видимо, потому, что ему удалось достичь чина прапорщика, он решил выбиться в дворяне (или восстановить утраченное родом достоинство). Поэтому резолюция Смоленского депутатского собрания была разделена на 2 части. Первая посвящена потомкам Лариона, относительно которых дело направлено в сенат с тем, что если сенат исключит их из подушного обложения, то вписать их в 6-ю часть родословной книги. Вторая часть резолюции о потомках Антона однозначна: внести в 6-ю часть родословной книги³².

Составлено со слов Николая Яковлевича Юргенева приблизительно в 1793 г. Потомство Тихона Козмича в таблице не показано: видимо, Николай Яковлевич ничего не знал о нем. Мы восстанавливаем этот пробел по имеющимся в деле данным.

Но, как каждому известно, первая – более пространная, негативная часть затмила вторую, и когда в 1841 г. копии с этих документов вновь представили в герольдию, она долго молчала, а когда сами смоляне решили разобраться...

Итог мы знаем. Юргеневых в родословии тверских дворян нет.

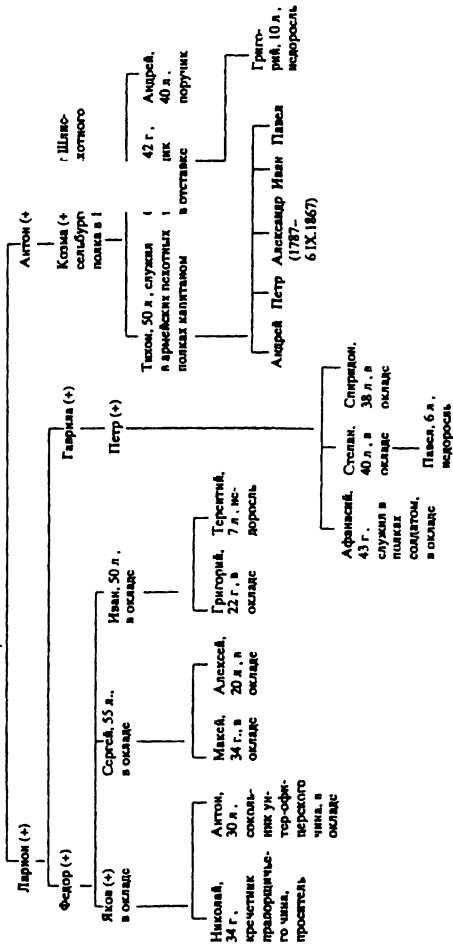
Вместе с тем, со слов Николая Яковлевича, родственника Александра Тихоновича, была составлена родословная табли-

³² Там же. Л. 24 об. – 25.

Таблица 2

Род дворян Юргеневых

Степан Силунов (+ 1711)

ца, которая в любом случае представляет интерес. Мы позволили себе дополнить ее данными из этого дела (табл. 2).

Пусть в этой таблице много белых пятен. Зато видно по ней, какой это был крепкий и сильный род. Правда, никто выше капитанского чина не поднимался, а многие были простыми солдатами и состояли в подушном окладе. Выше всех поднялся по иерархической лестнице Александр Юргенев, став подполковником! Но он потерял, видимо, всех своих братьев, ибо во время процесса по удостоверению своего дворянства он не пытается сослаться ни на кого из них, что было бы и уместно, и необходимо. Более того, копия свидетельства о дворянстве, которой располагал Александр Тихонович, была выдана в 1807 г. Андрею Тихоновичу Юргеневу, старшему из братьев, очевидно, уже умершему к 1838 г. Потерял Александр Юргенев и силы и время, не пруследев доказать свое дворянство и отступившись от этой своей затеи. И родил он двух дочерей, и род Юргеневых забылся.

Лица Мизинова была хороша собой, но Чехов не пленился ее красотой. Он был просто невнимателен к ней. 23 июня 1892 г. он пишет Лике: «Ухаживают ли за Вами ржевские драгуны?» (5, 83). А 28 июня добавляет: «...Передайте барону Штакельбергу, кузену и драгунским офицерам, что я не буду служить для них помехой» (5, 86). 16 июля: «А Вы, милая девочка, много проигрываете, что живете в Торжке, а не у нас... я уеду в Крым, а Канталупа останется в Торжке и будет киснуть со своими родственниками» (5, 94).

Но не было ржевских драгун! Во Ржеве стоял 1-й уланский С.-Петербургский Его величества короля Баварского полк, а 1-й лейб-драгунский Московский Его величества полк стоял в Твери³³. Более того, Чехов, видимо, плохо знал, к какому уезду отно-

³³ Адрес-календарь лиц, состоящих в Тверской губернии на государственной и общественной службе, составленный во второй половине 1880 г. Тверь, 1880. С. 63–64.

силось Покровское, полагая его в Новоторжском, а не в Старицком уезде (он исходил, очевидно, из того, что железнодорожное сообщение с Москвой шло через Торжок). И трудно сказать, кто проиграл: Лика ли, не приехав в то лето к Чехову, или он, не приехав к ней.

Из легенд о Пушкине в Тверском крае

1. «Вампиром именован...»

Легенды и предания – один из типов культурного сознания эпохи. Так как культурное сознание не является строго научным, то оперирование непроверенными и недостоверными фактами для него вполне допустимо и – более того – та или иная легенда может сообщить научному сознанию интересное и актуальное направление поиска. Вот почему изучение легенд и преданий может стать предметом и собственно научного изучения с заранее предпрешенным продуктивным научным исходом.

Другим типом родственного им культурного сознания является мистификация, в которой имеет место сознательная подтасовка фактов с целью поднятия престижа того или иного явления. Мистификация, однако, не только похожа на легенды и предания, но и принципиально отлична от них. Отличительная черта легенд и преданий – их полная бескорыстность: они обслуживают узкий круг носителей (локальный или семейный) и не претендуют на выход за пределы этого круга. Мистификация же рассчитана, напротив, на самое широкое распространение, она корыстолюбива.

Легенда рождается обычно в среде современников и хранится как «семейное предание»; мистификация создается потомками и стремится к быстрейшему обнародованию. Между мистифика-

цией и легендой много промежуточных форм и образований, которые практически невозможно квалифицировать однозначно. К такому типу относятся краеведческие гипотезы, которые рождаются обычно по такой логике: если Пушкин неоднократно бывал в Торжке, то он «не мог миновать этот гостеприимный дом»¹, где жил П. А. Оленин, его знакомец. Из этой посылки «не мог миновать» следует: Пушкин «часто навещал своих друзей»². Впоследствии, впрочем, выясняется, что Пушкин никогда не бывал и не мог бывать в доме Львовых–Балавенских в Торжке, ибо дом этот был построен несколько позже³, однако легенда продолжает бывать в краеведческой литературе⁴.

По принципу «бывал рядом, значит не мог не бывать и здесь» построены легенды о пребывании Пушкина в селе Ушаковых Никитское в Калязинском уезде Тверской губернии⁵, о посещении села В. В. Черкашениновой Сверчково в Старицком уезде⁶, об остановке его на ночлег в поместье Великопольского Чукавина. Е. Н. Гамалея (рожденная Чаплина, внучка И. Е. Великопольского) сообщала в частном послании: «Есть предание, что

¹ Пьянов А. «Мои осенние досуги». М., 1983. С. 294.

² Там же.

³ Тимофеев Л. В. Пушкин и П. А. Оленин // Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1979.

⁴ Суслов А. А. Торжок и его окрестности. М., 1970. С. 93. В работах этого автора вообще очень много фактов, не поддающихся проверке.

⁵ Пьянов А. «Мои осенние досуги». С. 304–305. В известных нам работах, на которые ссылается в данном случае А. С. Пьянов, гипотез данного рода нет: Никольский Ив. Пушкин и Ушаковы // В наши дни. Калинин. 1936. № 1; он же. Пушкин и Ушаковы (рукопись). Архив Тверского государственного объединенного музея.

⁶ Гипотеза Д. А. Цветкова; см.: Черейский Л. Пушкин и Тверской край. С. 78.

поэт (Пушкин. – М. С.), проезжая с семьей Вульф в поместье Ма-
линники, находящееся в десяти верстах от Чукавина, заезжал к
Великопольским и провел у них ночь. В семье хранился диван
карельской березы, на котором нам, детям, запрещалось прыгать,
так как на нем спал Александр Сергеевич»⁷

Тверские легенды о Пушкине носят обычно «местный» харак-
тер. посещал или не посещал Пушкин то или иное место. Но среди
них выделяется одна легенда, имеющая несколько иное свойство.

Пушкинское стихотворение 1829 года «Подъезжая под Ижор-
ры.. » почти не привлекает внимания исследователей. Обычно
сообщается, что оно «обращено к шестнадцатилетней Екатерине
Васильевне Вельяшевой, двоюродной сестре Ал. Н. Вульфа, ко-
торую Пушкин встретил в Старице и в Павловском, Тверском
имении ее деда Павла Ивановича Вульфа»⁸. Обычно не учитыва-
ется давно сделанное Т. Г. Цявловской замечание, что вчерне
написанное 18 января – 17 февраля 1829 г. (время возвращения
Пушкина с Ал. Н. Вульфом в Петербург) стихотворение было
переработано вновь в Тверской губернии осенью 1829 г Стихи

⁷ Цит по Баранская Наталья Портрет, подаренный другу Л, 1982 С 9

⁸ Цявловская Т Г Примечания // Пушкин А С Собрание сочинений В
10 т Т 2 С 576 Ту же информацию находим и в кн Черейский Л А. 1)
Пушкин и Тверской край С 23–25, 2) Пушкин и его окружение С 64, а
также Керцелли Л Тверской край в рисунках Пушкина М, 1976 С 129–
137, Пьянов А «Мои осенние досуги» С 164–176, Кашкова В «Я к вам
пишу » Тверские мотивы в переписке А С Пушкина М, 1987 С 83–85
Ср Пушкин Письма Т II 1826–1830 С 348–349

Надо указать, впрочем, что Павел Иванович Вульф был не дедом Ка-
теньки Вельяшевой, а ее дядей, братом матери – Наталии Ивановны, урож-
денной Вульф

5–10, в частности, написаны между 16 октября и концом ноября (III, 1177)⁹.

Важное само по себе, это замечание помогает осмыслить одну существенную деталь текста. Пушкин сообщает:

Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской...
(III, 151)

Здесь следует особо комментировать слово «вампир», ибо трудно предположить, что оно использовано в своем прямом значении: кровопийца, вурдалак. Что же тогда значит это слово?

Приглядимся к сохранившимся черновым автографам этого места. Сначала было:

Хоть повесой имянован
В

Хоть меня повесой славит
Новоторжская молва –
(III, 719)

а потом Пушкин переделывает текст:
Хоть молва ловласом славит
В Новоторжке и в

⁹ Очевидно, не будет большой натяжкой утверждать, что и последнее четверостишие:.

Если ж нет... по прежнему следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблось до ноября. –
(III, 151)

создано также осенью 1829 г. в Павловском, ибо трудно предположить, что в начале 1829 г. Пушкин твердо планировал вторичную поездку в имения Вульфов, и именно «через год». Скорее всего это «предсказание» сделано задним числом.

Хоть ославлен <я> ловласом
В Новоторжске и в

Хоть лов<ласом> имянован
Я в губернии Тверской
(III, 720)

Ловлас – герой романа С. Ричардсона «Кларисса». Это не просто повеса, это хитрый оболститель женщин, сердцевед и сердцеед. Родственным ему героем был и Вампир.

В главе третьей «Евгения Онегина» Пушкин уже упоминал этого героя:

Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль вечный жид, или Корсар,
Или задумчивый Сбогар.
Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм.
(VI, 56)

К этому месту Пушкин сделал примечание: «Вампир, повесть, неправильно приписанная лорду Байрону» (VI, 193). Однажды в дружеском кругу Байрон сочинил начало романа «Вампир» (1816), а его собеседник врач Дж. Полидори создал на основе этого фрагмента повесть «Вампир» (1819), приписанную Байрону. Байрон был возмущен этим и опубликовал начало своего незаконченного романа¹⁰. Вампир Байрона – Полидори и есть пожиратель женс-

¹⁰ См. об этом: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 212–213; сравн. также: Измайлов Н. В. Тема «вампиризма» в литературе первых десятилетий XIX в. // Сравнительное изучение литературы. Л., 1976.

ких сердец Как сказано в тексте самой повести, он «питался жизнью прекрасной женщины, для того чтобы продлить свое существование на следующие месяцы»¹¹.

Итак, молва в «губернии Тверской» называет Пушкина человеком, опасным для неопытных девушек: «повесой» – «ловласом» – «вампиром». Черновик свидетельствует, что Пушкин колебался в выборе имени: какой из созданных молвой мифов закрепить в собственной стихотворной строке? Попытаемся объяснить, что стояло за этим перебором имен. Для этого прежде всего обратимся к письмам Пушкина к А. Н. Вульфу.

27 октября 1828 г. Пушкин писал из Малинников: «Тверской Ловлас С.-Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает» (XIV, 33) Итак, Вульф – Вальмон (обольститель из романа Шодерло де Лакло «Опасные связи»), Пушкин – Ловлас. Но в письме от 16 октября 1829 г. из тех же Малинников Пушкин именует Вульфа иначе: «Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились!» (IV, 49)¹². Свой образ в 1829 г. Пушкин предпочитает связывать не с героем сентиментального моралистического романа Ричардсона, но с «романтическим и безнравственным» Вампиром. Вампир этот и в самом деле «задумчивый» он «грустно очарован» красотой Катеньки – Гретхен и – более того – несмотря на свою репутацию, не смеет и не хочет тревожить ее. В образ же героини, напротив, проникают черты, разру-

¹¹ Вампир Повесть, рассказанная лордом Байроном / С приложением отрывка из одного недоконченного сочинения Байрона [С английского] П К М, 1828 С 24

¹² Пушкин и в дальнейшем называл А Н Вульфа «тверским Ловласом» (XVI, 104) О характере маски Ловласа см примечания в кн Пушкин Письма Т II С 311–312

шающие монолит «девственной красоты»: «хитрый смех и хитрый взор» (III, 151). Акценты явно смещаются.

В немалой степени причиной тому оказывается следующее обстоятельство. В 1828 г. (ценз. разр. – 15 октября) выходит в свет перевод повести Полидори с приложенным к нему наброском Байрона и со статьей о вампиризме. Перевод этот был сделан П. В. Киреевским и стал к осени 1829 г. модной книжной новинкой. Очевидно, повесть дошла и до Тверской губернии, до поместий Вульфов, – вот почему кто-то и прозвал Пушкина Вампиром.

В данной связи уместно напомнить и еще один текст, созданный также осенью 1829 г. в Павловском. Героиня «<Романа в письмах>» Лиза сообщает своей петербургской подруге Саше: «Чтение Ричардс. <она> дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек. Что есть общего между Ловласом и Адольфом? между тем роль женщин не изменяется. Кларисса за исключением церемонны<ых> приседаний, все же походит на героиню новейших романов. Потому ли, что [способы] нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения... а в женщинах – они основаны на чувстве и природе, которые вечны» (VIII, 47–48).

Пушкин, как видим, много думает над проблемой эпохальных ролей и масок – литературных по своему происхождению, но приживающихся в бытовой сфере, влияющих на человеческие отношения, на репутацию и даже судьбу. Вампир – вряд ли игровое прозвище Пушкина типа Red Rower (так называла его А. А. Оленина)¹³. Вампиром Пушкина скорее называли «за глаза».

¹³ Оленина А. А. Из «Дневника» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников Т. 2 С. 84 «Red Rew» («Красный пират») – роман Д. Ф. Купера (1828), названный по имени главного героя, «благородного разбойника», борца за независимость Америки

К такого же типа легендам относится и сплетня, пущенная А. П. Полторацким, который, как писал сам Пушкин, «сбол<тнул> в Твери <?>, что я шпион, получаю за то 2500 в месяц <?> (которые очень бы мне пригодились благодаря крепсу) и ко мне уже являются трою<ро>дные братцы за местами <?> и за милостями <?> царскими <?>» (XIV, 266). Легенда эта отразилась в черновиках «Евгения Онегина» в изображении главного героя (см. об этом выше)¹⁴.

Достоин, впрочем, внимания, что оба текста: онегинский и «Подъезжая под Ижоры...» – относятся к 1829 г., связаны с Тверским краем и сходны по своей конструкции («вампиром именован», «шпионом именуется»). Все это наводит на мысль о типологии не только самих текстов, но и стоящих за ними прототипических ситуаций. Если в именовании героя «Евгения Онегина» шпионом заключен и намек на роман Купера «Шпион», то в таком случае параллель между Вампиром и шпионом получается полной: оба прозвища имеют двойной смысл – бытовой и литературный. А для репутации того, кто получает такое прозвище, велика опасность, как бы бытовое его значение не заслонило собой и не отменило бы смысл игровой и литературный.

Характерным примером закрепления за Пушкиным после его смерти репутации, полностью игнорирующей ролевой, игровой аспект поведения, может послужить письмо Михаила Алексеевича Бакунина, племянника знаменитого анархиста М. А. Бакунина, написанное 22 апреля 1946 г. из Брюсселя родственникам С. Н. и П. М. Любачинским, проживающим под Москвой. Отвечая на вопрос Любачинских, не бывал ли Пушкин в Прямухине, родовом имении Бакуниных, М. А. Бакунин писал: «Один из Вуль-

¹⁴ См. об этом: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 380.

фов (имеется в виду Алексей Николаевич. – М. С.) был близким товарищем и другом Пушкина, который жил у Вульфов и Панафидиновых в имении Старицкого уезда и через своего приятеля Вульфа предпринимал шаги к тому, чтобы познакомиться с семьей моего дела Александра Михайловича Бакунина и приехать в Прямухино. Дед домогательства Пушкина отклонил, полагая, что знакомство с неотразимым повесой Пушкиным может оказаться опасным для его четырех дочерей»¹⁵.

Бакунины состояли в родстве с Вульфами: Александра Александровна (род. 1816) была замужем за Гаврилой Петровичем Вульфом, но этот брак состоялся уже в послепушкинские времена. Несмотря на семейную близость к Вульфам, весьма расположенным к Пушкину, свидетельство М. А. Бакунина явно антипушкинское. Вряд ли такое настроение явилось следствием личной оценки описываемых событий отцом Михаила Алексеевича – Алексеем Александровичем Бакуниным, так как он родился только в 1823 г. и о событиях 1828–1829 гг. мог знать лишь из чужих уст. Однако версия об отказе Пушкину («домогательства <...> отклонил») от дома зародилась в его семье. Думается, причина этого в том, что Алексей Александрович был женат на внучке И. Г. Полетика Марии Николаевне Мордвиновой, которая свято хранила портреты своей бабушки и матери¹⁶. Поскольку извест-

¹⁵ Оригинал письма хранится в семье С. Н. и П. М. Любачинских, копия его – в Тверском гос. объединенном музее. Сведения эти, кстати сказать, опровергают версию о посещении Пушкиным в 1826 г. Прямухины (см. об этом: Вдовыкин-Чуриков Г. Тверские маршруты поэта // Тверская жизнь. 1990. 15 сент.).

¹⁶ Впервые об этих трех портретах упомянул С. Ласкин (Дело Идалии Полетики // Вопр. лит. 1980. № 6. С. 217), неверно указав место их хранения, которое уточняем: Тверской гос. объединенный музей. Портреты эти ранее принадлежали Илье Петровичу Циргу, внуку Алексея Александровича, сыну дочери последнего – Екатерины Алексеевны.

но, что Полетика питала совершенно исключительное чувство ненависти к самой памяти Пушкина¹⁷, то естественно предположить, что она передала это чувство своей дочери и внучке. Так посмертно возвратился к Пушкину эпитет «повеса», замененный в стихотворении на литературное прозвище.

**2. О том, как Гаврила Пушкин сжег
Погорелое Городище, а Александр Пушкин
написал о том**

Погорелое Городище – населенный пункт в Тверской области, на самом краю ее, рядом с Московской. Сейчас его только поселком и назовешь; в прошлом веке он был заштатным (без уезда) городом; а в свою начальную пору – по временам и нормам допетровской России – вполне основательным населенным пунктом, не лучше и не хуже других. История его практически не изучена, и не нам ее восстанавливать, но два любопытнейших исторических лица связаны с ним. Об этом и пойдет речь.

1. Как Гаврила Пушкин сжег Погорелое Городище

Погорелое называлось Погорелым еще до того, как Гаврила Григорьевич Пушкин сжег его. Во всяком случае, в документах самого начала XVII века оно фигурирует уже под таким названием. Например, в «Отписке царю белозерского воеводы Чихачева о детях боярских, назначенных в государеву службу под Великий Новгород», написанной в июне 1614 г., читаем: «И которые, Государь, дворяне и дети боярские, Белозерские помещики, были на

¹⁷ См. Русский архив 1911 Т I № I С 176

Белеозере, Волочане и Можайчи, и Погорелова городища седельцы, и те, Государь, дворяне и дети боярские розъехали с Белаозера все декабря с 25-го числа по своим городом, Волочане на Волон, а Можайчи на Можаяск, а Погорельские седельцы на Погорелое городище...»¹

Но, конечно, городище не могло сразу носить такого имени. ведь для этого оно должно было погореть. Во всяком случае, и вправду – в XV веке оно называлось Новый Городок², значит, пожар был.

Не будем гадать, когда это произошло, ибо деревянные города горели постоянно; после одного из таких пожаров Новый Городок и был переименован в Погорелое Городище. Нас интересует другой факт.

В 1617 г. в Погорелое был послан Гаврила Григорьевич Пушкин. Хотя на престоле с 1613 г. сидел Михаил Романов, время было по-прежнему беспокойное: поляки не прекращали своих набегов на русские земли, и военные действия шли своим чередом. Очевидно, в силу каких-то военных причин Гаврила Григорьевич получил задание разрушить укрепления в Погорелом, что он и сделал. Обо всем этом мы знаем из одной только «Царской жалованной грамоты посадским людям Погорелого городища» об освобождении их от всяких податей на пять лет. Грамота эта была напечатана не вполне точно в 1841 г. – и этот текст достаточно

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею СПб, 1841 Т III С 31

² Духовные и договорные грамоты великих удельных князей XIV–XVI вв М, Л, 1950 № 89 Сравн также Рогов в «Походе Сигизмунда III в Россию» (1609–1610) // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею СПб, 1872 Т I С 623, 626, 629, Погорелое (1617) // Русская историческая библиотека Т XXVIII С 511

известен; более точная публикация 1901 г. была сделана в мало-тиражном издании и выпала из поля зрения специалистов. Вот почему есть смысл привести текст этой грамоты целиком.

«Божиею Милостию Мы великий Государь Царь и великий Князь Михайло Федорович, всеа русии самодержец, и отец наш Великий Государь Святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всеа русии, пожаловали есмя Погорелова городища посадских людей что они били челом исказали в прошлом де во рке году посылан смосквы на погорелое городище Гаврило Пушкин и велено ему на погорелом острог разломати или сжечь и гаврило де на погорелом острог сжег и где посадских людей дворы и животы все погорели, а сроку втепоры гаврило не дал ни на один час, чтоб им животишки свои из острогу вывозити и от тех де мест волочатся они меж двор по разным городом, и в прошлом де во рки году из приказы сыскных дел даны они погореляни на поруки записмы что им идти жити на погорелое городище на старые свои на разоренные да на пожженные места и нам бы их погорелова городища посадских людей пожаловати для разоренья велети дать им льготы и мы великий Государь Царь и великий князь Михайло Федорович всеа русии Самодержец и отец наш великий Государь Святейший патриарх Филарет Никитич Московский всеа русии Погорелова Городища посадских людей пожаловали для их бедности и разоренья во всяких податех велели им дать льготы, против Можайцев и Вязмич, с нынешнего ркв года на пять лет а в те льготные годы четвертных доходов и иных никаких податей и подвод и кормов, на них не имати, покаместа льготные годы отживут, и велети им дати сее нашу Государскую жалованную

грамоту, за красною печатью и по сей нашей Государской жалованной грамоте на погорелянах на посадских людех с нынешнего рѣкѣ году по рѣлд год вольготные годы четвертных доходов и иных никаких податей и под посланников и под гонцы и подвод и людских и конских кормов не имати покаместа льготные годы отживут. А поселиться им посадских людем на погорелом городище на посаде по-прежнему кто где живал наперед сего, или где будет пригоже. Писан в Москве, лета зрѣкѣ июля в ѿ день и подписал великого государя Царя и великого князя Михаила Федоровича всея русии думный диакон Михайло Горский»³.

Теперь – необходимые комментарии.

Герой этого документа Гаврила Григорьевич Пушкин – довольно известный деятель эпохи «многих мятежей». Он был в чинах и в фаворе при царе Борисе, перешел на сторону самозванца только в Крапивне, т. е. тогда, когда большинство бояр и дворянства стали отходить к самозванцу. В 1605 г. он вместе с Наумом Плещеевым участвовал в возмущении москвичей против царя Бориса, но вскоре (уже «не за страх, а за совесть», как пишет современный историк) стал служить царю Василию Шуйскому. При Василии и при царе Михаиле в 1608–1615 гг. он был воеводой в действиях против поляков и татар, в 1616 г. ведал Челобитный приказ, а в 1619 – Челобитный и Разбойный приказы. В 1626 г. Гаврила Григорьевич вышел из думы в отставку по болезни, так

³ Иванов И. А. Документы, относящиеся к истории посада Погорелого Городища // Журнал Тверской ученой архивной комиссии (далее: ТУАК). 1901, 27 ноября. № 85. С. 15–17; сравн.: Акты исторические... Т. III. С. 139–140. Перепечатывая грамоту, мы сохраняли только некоторые особенности ее орфографии и пунктуации.

что его поход на Погорелое Городище был, по-видимому, одним из последних крупных дел⁴

Но если все так просто и достаточно ясно решается с этим знаменитым героем, то не все ясно с другими деталями

Во-первых, неизвестен текст челобитной, ответом на которую и была «жалованная грамота» Очевидно, она прояснила бы в большей степени судьбу Погорелого Городища

Во-вторых, неизвестно, откуда и как эта грамота стала известна Археографической комиссии

Однако ясно, что события в Погорелом разворачивались в 1617 (7125) г , а в 1621 (7129), т. е. через четыре года, когда погореляне стали возвращаться на место, они обратились к царю, и тот пожаловал их на пять лет, с 1621 (7129) по 1626 (7134), льготами уменьшением налогов и податей

II Как Александр Пушкин написал о Погорелом Городище

Александр Сергеевич Пушкин не был прямым потомком Гаврилы Григорьевича, но оба они принадлежали к одному роду, и естественно, что наследник имени испытывал интерес к славным носителям его в отечественной истории

⁴ Биографические данные о Гавриле Григорьевиче Пушкине см в кн Веселовский С Б Род и предки А С Пушкина в истории М , 1990 С 142-167, 206 Нам не известно, на какие факты опирался Б Л Модзалевский, который писал, что Г Г Пушкин «не только не пристал к Тушинскому вору, но даже противодействовал ему, – что видно из уведомления, посланного (в августе 1608 г) им из Погорелого Городища в Тверь о поимке людей, везших грамоты этого самозванца Тогда-то, вероятно, он и «выжг этот город в виде наказания по образцу проконсулов Национального собрания», как выразился о нем поэт» (Род Пушкина // Модзалевский Б Л Пушкин Л , 1929 С 39)

Вот традиционный перевод одного французского письма, написанного Пушкиным в 1829 г. и условно адресуемого Н. Н. Равевскому-младшему: «Гаврила Пушкин – один из моих предков, я изобразил его (в «Борисе Годунове». – М. С.) таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив – как воин, как придворный и в особенности как заговорщик. Это он и <Плещеев> своей неслыханной дерзостью обеспечили успех <Самозванца>. Затем я снова нашел его в Москве [среди] в числе семи начальников, защищавших ее в 1612 г., потом в 1616 г., заседающим в <Думе> рядом с Козьмой Мининым, потом воеводой в Нижнем, потом среди выборных людей, венчавших на царство Романова, потом послом. Он был всем, чем угодно, даже поджигателем, как это доказывается грамотой, которую я нашел в Погорелом Городище – городе, который он сжег (в наказание за что-то), подобно [комиссарам] проконсулам Национального Конвента» (XIV, 395–396).

Если не считать, что своего Гаврилу Пушкина Александр Сергеевич изобразил в «Борисе Годунове», это письмо – единственное упоминание по имени о Гавриле в текстах Пушкина и единственное упоминание о Погорелом Городище. На первый взгляд так прямо и кажется, что Пушкин был в Погорелом – по стопам своего дальнего родственника. Однако приглядимся к оригиналу письма: «Гаврила Пушкин est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеев qui ont assuré le succès du Самозванец par une audace inouïe. Après je l'ai retrouvé à Moscou, [parmi] l'un des 7 chefs qui la défendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à côté de Козьма Minine, puis воевод<a> à Нижний, puis parmi les députés qui couronnèrent Romanof, puis ambassadeur. Il a été tout, même incendiaire, comme le prouve une грамота que j'ai trouvé à Погорелое Городище – ville qu'il fit

braler (pour la punir de je ne sais quoi) à la mode des [commissaires] proconsuls de la Convention Nationale...» (XIV, 47).

В этом тексте (что, кстати, буквально запечатлел и перевод) трижды использован один и тот же глагол «trouvé», «нашел». Как его следует понимать и – следственное – переводить?

«...trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille», «retrouvé à Moscou» («нашел в истории и в наших семейных преданиях», «вновь нашел в Москве») – эти сочетания очевидно значат, что Пушкин отыскал какие-то бумаги, свидетельства о своем предке и вовсе не был, например, в Москве в 1612 г. Это понятно и не требует доказательств и дополнительных аргументов. Стоит только сказать, что «нашел в истории» скорее всего значит даже не ‘нашел в исторических документах’, а ‘нашел в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина’: это ведь была единственная «История» к тому времени, и там на самом деле был упомянут Гаврила Пушкин.

Другое дело «trouvé à Pogoreloje Gorodische» («нашел в Погорелом Городище»). Исходя из прямого значения одной этой фразы, иначе и понять нельзя, как только в том смысле, что Пушкин был в Погорелом и нашел там грамоту. Но исходя из контекста всего абзаца всю эту фразу «Он был всем, чем угодно, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище...» следует переводить не так буквалистски точно, чтобы добиться подлинности смысла, а не значения.

Пушкин в письме как бы переносится в прошлое. Поэтому сначала дан «общий план»: «нашел в истории и в наших семейных бумагах». Потом он конкретизирует: «нашел его в Москве» (ясно: по бумагам). Далее это слово «нашел» вообще не произносится, но все равно подразумевается: «нашел воеводой в Ниж-

нем», «нашел послом», «нашел среди выборных людей...». Кстати будет сказать, что все эти «нашел» ничем ныне не подтверждаются. Мы не имеем сведений, что Гаврила Григорьевич был воеводой в Нижнем Новгороде, не был он и послом (речь, возможно, должна идти либо о его сыне Григории Гавриловиче, либо о Борисе Ивановиче Пушкине⁵), не выбирал он и Романова на царство, так как бился в это время с поляками на Устюжне⁶. Короче, все, что «нашел» Пушкин о Гавриле Григорьевиче, не подкрепляется документами. И вот тогда Пушкину оказывается просто необходим документ.

Он не просто «нашел» Гаврилу Григорьевича там-то и там-то; он «нашел» это по документу: Гаврила Григорьевич «был всем, чем угодно, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище». Но «нашел» ли он грамоту? И он ли ее «нашел»? Ведь все это сложное построение может означать: я нашел сведения о Гавриле Григорьевиче там-то и там-то, я нашел его вместе с Плещеевым сторонником самозванца (источник очевиден, но не указан; это – Карамзин⁷), я нашел его в Москве заседающим в Думе, я нашел его в Погорелом Городище...

Да и читал ли Пушкин этот документ сам? Вроде бы сказано, что читал. Но ведь нигде в грамоте нет указания, что Пушкин был «даже поджигателем»: выполняя поручение сжечь острог в Погорелом, он, вполне возможно, вовсе и не хотел сжигать весь городок, просто торопился: подумаешь, какая важность, если у

⁵ Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории. С. 167

⁶ Там же. С. 166.

⁷ Сравн.: Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1989
Кн. 3: Т. IX, X, XI, Т. XI. С. 114–117, 124, примечание 334 (С. 62).

поселян домушки сгорят: не Бог весть какие хоромы... Был он уже старый, почти слепой, молодая кровь уже не играла в нем...

И все-таки понимая, что любое толкование может быть признано произвольным, я рад сообщить, что мое прочтение письма подтверждается веским и высоким авторитетом. Первый публикатор письма П. В. Анненков в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» дал следующий перевод: «Гаврила Пушкин – мой предок. Я изобразил его, как нашел в истории и бумагах моей фамилии. Он обладал большими способностями, будучи в одно время и искусным военным, и придворным человеком. Вместе с Плещеевым он был первый, очистивший путь Самозванцу своей неслыханной дерзостью. Мы находим его потом в Москве в числе 7-ми начальников, защищавших ее в 1612 г.; в 1616 в Думе, рядом с Козьмой Мининым, потом воеводой в Нижнем, наконец посланником. Он был всем. Он выжег один город в виде наказания за какой-то поступок, как я это нашел в одной грамоте «Погорелого Городища» . »⁸

Итак, П. В. Анненков, который неплохо понимал по-французски и над которым не тяготела версия, что Пушкин был, как и Хлестаков, «везде, везде», П. В. Анненков перевел текст так, что Пушкин сам в Погорелом не был, но с грамотой был знаком. Может быть, даже не с самой грамотой, а просто ему кто-то сообщил о ней.

И пока существовал перевод П. В. Анненкова, разговора о

⁸ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина СПб, 1855 С 134 (Сочинения А. С. Пушкина Т 1), сравн Анненков П. В. А. С. Пушкин Материалы для его биографии и оценки произведений СПб, 1873 С 127, он же Материалы для биографии А. С. Пушкина М, 1984 С 139

Перевод целого не вполне точен, что объясняется цензурными изъятиями и невольными уступками публикатора, см об этом Анненков П. Любопытная тяжба // Вестник Европы 1881, февраль С 647–649, П. В. Анненков и его друзья Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов СПб, 1892 С 393–402

посещении Пушкиным Погорелого Городища быть не могло, ибо хотя оригинал этого места был напечатан достаточно точно, но перевод влиял и на понимание оригинала письма. Но в 1882 г. письмо появилось в новом переводе – во втором издании сочинений Пушкина под редакцией П. А. Ефремова. И вот этот новый перевод: «Гаврило Пушкин – один из моих предков; я изобразил его таким, каким нашел в истории и в моих семейных бумагах. Он обладал большими способностями, будучи в одно время и искусным воином, и придворным человеком, и в особенности заговорщиком. Это он и Плещев обеспечили успех Самозванца своей неслыханной дерзостью. Потом я его опять нашел в Москве в числе семи начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616-м в Думе, рядом с Козьмой Мининым, потом воеводой в Нижнем, потом между депутатами, коронованными Романова, потом посланником. Он был всем, даже зажигающим, как доказывает грамота, найденная мною в «Погорелом Городище»: он выжиг город, в виде наказания, не знаю за что именно, по образцу проконсулов национального собрания»⁹. Перевод этот, с одной стороны, достаточно точен, но подчас слишком буквально понимает язык оригинала («придворный человек», «депутаты, коронованные Романова» и т. под.). В общих чертах этот перевод близок к современному, но и он заключает слова «Погорелое Городище» в кавычки, что служит доказательством того, что это не населенный пункт, а нечто (например, архив), к нему относящееся.

И все-таки перевод П. А. Ефремова и решил вопрос среди пушкинистов о посещении Пушкиным Погорелого Городища. А в среде тверских краеведов-патриотов стала слагаться «местная» легенда, нечто вроде местного мифа, объясняющего происхождение какого-либо названия.

⁹ Сочинения А. С. Пушкина 2-е изд. СПб., 1882. Т. VII. С. 276–277, сравн. также Сочинения А. С. Пушкина 3-е изд. СПб., 1887. Т. VIII. С. 291–292.

В начале нашего века среди ученых-краеведов, собиравших устные предания о пребывании Пушкина в Тверской губернии, появились первые ростки этой легенды: «...в Погорелом существует предание о посещении его А. С. Пушкиным. Поэт разыскивал материалы для истории Пугачевского бунта, касающиеся одного из участников его Долгополова. С этой целью он был во Ржеве и Погорелом; в Погорелом нашел вышеприведенную грамоту царя Михаила Федоровича и дал совет бережно хранить ее. С тех пор погореляне поместили грамоту в рамку и повесили в заседании посадского управления»¹⁰. Насколько известно, это свидетельство – единственное, в котором сообщается, что Пушкин бывал в Погорелом Городище. Но вскоре оно стало восприниматься уже не как легенда, а как документ. Л. А. Черейский так прямо и написал: «...посещение Пушкиным Погорелого Городища не предание, а факт»¹¹, приводя в качестве доказательства то

¹⁰ Журнал ТУАК. 1901. 27 ноября. № 85. С. 17–18.

¹¹ Черейский Л. Пушкин и Тверской край. С. 14. Отметим, что автор допускает в аргументации своего положения некорректное построение. Он пишет, что «местным помещиком (в Погорелом Городище. – М. С.) был Федор Ильич Ладыженский. С его родственником Евграфом Семеновичем Ладыженским Пушкин близко был знаком по Псковской губернии и, возможно, посетил Погорелое Городище по его совету» (там же). Однако в другой своей работе Л. А. Черейский не только не говорит о близком знакомстве Пушкина с Е. С. Ладыженским, но и вообще не упоминает его, ведя речь лишь о его жене Елизавете Александровне, урожденной Сушковой, бывшей знакомой Пушкину еще до замужества (Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 227). Письмо же Е. С. Ладыженского от 30 сентября 1835 г., приведенное Л. А. Черейским, вовсе не свидетельствует ни о близком, ни о каком знакомстве его с Пушкиным. Кроме того, не соответствует истине, как это явствует из изложенного, утверждение Л. А. Черейского, что «до разорения Погорелое Городище было городом, носившим название Держиславль» (Пушкин и Тверской край. С. 14); такое название не встретилось нам ни в одном из источников.

письмо поэта, которое мы только что разобрали. Да и во всех остальных краеведческих изданиях мы находим то же бесспорное утверждение: «не предание, а факт»¹². Факт же, на самом деле, – это письмо. Все дело в том, как его понимать. Нельзя же исходить из традиционной посылки: мог быть – значит, был. Для такого построения вовсе не нужны никакие доказательства, а спорить с ним очень трудно, потому что приходится опровергать то, что, собственно, и не доказано. Отсутствие доказательств должно было бы свидетельствовать и об отсутствии самого посещения, но в случае с Пушкиным включаются более сильные аргументы: ну почему вам не хочется, чтобы Пушкин здесь был? Как говорится, против этого лома нет приема, потому что тебе ничего, кроме знания факта «не хочется»...

III. Как Александр Пушкин не мог быть в Погорелом Городище

Что ж, попробуем доказать, что Пушкин не был в Погорелом, и подойдем к этому теперь с другой стороны – со стороны его биографии. Пусть наше толкование пушкинского письма – недостаточно убедительный аргумент. Поищем другие.

В письме сказано: «Гаврила Пушкин – один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел...» Что это значит? Что Пушкин знал все приведенные факты (в том числе и грамоту?) еще во время работы над «Борисом Годуновым». От кого он мог знать ее?

¹² См., например Вдовыкин-Чуриков Г Тверские маршруты поэта // Тверская жизнь 1990 15 сентября К сожалению, это мнение повторяется и авторитетными пушкинистами, см [Фомичев С А.] Тверской календарь А С Пушкина Рис Э Насибулина Тверь, 1993 Л 5 об Сравн также Пьянов А, Ильин М Пушкинские места Верхневолжья М, 1971 С 6–7

Среди пушкинских современников наиболее вероятны здесь два имени: Н. М. Карамзин и П. М. Строев. Дело в том, что Карамзин был первым профессиональным историком, с которым познакомился Пушкин, а Строев активно сотрудничал в Археографической комиссии, которая и опубликовала грамоту Михаила Федоровича.

В «Истории Государства Российского» Карамзина, откуда Пушкин и черпал свои знания по истории своего рода и для своего «Бориса Годунова», мы находим упоминания и о Гавриле Пушкине¹³, и о Погорелом Городище¹⁴. Правда, упоминание о Погорелом находится в XII томе, который был издан в 1829 г., и не касается сожжения его Гаврилой Григорьевичем. Но нужно отметить тот факт, что история этого важного в «смутное время» поселения входила в круг зрения Карамзина. Вот почему ему могла быть вполне известна грамота, хотя она и не упомянута в «Истории».

П. М. Строев – видный и активный историк, который и сам мог привлечь внимание Пушкина как продолжатель дела Карамзина. Дело в том, что он создал знаменитый «Ключ» в «Истории» Карамзина, с которым, правда, Пушкин познакомился только в марте 1830 года (XIV, 74), но поскольку труд этот был начат с согласия самого историографа еще в 1824 г. и не был тайной для окружения, Пушкин мог знать об этой работе Строева и раньше. Кроме того, именно Строев предпринял розыски материалов для Археографи-

¹³ Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. XI. С. 114, 117, 124, примечание 334. В «Ключе» Строева ошибка вместо с 114 указана с 115.

¹⁴ Там же. Т. XII, примечание 65.

ческой комиссии, где наша грамота и была опубликована¹⁵ Сам же «Ключ» Строева к «Истории» Карамзина был отрецензирован Пушкиным на страницах его «Современника» (XII, 136).

Итак, от Карамзина ли, от Строева ли, но, судя по письму, Пушкин располагал сведениями о Гавриле Григорьевиче еще до 1825 г., когда он закончил работу над «Борисом Годуновым». И все ясно: до окончания этой работы Пушкин никогда в Погорелом быть просто не мог.

Но, – могут нам возразить, – может быть, Пушкин посетил Погорелое Городище позже, нашел там грамоту, а она и подтвердила его мнение о Гавриле Григорьевиче. Ведь осенью 1828 и зимой 1829 г. Пушкин посещал старицкие поместья Вульфов и саму Старицу: почему бы ему и не заехать в Погорелое Городище?¹⁶

Что же, придется говорить и об этом...

Относительно зимы 1829 г. есть твердое свидетельство А. Н. Вульфа, в дневнике которого сказано: «В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин < ..> Он принес в наше общество немного разнообразия Его светский блестящий ум очень приятен в обще-

¹⁵ Вполне возможно, что именно Строев и обнаружил эту грамоту, ибо в третьем томе «Актów исторических», где она была напечатана, опубликованы документы, вошедшие потом в состав архива П. М. Строева, см., например, ту челобитную, которую мы процитировали в самом начале своего рассказа Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией Пг., 1917 Т. XXXV Архив П. М. Строева Т. II Стлб. 329–330. Известно также, что Археографическая комиссия обычно изымала наиболее ценные грамоты из местных хранилищ и переводила в более крупные. П. М. Строев же многое просто переносил в собственное собрание Барсуков Николай Жизнь и труды П. М. Строева СПб., 1878 С. 126, Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // Труды Отдела древней русской литературы Л., 1976 Т. XXX С. 184–203, Л., 1977 Т. XXXII С. 133–164

¹⁶ Черейский Л. Пушкин и Тверской край С. 14

стве, особенно женском. С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц <...>

После праздников поехали все по деревням; я с Пушкиным, взяв по бутылке шампанского, которое морозили, держа на коленях, поехали к Павлу Ивановичу <Вульф>. За обедом мы напостили Люнелем, привезенным Пушкиным из Москвы, Фрициньку (гамбургскую красавицу, которую дядя привез из похода и после женился на ней), немку из Риги, полугувернантку, полуслужанку, обрученную невесту его управителя, и молодую, довольно смешную, девочку, дочь прежнего берновского попа, тоже жившую под покровительством Фридерики <...> В таких занятиях, в охоте и поездках то в Берново, то к Петру Ивановичу <Вульф> <...> или в Павловское, где вчера мы играли в вист, – провел я еще с неделю до отъезда с Пушкиным в Петербург»¹⁷. Судя по этой записи, все время рядом с Пушкиным был Вульф, и если бы Пушкин отлучился в Погорелое Городище, то это было бы известно Вульфу. Поскольку же Вульф об этом ничего не пишет, то, значит, за десять дней, проведенных в Старицком уезде с 6 по 16 января¹⁸, самой поездки не было. Да и странно было бы ее предполагать. Приехал человек на крещенские праздники повеселиться, отдохнуть душой в кругу людей, которые если и не вполне тебя понимают, то уж во всяком случае вполне уважают. И вот от всего этого срываться с места и ехать Бог весть куда?.. Зачем? Ведь чтобы ехать в Погорелое, надо знать, что там где-то лежит эта искомая бумага. А если ты ее не читал, то откуда ты узнаешь, что она про Гаврилу Григорьевича, что она нужна тебе для работы? Нет, не ездил Пушкин в Погорелое в январе 1829 г.

С наименьшей долей беспорности можно утверждать, что Пушкин не мог посетить Погорелое и осенью 1828 г.: в это время он

¹⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 452.

¹⁸ Там же. С. 536.

очень много и плодотворно работал¹⁹, близко сошелся с Вульфами и их родственниками, посещал соседские имения. Далекие поездки нигде не зафиксированы.

Осенью 1828 г. Пушкин выехал из Петербурга в Малинники в ночь с 19 на 20 ноября, после празднования лицейской годовщины, взяв подорожную до Торжка²⁰. Прибыв в Торжок 22 или 23 октября, он очевидно, ночует там, и 23 или 24 октября уже приезжает в Малинники²¹. 27 октября написано посвящение к «Полтаве» (V, 511), письмо к А. Н. Вульфу (XIV, 33). К 4 ноября, продолжая интенсивно работать, Пушкин заканчивает 7 главу «Евгения Онегина» (VI, 618)²², 9 ноября завершен «Анчар» – пред-

¹⁹ Сандомирская В Б Рабочая тетрадь Пушкина 1828–1833 гг (ПД № 838) // Пушкин Исследования и материалы Л, 1982 Т X С 256–262

²⁰ См Пушкин Письма Т II С 311, примечания

²¹ В Б Сандомирская (указ соч С 256) полагает, что Пушкин приехал в Малинники 22 или 23 октября. Но 22 октября очень мало вероятно, так как Пушкин в Торжке обычно ночевал

²² Судя по воспоминаниям А И Понафиной, Пушкин работал над 7-ой главой «Евгения Онегина» в Курово-Покровском, рядом же с датой окончания главы стоит помета в рукописи Малинники. Однако к 3 ноября относится записка Пушкина к П А Осиповой, где читаем «Тысяча благодарностей, сударыня, за внимание, которым вы удостоиваете вашего преданного слугу. Я бы непременно пришел к вам – но ночь внезапно застала меня среди моих мечтаний. Здоровье мое удовлетворительно, насколько это возможно»

Итак, до завтра, сударыня, и благоволите еще раз принять мою нежную благодарность» (XIV, 391, франц оригинал – 33). Обычно считают, что записка эта написана из Малинников в Тригорское (XIV, 33, Пушкин А С Собрание сочинений В 10 т Т 9 С 269) – вещь невероятная не только по дальности расстояния, которое нельзя преодолеть за одну ночь, но и по тому, что П А Осипова в это время сама принимала в Малинниках Пушкина. В последнее время высказано предположение, что записка написана из одной комнаты малинниковского дома в другую (Кашкова В «Я к вам пишу» Тверские мотивы в переписке А С Пушкина С 58–62) – вещь также невероятная, но теперь уже по своей невежливости в обращении с дамой, хозяйкой дома. Очевидно, в силу свидетельства А И Понафиной, записку следует считать отправленной из Курово-Покровского в Малинники тогда совпадут и даты, и расстояния

мет очень тяжелой и напряженной работы (III, 701), 10 ноября – «Ответ Катенину» (там же) В это же время, до середины ноября, Пушкин активно посещает Павла Ивановича Вульфа и другие соседние поместья «Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито» (XIV, 34) Кроме того, между 23 октября и 4 ноября написаны черновики стихотворений «В прохладе сладостной фонтанов » и «Поэт и чернь»²³ В письме к А. А. Дельвигу от середины ноября Пушкин жалуется, что никак не может закончить стихотворный ответ Готовцевой, а в письме от 26 ноября к тому же адресату он высылает этот ответ (XIV, 34, 35) В том же письме Пушкин пишет, что «деревенскую жизнь очень любит» « я езжу по пороше, [до] играю в вист по 8 гривн роберт – [сентиментальничая] и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока » (XIV, 35–36) 4 или 5 декабря Пушкин выехал из Малинников в Москву, куда прибыл 6 декабря ²⁴ И хотя время между 26 ноября и 3 декабря у нас практически не документировано, мало вероятно, что столь любимую им деревенскую жизнь Пушкин решил покинуть ради каких-то ученых раскопок Да, повторим, откуда он мог ведать, что ждет его в Погорелом?

Пушкин навещал Тверские края и осенью 1829 г. Но никто еще не решился сказать, что именно тогда он мог быть в Погорелом Городище. Не будем и мы рассматривать аргументацию от противного, ибо этого «противного» и нет. К тому же письмо уже написано, все уже сказано, грамота уже известна.

²³ Сандомирская В. Б. Указ соч. С. 257

²⁴ Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива // Пушкин и его современники. Пг. 1916. Вып. XIX–XX. С. 91; Пушкин. Письма. Т. II. С. 318

Казалось бы, можно и успокоиться. Но нет. Как мы могли заметить, тверские краеведы уже в начале XX века полагали, что посещение Погорелого Городища могло состояться в 1833 г., когда Пушкин собирал материалы по истории пугачевщины.

Вообще это больше походит на правду: если Пушкин ездил аж в Оренбург, то почему бы ему не съездить и в Погорелое, и во Ржев? Тогда цепочка фактов будет, правда, несколько иной: сначала Пушкин узнал от кого-то про грамоту и написал об этом в письме, как мы и излагали, а потом все-таки съездил в Погорелое, нашел грамоту и распорядился хранить ее как зеницу ока. Что же, придется и эту версию проверить.

Итак, собирать материалы об участнике пугачевского восстания ржевском купце Долгополове Пушкин мог в 1833 г. И действительно, в 1833 г. он был в Тверской губернии.

Выехав 17 августа из Петербурга в день наводнения, Пушкин вместе со своим попутчиком С. А. Соболевским прибыл в Торжок 19 августа. 20 августа, переночевав в Торжке, он отправился уже один по «проселочной дороге» к Яропольцу» (XV, 72), спланировав, очевидно, еще в Петербурге этот заезд в Ярополец, где в то время жила его теща Н. И. Гончарова. Ночевал он в Павловском у П. И. Вульфа и, написав оттуда 21 августа очередное письмо Наталии Николаевне, отправился далее на Ярополец. Выехал он из Павловского, согласно этому письму, «завтра чем свет» (XV, 73), т. е. утром 22 августа.

Из Павловского дорога шла на Старицу, а далее до Яропольца было три пути. Первый – через Ржев, Зубцов, Погорелое Городище, Волоколамск (или, не доезжая до Волоколамска, через Шаховскую) – согласно тому преданию, которое культивировали краеведы. Второй путь – через Бабынино, Погорелое Городище, Волоколамск (либо же вновь через Шаховскую) – и тогда будет удовлетворена хотя бы часть краеведческой версии. Тре-

тий путь – по Старицко-Волоколамскому тракту – через Бабынино, Степурино, Лотошино²⁵. Третий путь был самым прямым и очевидным: проезжая по нему, путешественник не должен был делать крюк через Волоколамск или сворачивать после Шаховской на другую дорогу, не много выигрывая в расстоянии. Но третий путь и наименее удобный. Какой же из них должен был выбрать Пушкин?

Известно из его же письма к Наталии Николаевне, что он прибыл в Ярополец «в среду поздно» (XV, 73), т. е. вечером 23 августа²⁶. Таким образом, на дорогу от Павловского (утро 22-го) до Яропольца (вечер 23-го) у него было около полутора суток. По первому пути (через Ржев и далее) он должен был проехать от 178 до 222 верст, по второму пути (через Погорелое) – от 138 до 172 верст, а по третьему – только 118 верст. Если исходить из скорости передвижения в пушкинскую эпоху летом – не более 10 верст в час, то за сутки путешественник проезжал 70–100 верст. Следовательно, маршрут через Ржев – Погорелое (первый путь) отпадает сам собой за его невыполнимостью. Отпадает и маршрут через Погорелое: даже 138 верст проехать за полутора суток очень сложно. Да и зачем?

Легенда исходит из того, что Пушкин, интересуясь ржевским купцом Е. Т. Долгополовым, участником пугачевского восстания, неоднократно упоминаемом в «Истории Пугачева» (IX, по Указателю имен)²⁷, специально проезжал через Ржев и Погорелое

²⁵ Сведения об этих маршрутах см.: Статистико-экономическое исследование грунтовых дорог Тверской губернии / Под ред. К. А. Воробьева. Тверь, 1911. С. 565 и след.

²⁶ См.: Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. М., 1985. С. 87.

²⁷ См. о нем также: Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1984. С. 19–20.

Городище. Но за то время, которое Пушкин оставил себе на дороге, проведя более суток в Павловском, – за это время специально проезжать и по второму пути было невозможно, тем более – тратить время на архивные и историографические разыскания. Если бы Пушкин был так заинтересован Долгополовым именно как ржевским купцом, он не стал бы две ночи проводить у Вульфа, чтобы потом гнать лошадей. Если за полутора суток можно еще с трудом промчаться от Павловского до Яропольца, то уж никак нельзя в это же время поместить еще и ученые разыскания...

Наконец, еще один аргумент. Пушкин настойчиво подчеркивает в письмах к жене, что дорога, которою он едет, – проселочная (XV, 72). В письме от 26 августа он пишет: «...дороги проселочные были скверные; меня насилу тащили шестерней» (XV, 75). Такая характеристика может относиться только к Старицко-Волоколамскому тракту, где на участке Гурьево–Афонасово и сейчас еще проселочные дороги. Трасса же Ржев–Волоколамск, Старица–Ржев, равно как и Волоколамск–Москва, были по тем временам дорогами непроселочными, весьма ходовыми²⁸.

Теперь выложу и свой последний аргумент. Александр Пушкин не мог найти этой грамоты уже потому, что она была до него найдена и хорошо известна. Во всяком случае в 1827 г. о ней писали сами жители Погорелого Городища. Жалуясь на притеснения со стороны помещиков, которые окружили своими именными посад, погореляне сообщали тверскому губернатору В. А. Борису: «Посад Погорелое Городище восстановлен по высочай-

²⁸ Наши соображения и расчеты полностью совпадают с тем маршрутом пушкинского пути из Петербурга на Урал, который дан в работе: Никитин Александр. «...Или в кибитке кочевой?»: Как А. С. Пушкин выбирал маршрут уральского путешествия // Турист. 1985. № 2. С. 38–39; № 3. С. 38–39.

шей власти в бозе почивающего всемилостивейшего Государя Царя и великого Князя Михаила Феодоровича; по благословлению святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея России; на что и жалованная грамота писанная 7129 года дана; следовательно Погорельской посад имел существование свое прежде, нежели сии господа, тут поселившиеся, которые селения свои перенесли, а другие и вновь устроили свои селения единственно к явной обиде и притеснению граждан, на границе погорельской показанной земли, так что не может во всегдашнее время не только скот, но и птицы отлучаться от своего жилища, не занимая погорельской земли»²⁹. Итак, грамота много лет как найдена и пущена в оборот, может быть, она и не терялась никогда. Нечего и говорить, что погорельяне должны были держать эту грамоту всегда в поле своего зрения: она была им жизненно необходима!

Находить, сообщать эту грамоту кому-либо Пушкину не было никакой нужды. Он и сам узнал о ней с чьих-то слов – может быть, и во время своего пребывания в тверских землях в 1828–1829 гг. (К сожалению, в фондах ГАТО не удалось обнаружить этих документов.).

Следовательно: Александр Пушкин не был в Погорелом Городище, а Гаврила Пушкин был там и сжег Погорелое. Но Александр Пушкин знал об этом, а Гаврила Пушкин даже не предполагал, что подымет такой шум. Он был простой человек своего времени Александр Пушкин пытался придать ему черты исторического авантюриста (в соответствии с интересом его эпохи к «историческому человеку»), современный историк разоблачает эту версию³⁰. Александру Пушкину нужна была ссылка на исто-

²⁹ Журнал ТУАК 1901 27 ноября № 85 С 18–19

³⁰ Веселовский С Б Род и предки А С Пушкина и истории С 139 и далее

рический документ, чтобы подчеркнуть: «он был всем, чем угодно, даже поджигателем». Но почему «даже»? Не его же это затея – сжечь Погорелое! Но, как я понимаю, Александру Пушкину нужна была эта ссылка, чтобы поднять в глазах читателя своего предка и мотивировать его изображение в своей трагедии. В любом случае «я изобразил так, как нашел в Погорелом Городище» – неправда, но она важнее любой правды: историческое лицо и лицо в истории – не одно и то же. Александр Пушкин понимал это.

«...Но это зеркало мне льстит»

Люди очень часто высмеивают недостатки своей внешности. Хотя тут же обычно указывают и на возмещающие эти недостатки достоинства. Например, Лермонтов сообщает в «Портретах»: «Он не красив, он не высок», – и тут же добавляет: «Но взор горит, любовь сулит». Пушкин же оправданий не ищет. Уже в «*Mon portrait*» он писал: «*Vrai demon pour l'espieglerie, / Vrai singe par sa mine, / Beaucoup et trop d'etourderie. / Ma foi, volia Pouchkine*» <Суций бес в проказах, / Сущая обезьяна лицом, / Много, слишком много ветренности – / Да, таков Пушкин> (I, 91, 499). Как объяснил Ю. М. Лотман, сравнение с обезьяной имеет, однако, не собственно портретное, а историко-культурное и даже литературное происхождение. «Смесь обезьяны с тигром» – это восходящее к Вольтеру обозначение французов, а «француз» – это лицейское прозвище Пушкина¹. И хотя такое сравнение не указывало непосредственно на внешность, в сознании современников этот

¹ Лотман Ю. М. «Смесь обезьяны с тигром» // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979. С. 110–112.

фразеологизм воспринимался буквально, и Д. Ф. Фикельмон писала: «...невозможно быть более некрасивым – это смесь обезьяны и тигра; он происходит от африканских предков и сохранил еще некоторую черноту в глазах и что-то дикое во взгляде»². Сам Пушкин хорошо понимал это и сам разрушал фразеологизм, когда говорил о себе «сухая обезьяна лицом». А цыганка Татьяна, которая, разумеется, ни Вольтера не читала, ни французским не владела, вспоминала: «...только он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: «Дыка, дыка, на не лаго, таки вашескери» [Гляди, значит, гляди, как не хорош, точно обезьяна]»³.

Вообще «африканское» происхождение было предметом постоянной рефлексии Пушкина, и в послании «Юрьеву» он писал:

А я, повеса вечно-праздный,
Потомок негров безобразный... (II, 139–140)

Указание на африканское происхождение и африканскую «безобразность» – это общее место в нашем культурном сознании. Например, современник Пушкина Н. Ф. Остолопов в притче «Араб и Белый» устами Белого восклицал: «...не на смех ли природа / Арабов создала для человечья рода?»⁴ Но в послании «Юрьеву» очень важно также и сравнение с фавном. Дело в том, что фавны, равно как сатиры и кентавры, – это миксантропичные создания, во внешности которых сохранились животные черты (рога, хвосты и т. п.). Сравн. описание Фавна в картинах «Фавн и

² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 151: ср. там же: Т. 1. С. 63.

³ Разговоры Пушкина. М., 1929. С. 143.

⁴ Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 197.

пастушка» (1814–1816) (I, 275, 279–280). Именно эта миксантропичность образов фавна, сатира и кентавра будет в дальнейшем порождать новые толкования Пушкиным своей внешности.

Надо сказать, что после 1820 г., когда было написано послание «Юрьеву», до 1825 г. собственная внешность перестает волновать Пушкина, во всяком случае как предмет художественной рефлексии. Но в 1825 г. на рукописи «Андрея Шенье» появляется известный автопортрет, который Л. Ф. Керцелли назвала так: «Поэт рисует себя в конском обличи»⁵. Нам же кажется, что портрет этот ближе к обезьяньему облику (что, впрочем, допускает и Л. Ф. Керцелли – указ. соч. С. 184). На этом же листе, не прочтенный еще никем, есть еще один рисунок, также напоминающий автопортрет и уже более близкий к лошадиному облику. И хотя его можно принять и за простой набросок конской головы, но слишком «очеловеченный» глаз предполагает возможность толковать его как миксантропичный образ. Здесь следует заметить, что характерный разворот головы в «три четверти» скрадывает различие между лошадиным и человеческим в данном образе.

Соседство этих двух рисунков (обезьянообразного и лошадинообразного) заставляет нас видеть не только некую связь между ними, но и определенную их взаимообусловленность. В самом тексте «Андрея Шенье» да и в черновиках стихотворения мы не сможем найти никакого объяснения этим рисункам. Но следует учесть, что одновременно с «Андреем Шенье» Пушкин, согласно его собственноручной пометке на черновом автографе (III, 964),

⁵ Керцелли Лариса. Мир Пушкина в его рисунках. 1820-е годы. М., 1983. С. 15; ср.: Жуйкова Р. Г. Автопортреты Пушкина: [Каталог] // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 100, № 50: «Автопортрет в облике лошади».

в 1825 г. начал работу над переводом стихотворения Шенье, которую закончил в 1835 г. под названием «Из А. Шенье» («Покров, упитанный язвительною кровью...»). Даже если бы Пушкин и не переводил этого стихотворения, актуализация текстов Шенье для Пушкина в 1825 г. была столь велика, что влияние данного стихотворения на русского поэта можно легко себе представить. Ведь здесь рассказывается о смерти Геракла от «покрова», пропитанного кровью кентавра Несса, принесенного в дар и якобы для защиты героя. Сюжет этот аллегорически или метафорически воплощает в себе перипетии французской революции:

От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон,
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: Блаженство!
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор (II, 395).

Вольность как «кентавра мстящий дар» – это, конечно, неожиданное решение, но не исключено, что такое решение могло прийти в голову Пушкина. Введение же миксантропичного образа кентавра не могло не вызвать и рефлексии над собственной внешностью.

Другой не менее важной причиной обращения к этим миксантропичным зрительным образам является возвращение Пушкина в 1824 г. в родные пенаты и актуализация ганнибаловой биографии⁶. В стихотворении 1824 г. «Как жениться задумал цар-

⁶ Телетова Н. К. К «немецкой биографии» А. П. Ганнибала // Пушкин Исследования и материалы. Л., 1982. Т. X.

ский арап...» мы находим характерное противопоставление:

Что выбрал арап себе сударушку.
Черный ворон белую лебедушку.
А как он, арап, чернешенек,
А она-то, душа, белешенька (II, 338).

Со стороны «лебедушки» образность отрывка подсказана свадебным фольклором, но вообще же это противопоставление уже свойственно русской культуре (вспомним Остолопова). Однако в любом случае перед нами миксантропичные образы, близкие фавнам и кентаврам.

Чернота арапа особенно ярко проявляется при сопоставлении с белизной его спутницы. В 1827–1828 гг., когда Пушкин «жениться задумал», в его стихах сразу же появились новые анализы собственной внешности. 1827 г. – «<Кипренскому>» («Любимец моды легкокрылой...»): Себя как зеркале я вижу, / Но это зеркало мне льстит (III, 63). 1828 г. – «To Dawe, esqr»: Зачем твой быстрый карандаш / Рисует мой арапский профиль?.. (III, 101). Та же проблематика – в «<Арапе Петра Великого>» (1827): негр Ибрагим и его возлюбленная графиня Д. Та же – в поэме «<Езерский>» (1832): «Зачем Арапа своего / Младая любит Дездемона, / Как месяц любит ночи мглу?» (V, 102). Напомним, что и в стихотворении «To Dawe, esqr» та же ситуация женитьбы «царского арапа»; вторая строфа стихотворения гласит:

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений (III, 101).

На фоне этой рефлексии весьма интересна кульминация нашего сюжета – 1829 г. Отношения с Олениными прояснились, с Гончаровыми были неустойчиво-неясными. Пушкин рисует ло-

шадиную голову в профиль, в сюртуке, фуляре и шляпе. Портрет ли это? Здесь нет смеси животного и человеческого в облике, если не считать одежды. Но одежда – не в счет, такое очень часто встречается: «свинья в ермолке» и проч. Однако нельзя, глядя на этот рисунок, отделаться от мысли, что это – автопортрет. Он не привлек внимания исследователей, хотя и воспроизводился даже в одном из массовых изданий Пушкина⁷. См. его на с. 4.

Но источник этого портрета, думается, иной, нежели у рисунка 1825 г. Дело в том, что в 1826 г. Пушкин один раз, а в 1829 г. дважды рисует свои автопортреты в виде всадника на лошади⁸. Слиянность всадника и коня восходит здесь, скорее, к иному ряду ассоциаций. Конечно, Пушкин – арап, т. е. африканец, негр. Но он и араб – человек Востока. В «Полярной звезде» на 1824 г. ему понравилась повесть О. Сенковского «Витязь буланого коня» (XIII, 87). В этой повести было такое примечание: «Пусть иные арабы так страстно любят коней своих и столь ими гордятся, что от масти или имен своих бегунов дают себе прозвища»⁹. Впрочем, и европейцы про хорошего всадника говорят, что он с лошадыю – как кентавр.

Есть, очевидно, и иные (предполагаю, что словесные и литературные) источники, оставшиеся мне неизвестными. Дело в том, что уже в нашем веке и независимо от Пушкина М. И. Цветаева сказала однажды о Б. Л. Пастернаке: «Внешнее осуществление Пастернака прекрасно: что-то в лице зараз и от араба и от его коня: настороженность, вслушивание, – и вот-вот...»¹⁰. Сравнение это находит свой источник не только во внешнем облике самого Пастернака, но и в его стихотворении из цикла «Болезнь»:

⁷ Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. С. 206.

⁸ Жуйкова Р. Г. Указ. соч. С. 102, № 61; С. 107, № 72, 77.

⁹ Полярная звезда... С. 465.

¹⁰ «Световой ливень», 1922 // Цветаева Марина. Об искусстве. М., 1991. С. 261.

«Как конский глаз, с подушек, жаркий, искоса / Гляжу, страшась бессонницы огромной». Эти строчки поразили воображение современников, и Ахматова вспомнила их в стихотворении 1936 г. «Поэт (Борис Пастернак)»: «Он, сам себя сравнивший с конским глазом, / Косится, смотрит, видит, узнает». Но – и это главное для нашей темы – эти строчки были написаны в то же время, что и другой цикл Пастернака – «Тема с вариациями», где четвертая вариация звучит так:

Облако. Звезды. И сбоку –
Шлях и – Алеко. Глубок
Месяц Земфирина ока: –
Жаркий бездонный белок.

Задраны к небу оглобли.
Лбы голубее олив.
Табор глядит исподлобья,
В звезды мониста вперив.

Это ведь кровли Халдеи
Напоминает! Печет,
Лунно; а кровь холодеет.
Ревность? Но ревность не в счет!

Стой! Ты похож на сирийца.
Сух, как скопец-звездочет.
Мысль озарилась убийством.
Мшенье? Но мшенье не в счет!

Тень как навязчивый евнух.
Табор покрыло плечо.
Яд? Но по кодексу древних
Самоубийство не в счет!

Прянул, и пыхнули ноздри.
Не уходился еще?
Тише, скакун, – заподозрят.
Бегство? Но бегство не в счет!

Для самого Пастернака единство всадника и скакуна превращается, как видим, в их эквивалентность и взаимозаменяемость. Более того, в том же цикле Пушкин – это тот, кто и сейчас,

Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе
Не нашу дичь не домыслы в тупик
Поставленного грека, не загадку,
Но предка плоскогубого хамита

А с другой стороны, Пушкин – это и сам сфинкс:

Скала и шторм Скала и плащ и шляпа
На сфинсовых губах – соленый вкус
Туманностей,
И прислушивался сфинкс к Сахаре

Сфинкс сам по себе – образ миксантропичный. Но у Пастернака важна не эта смесь человеческого и животного, а их взаимозаменяемость. И то же – в рисунке Пушкина.

Но для нашего рисунка есть, очевидно, и еще одно объяснение. Известно, что немка Кирингоф еще в петербургский доссыльный период нагадала Пушкину насильственную смерть от белого человека или белой лошади: «И я с боязнию, – говорил он М. П. Погодину, – кладу ногу в стремя < > и подаю руку белому человеку»¹¹. Это суеверие особо крепко держало Пушкина в конце 1820-х гг. Написав и напечатав эпиграмму на А. Н. Муравьева «Лук звенит, стрела трепещет», он говорил: «А как бы нам не поплатиться за эпиграмму < > Я имею предсказание, что должен умереть от белого человека или от белой лошади. N. N. <Муравьев> не только белый человек, но и лошадь»¹².

В связи с этими свидетельствами, подтверждающими, с одной стороны, пушкинские представления о единстве и взаимозаменяемости белого человека и белой лошади, может возникнуть, с дру-

¹¹ Разговоры Пушкина. С. 74

¹² Там же. С. 95

гой стороны, мнение, что на пушкинском рисунке изображен не сам поэт, а его противник. Дело в том, что этот рисунок находится рядом с эпиграммой на И. Е. Великопольского «Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...»

Рисунок этот находится в тетради Пушкинского дома № 841 (л. 109). Здесь, закончив 8-е письмо «<Романа в письмах>», Пушкин почему-то перешел к стихам. Т. Г. Цявловская считала, что стихотворение «Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций...» «датируется предположительно первыми числами апреля 1829 г.; перебеленный автограф – предположительно октябрём – началом ноября 1829 г.» (III, 1179). Между тем внешний вид автографа явно черновой: написав без помарок первые четыре стиха (они сложились, очевидно, заранее), Пушкин настойчиво работает над тремя последними. Видимо, какие-то разговоры в Старицком уезде напомнили ему об И. Е. Великопольском. Перевернув тетрадь, Пушкин рисует лошадиный профиль¹³.

И тогда оказывается допустимым соображение о том, что здесь портретируется не автор, а его персонаж. Однако такое толкование опровергается тем, как изображает героя Пушкин. Все признаки: шляпа, фуляр, высоко поднятые концы воротничка – свидетельствуют о том, что это сам Пушкин. Кроме того, Великопольский, как можно судить по его портретам, не был блондином, даже в очень почтенном возрасте волосы его были достаточно темными, лишь немного убеленными сединой. Для самого же Пушкина характерна такая чисто «лошадиная» деталь портрета, как крупные белые зубы. Та же цыганка Татьяна вспоминала: «И только он меня увидел, так и помер со смеху, зубы-то белые, большие, так и сверкают»¹⁴.

Вообще тема единства и взаимозаменяемости лошади и всадника для Пушкина очень серьезна и проходит через многие тек-

¹³ Описание См.: Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения). С. 262. Но о рисунке здесь даже не упомянуто.

¹⁴ Там же. С. 143.

сты. Видимо, это также связано с нашей темой, но уже не помещается в ней как в таковой... Только укажу поэтому на то, что стихотворение «Кобылица молодая...» (1828) можно интерпретировать как метафору отношений с Олениной, и тогда не только образ героя, но и образ героини приобретает миксантропичные черты.

Примерно через год в «Опровержении на критики» Пушкин писал: «В <...> газете объявили, что я собою весьма неблагоприятен, и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула» (XI, 162). То, что Пушкин мог позволить сказать о себе, он, как, впрочем, и любой другой человек, не позволял другим¹⁵.

Есть у нашего сюжета и эпилог. В 1835 г. Пушкин заканчивает работу над стихотворением «Покров, упитанный язвительною кровью...», в котором тема кентавра влечет за собой миксантропичные образы. В том же году он создает стихотворение «Ода LVI. (Из Анакреона)», где признается: «Поредели, побелели / Кудри, честь главы моей...». В 1836 г. героиня стихотворения «От меня вечер Леила...» говорит герою: «Голова твоя седа». Тут уже было не до смеха. И внешность, столь предательски выдававшая возраст, уже не веселила. Вот почему в письме к Наталии Николаевне он писал: «Здесь (в Москве. – М. С.) хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности» (XVI, 116). Здесь уже миксатропичных образов, игровых, исполненных смеха, нет. Во дни веселий и желаний смеяться над внешностью фавна, исполненного эротической силы, вполне допустимо: сила возмещала все недостатки внешности. Похоть и буйство кентавра, пусть безобразного, находили удовлетворение. Но когда начались бури осени холодной, тут смеяться было не над чем: наследие кентавра Несса несло смерть.

¹⁵ О реакции Пушкина на свою внешность и на разговоры о ней см.: Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1980. С. 340–347.

Часть II

РОМАНЫ В ПИСЬМАХ

...во время прогулки за несколько дней до своей смерти <...> он говорил со мною о судьбах *Промысла*, выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем...

П. А. Плетнев о Пушкине.

Он заставляет прощать себе несовершенство нежным своим *благоволением к человечеству*.

М. Н. Муравьев.

Если я скажу, процитировав старинного автора, что деревня Малинники на тверской земле называется так «от того, что здесь много малины и отменно вкусной», то всем, кто читал Пушкина и о Пушкине или просто бывал в этих старицких местах, всем этим людям придет, конечно, на ум письмо Анны Николаевны Вульф, в котором она говорит: «И Пушкина я так живо вспоминаю и *refrain* его: хоть малиной не корми, да в Малинники возьми, и всю молодость и нашу тогдашнюю жизнь»¹.

Но дело в том, что первая фраза о происхождении названия Малинников принадлежит не Пушкину и никому из пушкинского окружения. Эти слова принадлежат Михаилу Никитичу Муравьеву и сказаны им о тех же Малинниках, про которые упоминал и

¹ Пушкин и его современники. Пг., 1915. Вып. XXI–XXII. С. 351. Письмо к Е. Н. Вревской от 12 октября 1847 г. из Малинников.

Пушкин. Между пушкинскими приездами в Старицкие поместья своих приятелей Вульффов в 1828–1829 гг. и посещениями эти же мест Муравьевым в конце 1770-х гг. – пятьдесят лет. Эти посещения отразились в ряде произведений обоих писателей, в первую очередь в «Эмилиевых письмах» Муравьева и в «<Романе в письмах>» Пушкина, о чем и будем в первую очередь говорить.

...Тема, казалось бы, очевидна и естественна. Между тем она никогда не привлекала внимание литературоведов и никак не отразилась в практике музееведения (в Музее А. С. Пушкина в селе Берново посещение этих мест М. Н. Муравьевым не отмечено; важность же такого рода помет станет очевидна в нашем изложении).

Впрочем, все это можно объяснить очень просто. Пушкин не испытывал к Муравьеву того интереса и пиетета, который оказывали ему И. И. Дмитриев и Н. М. Карамзин и младшие его современники В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков. Пушкин дважды назвал имя Муравьева в своих текстах – и только одно стихотворение «Богине Невы». В первой главе «Евгения Онегина» к стихам XLVIII строфы:

С душою, полной сожалений,
И опершись на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя Пиит (VI, 25), –

к этим стихам Пушкин сделал примечание:

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженно пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершись на гранит.
(Муравьев. Богине Невы) (VI, 192).

Это не совсем точная (у Муравьева «Зрит восторженный пиит»²) цитата из стихотворения 1794 г., которое Пушкин, очевидно, хорошо помнил наизусть, ибо в замечаниях на полях «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова около строк стихотворения «Ложный страх»:

Гименей за все ручался,
И Амуры на часах, –

он делает пометку: «Стих Муравьева» (XII, 277). И это действительно стих из того же самого стихотворения «Богине Невы», где сказано:

Я люблю твои купальни,
Где на Хлоиных красах
Одеянье скромной спальни
И Амуры на часах³

Если Пушкин только два раза упоминает Муравьева, то о чем же может идти речь?

Но как установили историки литературы, образы прозаической повести Муравьева «Оскольд» отразились в поэме Пушкина «Руслан и Людмила»⁴, отдельные реминисценции из других его произведений находят в «Евгении Онегине»⁵. Мы же постараемся

² Муравьев М Н Стихотворения Л, 1967 С 236

³ Там же С 235

⁴ Кулакова Л Поэзия М Н Муравьева // Муравьев М Н Стихотворения С 45

⁵ Баевский В Из заметок о тексте «Евгения Онегина» // Сборник статей к 70-летию проф Ю М Лотмана Тарту, 1992 С 172–173, Rothe H Nabokov, Pushkin and Murav'ev // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter 1986 № 14 P 38–39 (со ссылкой на комментарий к переводу Рольфа-Дитриха Кайля (Giessen, 1980 S 450) Указанием на статью Х Рота я обязан любезности В Д Рака, которому и приношу свою искреннюю благодарность

доказать, что речь можно вести не только о частных и случайных заимствованиях и параллелях, но и о прямом воздействии одного автора на другого.

М. Н. Муравьев был теснейшим образом связан с берновскими вотчинами Вульф: он был двоюродным братом Анны Федоровны Вульф, урожденной Муравьевой, жены Ивана Петровича Вульфа⁶. Как свидетельствуют частично опубликованные письма М. Н. Муравьева, он постоянно общается со своими берновскими родственниками, проводит время в их поместьях, пишет там стихи⁷. Все это относится к 1770–1780-м гг. В конце же 1780-х – начале 1790-х гг. он создает три прозаические произведения, связанные своим содержанием с Тверским краем.

Это, во-первых, повесть «Обитатель предместия», опубликованная впервые в 1790-м г., почему она и датируется этим годом⁸. Во-вторых, это «Эмилиевы письма», связанные рядом героев с «Обитателем предместия» и предшествующие ему своим содержанием (точная дата его написания неизвестна и дается предпо-

⁶ Об А Ф и И П Вульфах см Керн А П (Маркова-Виноградская) Воспоминания о Пушкине М, 1987 С 339–345, 360, 367

⁷ См Муравьев М Н Письма к отцу и сестре 1777–1778 годов // Письма русских писателей XVIII века Л, 1980 По указателю имен Сравн также Муравьев М Н Стихотворения С 149 (стихотворение «С берегов величественной Волги », 1776), с 249 и 253 (переводы гексаметрами из Гомера и Вергилия)

⁸ Периодические листы 1790 Первая пятница августа – первая пятница ноября Откуда – и даты, стоящие в начале каждой части этого произведения

ложительно·конец 1780-х – начало 1790-х гг.⁹). Наконец, это «Тетрадь для сочинений» – дидактические опыты в описательной и диалогической форме, которые открываются пометкой: «Начато в Никольском, 10 июня»¹⁰ Упомянутое во всех трех произведениях Никольское – имение графа Благоворова – это на самом деле не воторжское имение Н А Львова Никольское-Черенчицы¹¹ Муравьев был, как известно, членом львовского кружка, сыгравшего

⁹ См Фоменко И Ю Из прозаического наследия М Н Муравьева // Русская литература 1981 № 3 С 117

Как установлено в настоящее время, «Эмилиевы письма» – это текст, составленный К Н Батюшковым из двух книг Муравьева из собственно «Эмилиевых писем» и «Берновских писем» (Росси Л «Маленькая трилогия» Михаила Муравьева // *Russica Romana* 1994 Vol I, Росси Л Сентиментальная проза М Н Муравьева (Новые материалы) // XVIII век Сб 19 СПб, 1995 С 114–146, Росси Л В поисках неизвестного произведения Михаила Муравьева // *Рукописи Редкие издания Архивы Из фондов библиотеки Московского университета М*, 1997) Но для нашего анализа углубление в эту проблематику не столь актуально, ибо мы говорим о сочинениях Муравьева в восприятии Пушкина, а Пушкин знал именно батюшковскую версию муравьевских текстов (см Космолинская Г Ф Константин Батюшков – редактор «Эмилиевых писем» М Н Муравьева // *Рукописи Редкие издания Архивы*)

¹⁰ Сочинения М Н Муравьева В 2 т СПб, 1856 Т I С 164

¹¹ Поскольку граф Благоворов является предводителем дворянства следует полагать что его непосредственным прототипом мог быть и А М Бакунин, хотя тот и не имел еще детей В контаминированном тексте «Эмилиевых писем» дело с Никольским вообще обстоит достаточно сложно оно расположено, по Муравьеву, от Бернова очень близко, на самом же деле – и по тогдашнему административному делению – в другом уезде и по расстоянию достаточно далеко, Малинники же, которые находятся в семи километрах от Бернова, по Муравьеву, – одно из поместий вблизи Никольского Еще одна «черта местности» – упоминание в произведении реального тверского жителя судьи и историка Твери Диомида Ивановича Карманова (отмечено Кулакова Л *Поэзия М Н Муравьева* С 12)

столь большую роль в истории русской культуры. Но этот сюжет имеет свое особое значение и уведет нас в сторону от основной нашей темы; мы остановимся только на упоминаниях Бернова.

Владелец Бернова Иринеев – близкий друг «обитателя предместия». Он настойчиво зовет к себе «обитателя»: «Мы так положили в думе своей; этого переменить невозможно. Ты должен с нами провести зиму, ездить на порошу, или оставаться дома и рыться в библиотеке»¹².

В Бернове же живет и автор «Эмилиевых писем». Вот как он описывает это поместье: «Местоположения прекрасны. У нас сад, зверинец, рощи»; «Сколь далеко простирается зрение – повсюду холмы, долины покрыты желтою жатвою, которая иногда спокойна, недвижима, иногда, повинуюся дыханию ветра, волнуется, как пространное золотое море»¹³. Прервем здесь цитату, ибо сразу же хочется напомнить фрагменты из стихотворения «Итак, опять убежище готово...», написанное в сентябре 1780 г., в котором Муравьев описывает Берново:

Ты любишь сень безмолвную Бернова,
И древний дом, и плодоносный сад,
И этот холм, что рощи глыбы сосновой,
И мельницы шумящий водопад.
Смиренна Тьма, какой своей прослугой
Название ты сие приобрела?
Вияся сей прекрасною округой,
Ты льешь струи прозрачней стекла.

< >
Но мы пойдем в убежище зверинца,
Где наш чудак, как новый Сведенборг,
Внимаючи внушениям мизинца,
Нечаянный почувствовал восторг
И наяву увидел пред собою
Трех нежных нимф в одежде так, как снег,

¹² Сочинения М. Н. Муравьева. Т. I. С. 100.

¹³ Там же. С. 118, 135.

Воздушною спустившихся тропею, –
Он видел их по травке легкий бег.
Конечно, то живущи здесь дриады
Иль феи здесь свой держат хоровод.
Летайте вокруг, мечтания, отрады,
В охране древ, у падающих вод.

< >

Но, раза два прошедши по аллее,¹⁴
Не ждет ли нас обремененный стол,
Во светлой сей большой оранжерее
Оставленный гостям на произвол?
Здесь персики румянятся пушисты,
И розы здесь теряют позже цвет,
Там птички вокруг порхают голосисты,
У коих всё, – одной свободы нет¹⁵.

Эмилий, автор писем, живет в Бернове во флигеле. При доме в то время было два флигеля, о которых пишет в своих воспоминаниях А. П. Керн¹⁶, но оба они не сохранились к настоящему времени. Флигель Эмилия располагался, очевидно, со стороны английского парка, в котором и находился собственно зверинец (по преданиям, сохранившимся в Бернове, здесь в искусственных гротах и на цепях при деревьях содержались дикие звери). «Гор-

¹⁴ Л. И. Кулакова печатает эту строку следующим образом: «Но раза два прошедши<х> по аллее», восстанавливая таким образом, как ей кажется, описку автора и воссоздавая причастный оборот к местоимению «нас». Между тем здесь обыкновенный галлицизм, когда деепричастие, изображающее побочное действие, не соотносится с лицом, которому принадлежит главное действие («мы» и «стол» в данном случае).

¹⁵ Муравьев М. Н. Стихотворения. С. 200–201. Стихотворение это могло бы служить хорошим путеводителем по усадьбе Бернова: укажу, в частности, что аллеи регулярного парка перед домом уводили к плодовым посадкам, среди которых находилась и оранжерей.

¹⁶ Керн А. П. (Маркова-Виноградская). Воспоминания о Пушкине С. 363.

ница моя в зверинце. Маленькая библиотека моя расположена на трех полочках, прибитых над письменным моим столиком. Горшки цветов, которые я сам поливаю, затемняют мои окна. Некоторое великолепие украшает мою хижину. Маленькие бюсты Жан-Жака Руссо и Соломона Геснера, которые я выпросил у хозяина, означают убежище их попечителя и любителя природы»¹⁷. Сельские увеселения сменяются другими забавами: «В ближайшем от нас городе (очевидно, это все же Торжок, находящийся между Берновым и Никольским. – М. С.) составилось маленькое общество любителей, которые забавляются представлением комедии. Сегодня – мы не знаем, не ведаем, – видим двор наш, наполняющийся незнакомыми приезжими. Большая горница, которая окнами в сад (очевидно, это зала второго этажа, в которую ранее вела двухмаршевая лестница. – М. С.) становится театром. Простенькие кулисы легким оборотом представляют попеременно улицу и внутренность покоев»¹⁸.

Герой Муравьева читает и дома, и на лоне природы¹⁹, любит полями и дубровами, рассуждает и – подобно самому автору – воспитывает: «Между тем как хозяин занимает гостей своих какою-нибудь общественною игрою, два старшие сына и я составляем особливый комитет и раздробляем красоты Корнеля и Расина. Напрасно стараюсь я следовать восхищению молодых людей: я не нахожу в себе более сей возвышенной чувствитель-

¹⁷ Сочинения М. Н. Муравьева. Т. I. С. 118.

¹⁸ Там же. С. 151.

¹⁹ Н. Д. Кочеткова в статье «Герой русского сентиментализма. I. Чтение в жизни «чувствительного» героя» (Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. XVIII век. Сб. 14) мало уделила внимания этой черте муравьевского героя, хотя он едва ли не самый читающий в сентиментализме герой.

ности, с которой, двадцать лет назад, на берегах Северной Двины читал в первый раз сих великих трагиков»²⁰.

Этот пассаж (помимо его включенности в собственно литературную полемику²¹) позволяет привести и дополнительные аргументы к датировке «Эмилиевых писем» тем же 1790-м г., что и «Обитатель предместия»: отец Михаила Никитича – Никита Артамонович Муравьев был командирован в Архангельск (на берега Северной Двины) именно в 1770-м г., куда вместе с ним отправился и будущий писатель²². Кроме того, упоминаемые здесь «два старшие сына» хозяина Бернова Иринеева – это два старшие сына Ивана Петровича Вульфа: Петр (1768 г. рождения) и Николай (1771 г. рождения). Конечно, в то время, когда писался роман, они уже переросли время ученичества, да и сам Муравьев в 1790-м г. занимался воспитанием и обучением других «двух старших сыновей» – великих князей Александра и Константина Павловичей – и поэтому уже не мог уделять внимания своим двоюродным племянникам. Но, по свидетельству А. Н. Вульфа, сына Николая, П. И. и Н. И. Вульфы «воспитывались <...> у *Михаила Никитича Муравьева*»²³, – значит, в «Эмилиевых письмах» речь идет о более ранних годах жизни сыновей И. П. Вульфа. Но и в 1790-х гг. связи Муравьева с берновскими его родственниками не порвались. Известно, что Петр И. Вульф был зачислен в свое время кавалером их императорских высочеств²⁴, что, конечно, не обо-

²⁰ Сочинения М. Н. Муравьева. Т. I. С. 149.

²¹ См.: Кочеткова Н. Д. Проблема «ложной чувствительности» в литературе русского сентиментализма // XVIII век. Сб. 17. СПб., 1991.

²² Жинкин Н. М. Н. Муравьев // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1913. Т. XVIII. Кн. I. С. 277; Фоменко И. Ю. Из прозаического наследия М. Н. Муравьева. С. 125.

²³ Пушкин и его современники. Вып. XXI–XXII. С. 63.

²⁴ Там же. С. 255.

шло без протекции Муравьева. Занятый воспитанием двух порфирородных братьев, он не забывал и своих родных учеников. Надо, впрочем, сказать, что такое воспитание, которое давал своим ученикам Муравьев, вскоре казалось уже недостаточным. Эмилий разбирает с детьми Иринеева красоты Расина. Николай И. Вульф, по воспоминаниям его сына, «знакомый в лучшем кругу тогдашнего общества обеих столиц, он имел и образование, общее нашему высокому дворянству того времени, то есть он знал французский язык, следственно, все, что на нем хорошего было написано. Я сам помню его декламирующим трагедии Расина». И вместе с тем: он «жил по обычаю большей части русских дворян у отца своего Ивана Петровича Вульфа в тверской деревне, не имея никакого постоянного занятия»²⁵.

«Обитатель предместия», напечатанный в 1790-м г., был переиздан в двухтомном собрании сочинений Муравьева, подготовленном Н. М. Карамзиным, в 1810-м г.²⁶ В 1815 г. К. Н. Батюшков, двоюродный племянник Муравьева, присоединил к нему обнаруженную им в архиве покойного писателя рукопись «Эмилиевых писем» и «Тетрадь для сочинений» и издал их одною книгою со своим предисловием и приложением своей статьи о сочинениях Муравьева²⁷. Все эти три текста в их единстве открывали

²⁵ Пушкин и его современники. Вып. XXI–XXII. С. 225.

²⁶ Опыты истории, словесности и нравоучения М. Н. Муравьева. М., 1810. Ч. 1–2.

²⁷ В письме к В. А. Жуковскому от 3 ноября 1814 г. Батюшков сообщал: «Между бумагами я нашел «Письма Емилиевы», составленные из отрывков, их-то я хочу напечатать. Я уверен, что они будут полезны для молодости и приятное чтение для ума просвещенного, для доброго сердца» (Батюшков К. Н. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 309). Эти же слова повторены и в предисловии к изданию 1815 г. (Обитатель предместия и Эмилиевы письма. Сочинение М. Н. Муравьева. СПб., 1815. С. 1–2, нумер). Словесное и содержательное совпадение обоих текстов позволяет уверенно атрибутировать этот текст Батюшкову и включать его в собрания его сочинений.

раздел прозы и в трехтомном собрании сочинений Муравьева, которое было подготовлено К. Н. Батюшковым и В. А. Жуковским и издано в 1819–1820-м гг.²⁸ Все эти публикации совершались на глазах молодого Пушкина и, конечно, не могли пройти мимо его внимания (в библиотеке Пушкина, во всяком случае, сохранилось издание сочинений Муравьева 1819–1820-х гг.)²⁹ Но проза Муравьева с ее сентиментальным дидактизмом молодому Пушкину не могла прийтись по сердцу. И. И. Дмитриев, сочинивший стихотворную подпись к портрету М. Н. Муравьева:

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
Мать дочери велит труды его читать³⁰, –

(этот дистих был взят Батюшковым в качестве эпиграфа к изданию 1815 г.), – вполне справедливо (со своих позиций) сказал о «Руслане и Людмиле» нечто противоположное: «Мать запретит читать это своей дочери»³¹. Ниспровергателью сочетания «приятного и полезного»³², Пушкину муравьевская установка на чтение «полезное или приятное: повести прошедших веков или трогательные истины нравоучителей»³³ была неприемлема.

И, наверное, здесь можно было бы поставить точку, если бы Пушкин в 1828 г. не приехал в берновские вотчины Вульффов.

²⁸ Полное собрание сочинений М Н Муравьева СПб, 1819–1820 В 3 т

²⁹ Модзалевский Б Л Библиотека А С Пушкина (Библиографическое описание) СПб, 1910 С. 65

³⁰ Дмитриев И И Полное собрание стихотворений Л, 1967 С 135

³¹ См об этом Строганов М В Читатели-современники о поэме А С Пушкина «Руслан и Людмила» // Литературное произведение и читательское восприятие Калинин, 1982 С 87–88, 100

³² См Эстетические отношения искусства и действительности: Словарь-справочник Тверь, 1998 С 66

³³ Сочинения М Н Муравьева Т I С. 74

А там все помнило Муравьева. Я уже ссылался на дневник А. Н. Вульфа. Укажу теперь на воспоминания А. П. Керн: «Жена дедушки Ивана Петровича – Анна Федоровна была урожденная Муравьева, близкая родственница известного Михаила Никитича Муравьева, воспитателя и друга Александра I. Я помню двух сыновей его, Никиту и Александра, приехавших к нам из Москвы в Берново»³⁴. Анна Петровна, возможно, и не видела (или не запомнила) самого М. Н. Муравьева, но сочла своим долгом упомянуть «известного» родственника. Отраженным светом его сияли Берново, Малинники, Соколово, владелец которого старший из сыновей Ивана Петровича Петр Иванович Вульф очень гордился тем, что служил в молодости при особах императорского дома и потому достаточно заносчиво обращался со своей родней³⁵. Едва ли он не вспоминал при этом и Михаила Никитича. Стихи, которые мы уже приводили, должны были быть известны в Бернове: для берновских жителей они, собственно, и писались. Здесь все помнило Муравьева. Конечно, Пушкин услышал рассказы о нем, конечно, он что-то припомнил из «Эмилиевых писем», что-то перечитал: может быть, тут же, в Старицком уезде, может быть, уже покинув его. Но перечитал. Старицкая осень 1829 г. – верное тому свидетельство.

Ясно, конечно, что живая жизнь богаче любого литературного текста. Но есть некоторые сочетания слов, которые трудно объяснить одним следованием за живой жизнью. «Ты должен с нами провести зиму, – пишет Иринеев «обитателю предместия», – ездить на порошу, или оставаться дома и рыться в библиотеке»³⁶.

³⁴ Керн А. П. (Маркова-Виноградская). Воспоминания о Пушкине. С. 334.

³⁵ Пушкин и его современники. Вып. XXI–XXII. С. 63.

³⁶ Сочинения М. Н. Муравьева Т. I. С. 100; описание охоты см.: там же. С. 149.

«Что касается до меня, – сообщает герой пушкинского «<Романа в письмах>», – я совершенно предался патриаршеской жизни: ложусь спать в 10 часов вечера, езжу на порошу с здешн<ими> помещиками, играю с старухами в бостон по копейке и сержусь, когда проигрываю» (VIII, 55). Сначала было еще ближе к Муравьеву: «...езжу на порошу, читаю» (III, 577). Впрочем, это «муравьевское» влияние сохранилось и в другом тексте, написанном также в ноябре 1829 г.:

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть или нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, или лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша...

(III, 181).

Охота по пороше могла возникнуть у Пушкина и сама по себе, без влияния Муравьева. Чтение книг могло возникнуть также без этого влияния, «из жизни». Но альтернатива «пороша» / «книги» была, конечно, подсказана Муравьевым.

Вообще сама жанровая форма романа в письмах была также подсказана Муравьевым. Если уже об этих местах был написан один роман в письмах, то самая статья написать о них же еще один, тем более что старый роман не устраивает. Пушкинская героиня говорит: «Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 г. роман писанный <в> 1775-м³⁷. Кажется,

³⁷ Пушкин не случайно называет здесь 1775 г.: очевидно, от обитателей Берново он узнал, что в середине 1770-х гг. Муравьев провел долгое время в Твери, наезжая и в Берново. Годичный отпуск, который Муравьев провел в Твери, относится к 1776–1777 гг. (см.: Письма русских писателей XVIII века. С. 356).

будто вдруг из своей гостинной входим мы в старинную залу обитую штофом, садимся в атласные пуховые креслы, видим около себя странные платья, однакож знакомые лица, и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими. Большею частию эти романы не имеют другого достоинства. Происшествие занимательно, положение хорошо запутано, – но Белькур говорит косо, но Шарлотта отвечает криво. Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить бессмыслицы, дополнить недомолвки – и вышел бы прекрасный, оригинальный роман» (III, 49–50).

Пушкин внял совету своей героини. В частности, он использовал муравьевский мотив «соблазна» деревенского жителя городом, весьма обычный, впрочем, в сентиментальной литературе. Эмилий пишет: «Какие хитрости! Описывая пышные увеселения столицы вашей и конечно увеличивая их, ты хочешь повредить сравнением моему милому Бернову. Пользуясь слабостию моею (зачем скрывать ее?), ты сообщаешь мне подробную записку ваших театральных зрелищ»³⁸. Так же и Саша, «соблазняя» Лизу описаниями петербургских балов и любви Владимира, хочет вернуть ее в Петербург. Но как и Эмилий у Муравьева, пушкинская Лиза непреклонна: «Нет, милая моя сваха, я не думаю оставить деревню...» (VIII, 49).

Итак, одна из основных тем пушкинского «Романа в письмах» – это сличение века минувшего и века нынешнего, сличение разных мгновений быстротекущей жизни. «Глядя на управление мелкопоместных дворян», герой «<Романа в письмах>» Владимир пишет своему другу: «Какая дикость! для них не прошли еще времена Ф. <он> Визина. Между ими процветают еще Простако-

³⁸ Сочинения М Н Муравьева Т I С 128

вы и Скотинины!» (VIII, 53). Вообще мужчины в романе постоянно рассуждают об изменчивости и необходимости изменять внешние, политические формы жизни. Женщины же пишут о другом. «Ты не можешь вообразить, как странно читать...» (цитату эту мы уже приводили). Лиза видит, что разница в одежде не отменяет сходства, а то и единства содержания. «Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек. Что есть общего между Ловласом и Адольфом? (Лиза употребляет слово «идеал» в значении ‘человек, которого женщина любит, то есть идеализирует’. – М. С.) между тем роль женщин не изменяется. Кларисса за исключением церемонных приседаний, все же походит на героиню новейших романов. Потому ли, что [способы] нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения <...> а в женщинах – они основаны на чувстве и природе, которые вечны» (VIII, 47–48). Неизменность чувства и природы при изменяемости политических убеждений и моды – таковы основной пафос «<Романа в письмах>» и решение Пушкиным вопроса о характере исторического прогресса³⁹.

«Патриаршеская жизнь», которой предался Владимир, – это якорь в море житейских треволнений, осаждающих нас в Петербурге. Лиза, бежавшая от них из столицы, пишет: «Теперь я живу дома, я хозяйка – и ты не поверишь, как <ое> это мне истинное наслаждение» (VIII, 46)⁴⁰.

Идеал Дома воспет и Муравьевым, который писал: «...приехал я в Берново и наслаждаюсь всеми удовольствиями деревенс-

³⁹ См. об этом: Строганов М. В. Человек в художественном мире Пушкина. Тверь, 1991. С. 41–42.

⁴⁰ О пушкинском идеале Дома см.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1981. С. 176–178; Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. Л., 1981. С. 136–139.

кой жизни»⁴¹. И в другом месте – уже иначе, с переносом интереса с жизни внешней на жизнь внутреннюю: «Я доволен тем, что могу быть сам с собою. Никакое неприятное воспоминание не отравляет моего уединения. Чувствую сердце мое способным к добродетели. Оно бьется с сладостною чувствительностию при едином помышлении о каком-нибудь деле благотворительности и великодушия. Имею благородную надежду, что, будучи поставлен меж добродетелью и несчастием, выберу лучше смерть, нежели злодейство. И кто в свете счастливее смертного, который справедливым образом может чтить самого себя?

Какое удовольствие ожидало меня на пороге дома моего! Усердие домашних, которых каждое движение изъясняло радость о моем приезде; одно зрение покоев столь знакомых, где я так давно счастлив; книги, в которых учусь мыслить и чувствовать; рукописи, слабые опыты, в которых осмеливаюсь перелагать древних или предаюсь собственной мечтательности, – все вместе делало минуту возвращения моего восхитительною. И после того есть еще люди, которые ищут благополучия в рассеяниях, в многолюдстве, далеко от домашних богов своих; бегают от веселий к весельям и из земли в другую, между тем как оно везде в своем отечестве и ожидает их дома!»⁴²

Слова «обитателя предместия» подсказали Пушкину, таким образом, еще один текст, написанный, правда, уже не в Старицком уезде, – а по возвращении из поместий Вульфов в Петербург 23–24 декабря 1829 г.⁴³ Это стихотворение «Еще одной высокой,

⁴¹ Сочинения М. Н. Муравьева. Т. I. С. 117.

⁴² Там же. С. 94.

⁴³ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения). С. 276.

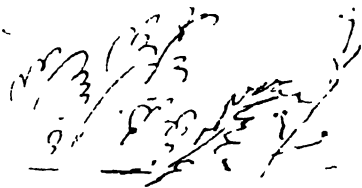
важной песни...», которое является, как известно, переводом «Гимна пенатам» Роберта Саути, но финал которого своими фразеологическими конструкциями восходит к тексту Муравьева:

Да,
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне знать сердечну глубь <?>
В могуществах и немощах его,
Они [меня] любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они науке первой учат –
Чтить самого себя. О нет, вовек
Не престававал молить благоговейно
Вас, божества домашние (III, 193).

Почитание своего «at home», своих «божеств домашних» и самого себя – в своем доме своей крепости, благоволение к человеку – вот что должно было привлечь Пушкина в сочинениях Муравьева. Это и отразилось в пушкинских текстах 1829 г. Культурный слой берновских вотчин Вульфов плотен и тучен. Здесь еще «в лето 7045-е», в 1537 г., начинался побег великого князя Андрея Ивановича Старицкого от преследований Ивана Грозного. Здесь писал свои стихи Михаил Никитич Муравьев. Потом – более известные имена: Пушкин, Анна Петровна Керн, Алексей Николаевич Вульф. Сын владельца Соколова Николай Петрович Вульф, лишенный какого бы то ни было поэтического дара, но отягощенный стремлением к стихотворству, запечатлел в своих виршах эти земли. На рубеже XIX–XX веков берновские земли стали вотчиной художников: Исаак Левитан, Варвара Бубнова...

О нет, вовек не престававал молить благоговейно вас, божества домашние.

Копии
рукописи
Шекспира
в Лондоне

Приложение

Ниже мы публикуем повести Муравьева «Обитатель предмета» и «Эмилиевы письма». Как теперь уже ясно читателю, они интересны нам с двух точек зрения: как рассказ очевидца о жизни Бернова и его обитателей в конце XVIII века и как отправная точка для Пушкина в создании его «<Романа в письмах>». Нам особенно приятно представить вторую повесть, которая в XX в. не перепечатывалась и вообще труднодоступна широкому читателю. Повести Муравьева, конечно, устарели, и читать их скучновато. Но теперь мы на самом деле поймем читательские ощущения пушкинской героини Лизы от чтения романов XVIII в. Лиза, впрочем, пишет не о Муравьеве, а об англичанине Ричардсоне. Но вот что она говорит: «Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлениям <...> способы нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения... а в женщинах – они основаны на чувстве и природе, которые вечны». А вот как рассуждает герой Муравьева о Мольере: «Его слава не соединена с переменами искусства и нравов, которые непостоянны; она почерпнута непосредственно в самой природе».

Да, Лиза повторяет слова муравьевского героя. Пушкин идет вслед за Муравьевым. Но странен этот Муравьев! К нему вполне можно отнести слова той же Лизы из другого письма: «...но Белькур говорит косо, но Шарлотта отвечает криво. Умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки – и вышел бы прекрасный, оригинальный роман». Все негативные оценки этого

суждения относятся и к «Эмилиевым письмам». Как мы уже говорили, первый публикатор муравьевской прозы К. Н. Батюшков соединил в одном целом две повести: собственно «Эмилиевы письма» и «Берновские письма». Так они печатались в XIX в., так перепечатаваем их и мы. Нам сейчас интересно не столько то, что написал Муравьев, сколько то, как воспринял его Пушкин. Но читатель легко разделит эти два блока, если учтет, что Эмилиевы письма написаны все из Никольского и одно – из Малинников. Их содержание – проблемы воспитания молодого дворянина Васеньки и добродетельные поступки его отца графа Благотворова. Сюжет этих писем – военные маневры вблизи поместья графа Благотворова и увлечение Васиньки воинской службой и любовью к Отечеству. Когда молодой граф отправляется на военную службу, автор писем и наставник его Эмилий берется его сопровождать. Во время военных действий Эмилий погибает, Васинька благополучно возвращается из похода.

Берновские письма (другой цикл) – все помечены Берновым, все они посвящены темам «человек и природа», «природа и культура», превращаясь к концу в трактат по истории словесности (с очень интересными и яркими характеристиками). Автором этих Берновских писем был у Муравьева тот же Обитатель предместья (хотя Батюшков так переделал заключительную фразу письма от 2 октября, что получается, будто бы это какое-то другое лицо; см.: Росси Л. В поисках неизвестного произведения Михаила Муравьева. С. 134). Перепутавший эти два цикла Батюшков не заметил, что и в «Обитателе предместья» говорится о Никольском и Бернове как о двух различных местах, населенных разными людьми.

Не заметил Батюшков и особенностей датировок писем из Бернова и Никольского (некоторые даты, особенно из Никольс-

кого, поставлены им самим. Письма из Никольского пишутся не систематически, между письмами из Бернова – промежуток обычно в 9 дней (29 мая–8–17–26 июня; 1–9–18–27 августа–5–14 сентября; 2–11–20 октября). Это могли быть, конечно, и реальные почтовые дни; может быть здесь и иная какая-то закономерность: ее еще предстоит разгадывать.

Заметил ли все это Пушкин? Нам это не известно. Да и не столь важно. В обоих циклах писем, как уже было показано, нашли отражение берновские впечатления Муравьева.

Мы перепечатаваем также и то предисловие «От издателей», которое Батюшков предпослал изданию 1815 г. и которое, прочно забытое, с тех пор также не переиздавалось и не входило ни в одно собрание его сочинений.

К. Н. БАТЮШКОВ

От издателей

Разбирая бумаги покойного М. Н. Муравьева, мы нашли сочинение под названием «Эмилиевы письма», которое может служить продолжением «Обитателя предместия» (отрывка, напечатанного в собрании его сочинений «Опыты истории, словесности и нравоучения», Москва, 1810). Теперь «Обитатель предместия» и «Письма Эмилиевы» составят целую особенную книгу, которую наставники могут с пользою вручить детям. Зная недостаток в книгах, воспитанию посвященных, мы с удовольствием взяли на себя труд издателей и счастливыми себя почитать будем, если заслужим одобрение нежных матерей и наставников. Переводы иностранных книг, часто слабые и дурные, не удовлетворяют их

желанию; лучшие произведения в прозе наших писателей не могут находиться вполне в руках юношества по возвышенности слога и по содержанию. Чем заменишь их? Иностранными книгами, где ни слова нет о России, где все переносит юное воображение в землю неизвестную, к предметам, для него вовсе чуждым, и таким образом дает ему обо всем ложные понятия. «Обитатель предместья» и «Эмилиевы письма» заменят отчасти, так кажется нам, сей недостаток в книгах для воспитания. Здесь автор часто говорит о России, о древней и новой словесности как пламенный любитель всего прекрасного. Каждое письмо может служить уроком словесности и нравственности. Вообще к нашему писателю можно применить стихи г. Дмитриева:

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:
Мать дочери велит труды его читать.

М. Н. МУРАВЬЕВ
Обитатель предместия

Хотелось мне иметь землицы уголок
И садик, и вблизи прозрачный ручеек,
Лесочик сверх того; и лучше мне и боле
Послали Небеса. Мне хорошо в сей доле,
И больше ни о чем не докучаю им,
Как только чтоб сей дар оставили моим.

Гораций.

№ 1.

Пятница, августа 2, 1790 года

Млеком и медом напоенны,
Тучнеют влажны берега,
И ясным солнцем освещенны,
Смеются злачные луга.

Ломоносов.

Не выезжая из города, пользуюсь всеми удовольствиями деревни, затем что живу в предместии. Я вижу жатву из окошка. С восхождения солнца земледелец жнет неумоимо полосу свою и связывает снопы. Косцы, поставленные строем один за другим, вместе взносят и опускают косы свои. Какой приятной запах от сена, разбросанного по лугу! с каким удовольствием, когда скажу трудолюбивым селянам, проходя мимо их: «Бог помочь, друзья!» – они отвечают мне: «Спасибо, доброй барин!» Мой домик очень мал и невиден; но я не променяю его на великолепнейшие здания, восходящие к облакам и поддерживаемые столпами.

Хотите ли видеть описание моего дома? Он стоит на конце

широкой уединенной улицы, которая выходит в поле. Перед ним, со стороны города, строение обывательское перерывается. В приятной ложине извивается ручей, по берегам которого разбросано несколько кустов орешника. Ручей бежит по песку и по камешкам. Вода его чиста и холодна.

Напротив дома приходская церковь весьма древнего строения. Один князь, которого не упомяну имени, построил ее в благодарность за победу, одержанную над татарами. Основание ее вросло в землю. Оградой служат ей старые дубы, которые далеко кругом себя кидают тень свою.

Подле церкви живет священник, старый и почтения достойный человек. Он имеет попечение о своих прихожанах, так как отец о детях; помогает бедным, утешает несчастных. Он всех старше в приходе и почти каждого запомнит рождение и младенчество. Мы его слушаемся, затем что опытом своим знаем благоразумие его советов. В нашем предместии очень много счастливых, ибо он научил нас находить счастье в добродетели и исполнении должностей наших, а не в удовольствовании ежечасных прихотей, которые никогда не кончатся.

Дом мой на возвышении. Позади высокая роща из кленовых и ясеневых деревьев. Я пью иногда чай в прохладной темноте их, когда посетит меня священник или человек-другой приятелей.

Я имею приятелей, потому что без дружества человеку жизнь была бы неприятна. Как можно жить одному! любить только самого себя! никому не быть полезну!.. Нет, чувствую живо в сердце моем, что человек сотворен для общества: я получаю от него столько выгод! Оно имело попечение о воспитании моем; оно меня покровительствует, защищает от насилия неприятелей оружием, от обид согражданина моего законами. Оно меня удостаивает доверенности, украшает честями и общим почтением, которое еще

драгоценнее почестей. Оно снисходит даже до изыскания мне невинных забав; а я не захочу служить ему! Я отниму руку свою от участия в общих трудах; не разделю ни бдений градоначальника, ни опасностей война, когда Отечество благоволит приобщить меня к оным! Да удалится от меня такое чувство! Я желаю любить друга своего, сродника, благодетеля более, нежели самого себя, и более, нежели их (если возможно), – мое Отечество.

Вспоминаю пример сего славного грека, который вознес отечество свое на верх сияния и могущества, но с удовольствием и с почтением исполнял самые низкие должности, наложением которых неблагодарное гражданство думало его унижить.

Столь приятно отдохновение, когда вкушаешь его после трудов своей должности! Самые простые и ежедневные забавы кажутся новыми и несравненными, когда обращаешься к ним с покойною совестью.

При окончании такого дня с умилением возвращаюсь в мою хижину. В ней, кажется, нашел бы я счастье, если бы уже не имел его в моем сердце. Тут уединяюсь, вхожу в самого себя, вопрошаю в безмолвии сердце мое о всех его движениях, о всех помыслах, действиях, поступках и, ежели найду подозрение худого дела, кроющегося во глубине сердца, краснеюся и приемлю твердое намерение исправить себя.

Потом оставляю хижину свою. Скорыми шагами пробегаю горы и доли. Дышу свежим воздухом при закате солнечном или развожу маленькой садик свой и поливаю благоуханные розы и хожу за своими вишневыми деревьями. Иногда, как смелый всадник, стремлюся на резвом коне; посещаю хижину земледельца и спокойное хозяйство деревенского помещика. В другое время ищу произведений природы, цветов, растений, камней и стараюся проникнуть силы и свойства их.

Наконец журчание источника и зыблущаяся тень ивы или тополя приманивают меня к себе. Сажуся на рождающийся дерн и читаю книгу полезную или приятную: повести прошедших веков или трогающие истины нравоучителей. В таком упражнении находит на меня сон сладкой и непрерывной до тех пор, когда заря, озлатив горы, возвестит следующее утро.

№ 2.

Пятница, августа 9, 1790 года

Раскаяние живет и поздно иногда.

Сумароков.

Погода имеет какое-то влияние надо мною. Влажной воздух, покрытое тучами небо, не отнимая внутреннего спокойствия души моей, производит во мне некоторую важность, склонность к размышлению. Я вспоминаю отдаленных друзей своих. Уединен, в глубокой задумчивости, проливаю слезы сожаления над теми, которых смерть у меня похитила. Эмилий сокрылся от моих дружеских объятий. В странах неизменяемого блаженства приемлет он воздаяние за жизнь, беспрестанно добродетельную, за смерть, вкушенную за Отечество. Граф Благотворов, конечно, не вспомнит имени его, не предавшись всей своей чувствительности, хотя радостный мир и возвращает ему Васиньку, здорового и достойного всей его нежности. Я посвятил в саду своем смиренный памятник Эмилию. Печальная сень кипарисов заключает в себе урну его и сии слова, начертанные на подножии: «Памяти моего любезного Эмилия! Добрый сын, нежный друг, ревностный гражданин, он увенчал добродетельную жизнь славною смертию за Отечество».

В таком положении был я третьего дня по утру. Солнце по-

казалось было на минуту и тотчас скрылось в тумане, который поднялся вверх. Дождик начинал накрапывать; однако я не потерял мужества. Завернувшись в сертук свой, сел на лошадь и пустился рысцою вдоль по дороге. Движение возвратило мне всю мою веселость. Иногда скакал я сокрытый с обеих сторон волнующимися жатвами; иногда спускался в глубокой овраг, где ручеек пробегал по камешкам. Здесь проезжал я деревню, там усадьбы помещиков; инде, выезжая из лесу на лужок, видел я пасущееся стадо соседственной деревни, и собаки пастуха преследовали лошадь мою лаем. Занимаясь всем, что попадалось мне навстречу, нечувствительно очутился я на двадцатой версте от дому. Ладьино было в виду. Как не захватить к старинному другу моему капитану-командору Неслетову? Я дал шпоры лошади и в четверть часа был уже у крыльца, и Неслетов бежал ко мне навстречу с разверстыми объятиями.

– Любезный друг! – говорил он в восхищении, – добро пожаловать! Вот так-то помнят друзей своих! Всегда мне приятно видеть тебя; но никогда не мог ты одолжить меня более посещением своим. – Слезы катились из глаз его... – Сегодня память жены моей. В сей день несчастная София, тому три года назад, оставила непорочную жизнь, которую запальчивость мужа ее в первом цвете прекратила.

Капитан обвиняет себя смертию жены своей, затем что в самом деле оскорбил ее однажды в большом обществе несправедливою укоризною, хотя и слабое сложение Софии само собою не обещало ей долгой жизни. Воображение ее было поражено сим уничтожением. Чувствительно жизнь ее угасала. Никакие старания, ни слезы, ни раскаяния командора не могли исцелить сокрушенного ее сердца. С тех пор и капитан более мучится, нежели живет. Не доверяя беспрестанно горячности своей, он лишил себя последней отрады видеть своих детей. Он дает им воспитание в отсутствии, под присмотром благоразумного друга.

Таким образом, имея лучшее сердце в свете, он всегда в опас-

ности огорчить друзей и ближних, затем что не имеет власти противиться первым движениям. Может быть, имел бы он теперь место между нашими храбрыми адмиралами, ежели бы нетерпеливость также не заставила его покинуть службу. Будучи на море, обидел он вспыльчивостию лейтенанта корабля своего; но опаматовавшись через минуту, при собрании всего экипажа, просил у него прощения. Сей поступок произвел разные толки, и нетерпеливый Неслетов захотел лучше отказаться от блестящих видов службы, нежели снести взор неудовольствия своих начальников.

И теперь самая склонность лет его и горестные опыты не могут совершенно преодолеть крутости его нрава. Человек, который в спокойные часы свои наполнен горячайшего доброжелательства ко всем людям, во гневе доходит до неистовства. Самая безделица выводит его из самого себя. Но ничто не может быть искреннее и горестнее его раскаяния. Он в состоянии унижить себя пред последним человеком и все отдать, чтобы удовлетворить обиженного. Зная то, домашние пользуются сею слабостию и нарочно попадают ему во время исступления его, уверенные, что щедрость его превзойдет несравненно оскорбление.

Остаток дня проводили мы в приятных разговорах. В уединении своем не может он еще позабыть своей службы. Сердце его восхищается славою Отечества, и он сердится на себя, что не имел счастья сражаться на Ревельской рейде или в заливе Выборгском.

У него множество заведений: больница, училище, деревенские рукоделья. Благочестие его занимается теперь строением церкви. Крестьяне окружают его не так, как господина, но как отца и благоприятеля. Он заставляет прощать себе несовершенства нежным своим *благоволением к человечеству*.

Я проводил день с удовольствием, ночевал и на другой день после завтрака, в прекраснейшее утро, приехал домой.

№ 3.

Пятница, августа 23, 1790 года

Напрасно море свирепеет;
Когда Всевышний не велит,
Брегов оно терзать не смеет;
Одна песчинка их делит.

Херасков.

Иногда находят на меня такие минуты, что я погружаюсь совершенно в воспоминание прошедшего и с удовольствием представляю себе явления моего младенчества. Воображаю живо места, где я бегал, мои ребяческие игрушки, радости и печали, мало-важные и непостоянные. Особливо помню я один разговор с моим наставником. Мне кажется, что я теперь его вижу.

Это было летом. Тихой вечер оканчивал знойный день. Солнце, величественнее и медленнее на конце пути своего, покоилось, за мгновение перед закатом, на крайних горах горизонта; а я прогуливался на крутом берегу Волги с добродетельным другом юности моей кротким Илановым. Власы главы его белели уже от хлада старости; весна жизни моей не расцвела еще совершенно. Мы касались оба противоположных крайностей века. Но дружба его и опытность сокращали расстояние, которое разделяло нас; и часто, позабываясь, мнил я видеть в нем старшего и благоразумнейшего товарища.

Будучи важнее обыкновенного в тот вечер, он говорил мне: «Сын мой (сим именем любви одолжен я был нежности сердца его и послушанию моего)! озирая холмы сии, одеваемые небесною лазурью, поля, жатвы и наполняющие их струи, не чувствуешь ли в сердце благополучия? Чудеса природы не довольны ли для счастья человека? Но одно худое дело, которого сознание оскорбля-

ет сердце, может разрушить прелесть наслаждения. Великолепие и вся красота природы вкушаются только невинным сердцем. Сохраняй тщательно непорочность сердца своего; будь кроток, праведен, благотворителен; поставляй себя всечасно в присутствии Вышнего Существа. Одно счастье – *добродетель*; одно несчастье – *порок*. И все вечера твои будут так тихи, ясны, как нынешний. Спокойная совесть творит и природу спокойною».

Слова его глубоко проникли в душу мою, и я повергся с умилением в объятия старца. Бугорок служил нам местом упокоения. Свет вечерний исчезал под кровом ночи. Скоро стала повсюду единая тьма и безмолвие.

– Чувствительность твоя, – продолжал наставник мой, – есть хвала сердцу твоему и добродетели. Не зриай никогда хладнокровно на благодеяния Божии. Все, что окружает тебя, ты сам, твоя бессмертная душа, все носит на себе священное напечатление Его могущества и благости. Сия былинка, теперь толь свежая и которая завянет завтра, и сие подъемлющееся светило ночи, сребровидный месяц, единым словом Его получили бытие свое. Пройди взором необъятные пустыни неба: они усеяны солнцами, которые другим мирам светят. Другие земли *привлекаются и тяготеют* к ним; и шар сей, на котором мыслящие существа проводят краткую жизнь, становится точкою в чине природы.

Повинуясь первому побуждению, которое рука Всевышнего в первое мгновение бытия сообщила им, огромные тела небесные, окруженные шаром воздуха, колеблются на зыбях эфира. Планеты катятся в предписанных кругах. Источник света и жизни, горящее Солнце служит средоточием для подчиненных ему планет. Не пременяя места, обращается оно на оси своей.

Испытатель естества вознесся на крылах наблюдения и написал чертеж системы мира. Десять тысяч поперечников шара нашего отдалают нас от Солнца. Всех ближе к нему катится Мерку-

рий. Видишь сие блистающее светило? – это Венера. Она странствует так же, как Земля, блистая заемным светом. Ниже ее странствует Земля, прекрасная обитель человека. Служебная планета Луна ей сопутствует, обращаясь кругом и освещая ночи ее. Четвертой круг описывается Марсом. В чрезвычайном отдалении огромный Юпитер с четырьмя лунами совершает длинный путь свой. Далее движется Сатурн. Отдаление Солнца заменяется ему изобилием спутников, отражающих слабеющие лучи Солнца и твердым кольцом плавающих около его.

Око астронома не постигнет всех миров; но сердце благодарное и незлобивое полагает пределы любопытству благоговением и восхищается премудростию Божию в самое то время, когда признает свое неведение и слабость.

Так говорил он и, взяв меня за руку, повел в спокойную хижину. Уже наступало время сна. Рука в руку обратились мы спокойно ко вратам сельского обитания нашего.

№ 4.

Пятница, сентября 13, 1790 года

Представь, о древность! мне пред очи
Вселенная спокойной век:
Там в сладком мире дни и ночи
Препровождает человек;
Земля там в части не делится;
Там вся природа веселится;
Бегут отголь вражда и гнев:
Там с агнцом почивает лев.

Майков.

К нам все известия доходят поздно. Отделены от города, мы составляем особливой свет, где царствует тишина, спокойствие, уединение. Но какую радость наполнилось наше предместие,

когда раздалась желанная весть мира! Толпятся на улице, обнимают друг друга, поздравляют, окружают счастливого вестника. Каждой навевается у него о брате, о друге, о сроднике. Я спрашиваю об Алетове и имею несравненное удовольствие слышать, что он жив, что к достоинству храбрости присоединил он другое, любезнейшее: человеколюбие. Он имел счастье быть употреблен к спасению погибающих. Множество равных ему людей, сограждан, обязаны ему жизнью. Какое наслаждение может с ним сравниться! сколько печалей должны быть заглажены в сердце его сим сладостным воспоминанием! Но восхищения наши помрачаются иногда слезами прискорбиа и сожаления. Сердца проникаются состраданием при воспоминании сих достойных молодых людей, которые, так как мой Эмилий, заплатили долг Отечеству своею незлобливою и прекрасною жизнью. Несчастливые родители! вы не примете их в свои объятия; ваша сирая старость лишена подпоры, сладостного утешения. Нежные друзья будут вечно чувствовать в сердцах своих праздно место, которое занимали столь приятно сии любви достойные юноши. В блестящих обществах столицы будут спрашивать друг друга: где те, которые недавно разделяли забавы наши и увеличивали их своею живостию, откровенностию, знанием света? Строгой долг, любовь отечества, слава присвоили себе жизнь их и память.

В разговорах наших следуем мы постепенно за звучным оружием российским на суше, на море. С благоговейною печалию представляем себе и в самой смерти непоколебимое мужество героя Ангальта; удивляемся пламенному духу сего маршала, не вышедшего еще из первой юности, который, опоясав флаг, бросается в море, прося только уведомить отца его, что умирает достойным его сыном. Другой, сын славного стихотворца, которого стихи поставлены в заглавии листа сего, в самом огне сражения

устремляется на камень против неприятельской батареи и кричит солдатам: «Ребята, за мною! я уж на батарее!» И в то же самое время ядро опровергает великодушную похвальбу его.

Мы начертываем в воображении все походы, все станы русского воинства, и положения Мемеля, Ковалы, Пумалазунда, Саватайполя нам уже почти столько же известны, как и мирные хижины нашего предместия.

Но мы не довольствуемся разговорами. Достойный пастырь наш ведет нас к жертвеннику Бога сил и мира. Соединенные усердием и доброжелательством, мы изливаем горячайшие молитвы и благодарения Всевышнему за успехи, которыми благословил Он оружие российское. Досточтимый священник поучает духовное стадо свое словом, происходящим от избытка сердца. Он не ищет красноречия: убеждение покоится на устах его. Таким образом любимый отец говорит среди послушных детей своих. Седины его, ясность взора (свидетельница спокойствия душевного), борода, нисходящая на грудь его, посох, на которой опирается, – все возвещает учителя народного, который стоит на краю вечности.

Проповедник мира хочет и праздновать его у себя. Все жители предместия идут в смиренный дом его. Наши именитые граждане: отставной майор Дремов, Перков ученой, заседатель Карманов, купец Кормилов – и прочие соседи наши считают за удовольствие быть угощаемы добродетельным старцем. Не говорю о себе, затем что я разделял хозяйственные попечения священника.

Обедали во дворе под тенью древнего дуба. Супруга священника, другая Бавкида, устала гостеприимный стол простыми брашнами.

На память радости нашей мы посадили молодую леторасль ивы. На корке дерева начертали мы год и день заключения мира. Умилительное явление заключило наш праздник. Священник вы-

вел посреди нас малолетное дитя, которого отец, солдат Измайловского полку, убит на войне. Единогласно собрание наше взяло сироту в особливое свое покровительство. Священник будет его учить и воспитывать. Мы друг перед другом ревновали обложить себя некоторым числом денег для составления маленького имени несчастному, думая, что благодарение, угоднейшее Вышнему Существо, есть благодаяние человекам.

№ 5.

Пятница, сентября 27, 1790 года

Тот изверг естества, кто ближних ненавидит;
Тот мал, чтоб честным быть, кто только не обидит.
По правде человек, кто всем благоворит:
Дыхания его немолчный есть свидетель
Споспешна добродетель.
Он жив, коль всех живит.

Петров.

Приняв участие в общей радости о заключении мира, я предался другому чувствованию особенному, которое меня только касалось. Я вспомнил Васиньку. Мне известно было из писем, в которой день его ожидают. Никольское далеко отсюда; но удовольствие видеть любимых людей в счастии уничтожило в воображении моем расстояние, которое разделяет предместье мое с Никольским. Я простился с добродетельным священником и бросился в кибитку. Каждое обращение колеса удовлетворяло моей нетерпеливости. Биения сердца моего угадывали приближение Никольского. С каким восхищением въехал я в сию темную аллею, которая ведет к воротам Никольского! Хотя осенний ветер похищал поблекшие листья ее; но сладостное мгновение, в которое граф Благоворов, все особы, составляющие семейство его,

удостоивали меня своих объятий, превышает описание. Его любящее сердце возвышалось еще радостью родителя, которую вкушал он при возвращении сына своего из опасностей невреждена и еще достойнейшего нежности его, нежели прежде. «Посмотри, – говорил он, – Васинька с нами! обними его». Слезы не позволяли говорить более. Он стыдился их и наслаждался ими.

Добросердечие господина перешло, кажется, во всех его домашних. В самом деле он не имеет слуг, ежели сим именем означаются несчастные и равные нам люди, которые принуждаются бедностью состояния своего исполнять без награждения все наши своенравия. Он, кажется, окружен толпою внимательных приятелей, которых покровительствует. Не помнят в доме, чтоб он огорчил кого грубым словом, не для того чтоб не случилось никогда оплошности: это невозможно; но он почитает должностью своею исправить преступившего с тихостию и думает, что обесчестит самого себя, ежели в домашнем своем унизит ругательством достоинство человека. Часто отлагает и самые кроткие увещания свои, затем что видит в стыде преступника величайшее наказание. Тот, который был удостоен его выговора, не променял бы ни за что утешения быть им наставлену. Столько тихость господина делает сердца служителей кроткими и чувствительными!

Все его домашние наполнены истинною учтивости и доброжелательства. Никакой бедной человек не был ими отвержен с презрением. Видя их поступки, иной бы принял их за благородных, оттого что граф признает одно благородство сердечное.

Говоря с слугами своими, он никогда не забывает, что говорит с людьми. Все его приказания умягчены какою-нибудь ласкою: «потрудишься, друг мой; не тяжело ли тебе будет?» – или что-нибудь подобное. При исполнении какого-нибудь поручения, никогда не преминет хвалить за скорость и исправность.

– Они люди и несчастны, – вот слова его, – следственно имеют право на сожаление наше. Но они еще нам служат – следственно мы обязаны им благодарностию. Так как они, я мог бы родиться слугою, и нечувствительный господин изнурял бы меня трудом и уничтожал презрением. Я очень счастлив, что могу облегчать судьбу мне подобных!

В самом деле, никто не разумеет лучше его искусства делать людей счастливыми. Все, что его окружает, испытывает влияние добродушия его и приветливости и заимствует от него навык приятности и снисхождения: жена, дети, родственники, друзья, знакомые, подчиненные, самые служители, которых он называет *своими несчастными друзьями*. По одному разговору узнаешь, что они пользовались обхождением графа Благотворова.

В его доме нет ни злословия, ни переговоров, ни подлых происков. Каким бы образом злобный наушник осмелился приблизиться к графу? Он ненавидит одни пороки и любит исправлять порочных терпением и благоразумием. Его камердинер самой счастливейший человек в свете. Он видит каждой день добродетельнейшего человека и каждой день становится добрее и просвещеннее. Он читает в библиотеке графской, и я знаю, что он употребляет половину жалованья своего на содержание бедных.

Последний день, что я был в Никольском, прогуливались мы с графом в поле. Было поздно. Вдруг видим, что хижина, отдаленная от жилья, загорелась. «Поспешим, любезный друг, на помощь; может быть, человек в опасности». Мы первые прибежали на пожар. Крестьяне, сбежавшиеся из села, видели с восхищением помещика своего, презирающего собственную опасность, спасающего дряхлую и больную женщину. Напрасно угovarивали они его. «Друзья мои! я человек, и мне приятно слушать человечеству».

№ 6.

Пятница, октября 4, 1790 года

Внешний блеск переходит так, как дым:
Но красота души свой образ сохраняет,
Всегда влечет умы, всегда сердца пленяет.

Богданович.

Возвращаясь из Никольского, я имел случай видеть по дороге людей разного состояния и наблюдать их вблизи. Какое движение одушевляет целое общество! Земледельцы, рассеянные по полям, наполняют житницы государства. Обозы с товарами идут медлительно к месту назначения своего. Сокровища стекаются в города и питают рукоделья и художества; между тем как правление, устремляя все части к пользе целого общества, дарует всем покровительство законов.

Сие зрелище занимало меня приятным образом и уменьшало скуку путешествия. Я разговаривал с селянами, и часто в разговорах их почерпал наставления в сельском домостроительстве, в наблюдении природы, с которою они знакомее нас. Везде находил я бодрость духа, рассуждение простое и здоровое, неутомимое трудолюбие – черты, которые составляют, кажется, народное умоначертание.

В одной волости представилась мне совсем иная картина: поля пренебреженные, хижины земледельческие развалившиеся, вросшие в землю, соломою крытые, а на холму, под которым деревня, огромное здание помещика, в самом живописном местоположении. Но великолепие соединялось с худым вкусом: без плану, никакой соразмерности в частях, украшения тяжелые, излишние. От недостатка иждивений и порядка недоконченное строение начинало уже разваливаться. Я полюбопытствовал спросить об имени помещика. Извозчик мой отвечивал, что это князь....

Но я лучше не назову его, уважая тени славных людей, от которых он происходит.

Улицы селения были столь худы, что при самом въезде в него ось кибитки моей изломилась; и между тем как я был в величайшем затруднении, звуки рогов и топот конской известили меня о возвращении помещика с охоты. Я был приглашен им не столько из гостеприимства, как из суетной надменности и желания ослепить проезжего сиянием пышности его.

Чертоги его испещрены повсюду золотом, и ничто не показывало более малости души господина их, как смешное великолепие, которым он окружал себя. Ему казалось, и он не скрывал того, что он совсем отменного существа от его подданных. Несчастье крестьян его не трогало. Он думал, что они рождены для его презрения. Но вместо того собаки были предметом его внимания и разговоров; одна охота могла приводить в движение тяжелую его душу. В прочем угождения чреву его, сон и грубые шутки наполняют пустоту его времени. Неспособный к обхождению с честными людьми, он живет с презрительными шутами и смеется с удовольствием тому, что только заслуживает сожаления.

Обхождение его совсем противоположно тому, которым граф Благотворов составляет услаждение своих приятелей: простонародные предрассуждения, разговор черни, никакой вежливости, никаких знаний. Он утверждает, что Владимир был современник Августов и что пушки были при осаде Трои. Ломоносов ему столько же известен, как Конфуций.

Сколь различным образом препроводил я вечер на ночлеге моем! Я пристал к почтенному земледельцу. Четыре сына, из которых меньшему было за пятнадцать лет, окружали с почтением добродетельного отца. По бодрой старости его я не поверил бы, что он переступил уже за сто лет жизни своей, если бы я осмелился и сам в себе подумать, что ложь может быть на языке его.

Поля, окружающие деревню, его рукою обработаны. Он первой поставил хижину, когда кругом еще было непроходимое болото и дремучий лес. Труды его благословлены изобилием, а добродетель потомством. Его одно семейство составляет население деревни.

По вечерам все сходятся в жилище праотца своего утешать старость его зрением резвой юности и пользоваться мудростию его и опытностию. Женщины занимаются около огня домашними упражнениями в кротком молчании. Старик рассказывает или забавляет правнучат своих. И тогда два младенца, сыновья внуков его, сидели у него на коленях и играли седиными его. Он вкушал радости, редким из людей известные. Алексей, младший внук его, возвратился в тот день их похода. В мундире, две медали на груди, молодой человек чувствовал несравненное удовольствие быть похваляему дедом своим. Старик сам служил в молодости. Он имел счастье видеть и слышать Петра Первого. Молчание царствовало вокруг его, когда он выговаривал с глубоким чувствованием и с слезами имя великаго государя. Память его, сохраняя залог свой, повторяла верно все приключения молодости его, как бы действия вчерашние. Таким образом некогда сама история составилаь из преданий.

Гостеприимный с важностию, он продолжал заниматься семейством своим. «Не прогневайся на меня, – говорил он мне, – я не видал давно Олешеньки, и мне не долго его видеть. Я желаю от всего моего сердца, чтоб и ты дождался внучат своих, когда они с войны придут. Я было отдал его государю: Бог привел опять увидеть».

Меня поразила мысль, что в тот же самой день простой крестьянин внушил в меня почтение, когда я взирал с презрением на знатного, недостойного своей породы. Я почувствовал всю силу *личного достоинства*. Оно одно принадлежит человеку и возвышает всякое состояние.

№ 7.

Пятница, октября 11, 1790 года

Коль счастья с должностью не можно согласить,
Тогда порочен тот, кто хочет счастлив быть.

Княжнин.

Сколь истинно, что лишения придают новые приятности наслаждениям нашим! После отсутствия моего мне кажется, что дом мой еще украсился, хотя глубокая осень лишила сад мой и рощу лишнего их убранства и заключила в комнаты уединенного их обладателя. Я доволен тем, что могу быть сам с собою. Никакое неприятное воспоминание не отравляет моего уединения. Чувствую сердце мое способным к добродетели. Оно бьется с сладостной чувствительностию при едином помышлении о каком-нибудь деле благотворительности и великодушия. Имею благородную надежду, что, будучи поставлен между добродетели и несчастья, выберу лучше смерть, нежели злодейство. И кто в свете счастливее смертного, который справедливым образом может чтить самого себя?

Какое удовольствие ожидало меня на пороге дома моего! Усердие домашних, которых каждое движение изъявляло радость о моем приезде; одно зрение покоев столь знакомых, где я так давно счастлив; книги, в которых учусь мыслить и чувствовать; рукописи – слабые опыты, в которых осмеливаюсь перелагать древних или предаюся собственной мечтательности: все вместе делало минуту возвращения моего восхитительною. И после того есть еще люди, которые ищут благополучия в рассеяниях, в многолюдстве, далеко от домашних богов своих! бегают от веселий к весельям и из земли в другую, между тем как оно везде в своем отечестве и ожидает их дома.

Меня занимает приятным образом домашнее хозяйство. Есть люди, которым нужна моя помощь, совет, предстательство. Какое счастье отереть слезы невинно страждущего, оказать услугу маломощному, облегчить зависимость подчиненных! Но что я скажу о дружбе? Чувствовать себя в другом, разуместь друг друга столь искренно, столь скоро, при едином слове, при едином взоре! Кто называет *дружбу*, называет *добродетель*. Меня ожидал в горнице моей Алетов, возвратившийся из похода. Предчувствования сердца его открыли ему время возвращения моего. Наши сердечные объятия, наше глубокое молчание изъясляли красноречивейшим образом чувствования, для которых нам слов не доставало.

Мы не видали, как прошел вечер в приятных разговорах. Воспоминания, чувствования и мнения прошедшего времени снабжали нас новыми размышлениями. Иногда мы были противного мнения; но спорили без упрямства и уступали друг другу без огорчения. Мы разгорячались только тогда, когда говорили о пользах человечества. Часто вспоминал Алетов какой-нибудь прекрасный стих из «Танкреда» или «Меропы» и возглашал его с восхищением.

Скоро прочие друзья мои провели мое прибытие. Каждой из них спешил предупредить меня посещением. Пришел почтенный священник, добрый Дремов, Перков, Тучин. Было полное собрание перед камином. Мы завтракали, читали ведомости. Дремов рассказывал нам успехи земледелия своего и сколько убрал он хлеба с поля. Перков показывал выписки свои из Гиббона и Гиллиса.

Одного не доставало Карманова. Все отзывались, что не видали его давно. Должность судьи занимает все время человека. И самое отдохновение его нарушается часто помышлением о делах

общественных. От одного слова, которое произносит он, зависит спокойствие или собственность гражданина. Каким угрызением подвергнет он жизнь свою, ежели приговором, легко произнесенным, осудит невинного, угнетаемого стечением обстоятельств! Сколько таких случаев, где изыскание истины сделано трудным ябедою и ухищрением! Иногда жалость, права знакомства, убеждения, просьбы соединяются на поколебание его мужества.

Первое, что я предпринял, как скоро оставили меня одного, было посещение моего приятеля. Карманов встретил меня с сим добродушием, которое ему свойственно. Расспросы о моем путешествии. Но несмотря на спокойствие, которое он старался принимать на себя, я видел заботу, снедающую его сердце. Она не могла быть долго тайною для моей дружбы.

– Ты угадал, любезный друг, – говорил он мне, – я должен быть истолкователем строгости закона. Сильный человек желает спасти виновного. Есть подлые люди, которые угрожают меня всем его гневом, ежели я не спасу его любимца.

– Что ж, мой друг? какое ты возьмешь намерение?

– Оно взято. Никогда язык мой не произнесет того, что отвергает совесть. Сильный человек должен мне благодарением за то, что я спасу святость законов от препятствий, которые, в заблуждении своем, противопоставлял он исполнению их.

– Но ежели, будучи раздражен твоим упорством?..

– Я утешусь в несчастьи одобрением совести.

Я летел в его объятия:

– Любезный друг мой! ты возвращаешь мне спокойствие сею благородною твердостью. Злодейство – предпочитать жизнь свою чести; и какое может быть счастье, когда оно в противоречии с добродетелию?

№ 8.

Пятница, октября 18, 1790 года

Любить торги, науки,
И счастье дома находить.

Державин.

Мне так хорошо сидеть перед моим камином! Огражден от стужи твердыми стенами, одет мягкой волною агнцов, я наслаждаюсь произведениями всех частей света. Сей напиток, услаждающий свою смачною солью, извлечен из плодов дерева, которое росло для меня в Аравии. Сей чай, которого благоухание наполняет воздух, возвращен и собран промыслительною рукою китайца. Еще более: не выходя из горницы моей, узнаю происхождение целой Европы. Мудрость древних, изобретения новейших: все сие сделано вечным и общим человеческому роду посредством искусства столь важного, сколь удивительного, которое умножает в одно мгновение списки сочинения до бесконечности. Я могу слышать настоящие слова добродетельнейших и знаменитейших людей в свете чрез безмерное расстояние и тысячи лет, которые разделяют меня с ними. Гражданин Афин и Рима, я могу вместе с ними удивляться Софоклу и плескаться Теренцию. Сие же искусство, распространенное на живопись, собирает в горнице моей превосходные творения художников и восхитительные положения природы. Резец Скородумова или Вакера подражает кисти Ангелики Кауфман и Батения. Одеяния разных народов, обряды, происшествия, здания, крепости, сражения привлекают мое внимание поочередно. Время, ускоряемое сими забавами разума, протекает легко и приятно, не оставляя места скуке. Под кровом искусств общежития едва приме-

чаю суровость погоды. Но без ведома моего сколько рук трудится в самое сие мгновение для доставления мне удобностей и приятностей жизни! Земледелец, ремесленник, промышленник, мореплаватель служат обществу трудами и часто опасностью своею.

Я рассуждал таким образом сам с собою. Кормилов в двери: купец, делающий честь своему состоянию сведениями в торговле, неизменяемою честностию и трудолюбием. Он имеет дела почти во всех купеческих городах Европы. Исполненный общественной ревности, он поддерживает имуществом своим предприятия промышленников, торгующих в островах Курильских и Алеутских.

По первых учтивостях с обеих сторон он говорит:

– Вот английские книги, которые я для вас выписывал. Особенно приятно мне видеть между прочими полезную книгу Адама Смита о *народном богатстве*. Читайте ее, чтоб постигнуть важность торговли. Ею соединяются государства, насаждаются искусства и нравы в грубых народах; природа обращается к благополучию вселенной. Несправедливое предрассуждение унижает купечество перед другими состояниями. Я не могу думать о себе с пренебрежением, когда повеления мои исполняются в Лондоне и когда я получаю донесения от приказчика моего в Уналашке; когда вижу, что трудолюбием моим и расчетом обращение денег в государстве ускоряется; что я отверзаю новые пути вывозу естественных произведений моего отечества и возбуждаю промыслительность ремесленника. Подлое корыстолюбие не унижает предприятий моих. Моя прибыль соединена беспрестанно с пользами государства. Учреждаю так все дела мои, что я в состоянии удовлетворить каждому требованию при самом предъявлении. Обманщик, который во зло употребляет до-

верие, недостойн почтенного имени купца. Одно слово мое на бирже должно стоять самой важнейшей письменной сделки. И как может быть иначе? Бесчестное дело предполагает тесный разум. Купец, какого я понимаю, есть государственный человек, который приуготовлен тщательным воспитанием к исполнению своего звания и которого все действия управляются духом порядка и хозяйства.

Как он говорит о должностях купца, так исполняет их; но умалчивает о своей благотворительности. У него есть правило откладывать десятую часть прибыли: это называет он *имением бедных*.

Наша беседа прервана разносчиком писем. Кормилов пошел читать их к себе в контору. Я получил следующее письмо из Бернова от Иринеева, который поехал туда нынешнее лето пользоваться приятностями деревенской жизни.

Берново, октября 8-го.

Теперь ты не имеешь никакой отговорки. Ты был в Никольском, надобно приехать в Берново. Ты знаешь, что здесь живут самые снисходительные люди. Но спроси сам у себя по совести, можно ли удовольствоваться твоими извинениями? – Я люблю спокойствие и глубокое уединение моего предместия. Как оставить книги мои, упражнения, привычки? – Надобно вооружиться мужеством. Мы так положили в думе своей; этого переменить невозможно. Ты должен с нами провести зиму: ездить на порошу или оставаться дома и рыться в библиотеке. Мы воли не снимаем: музы у нас не в изгнании. В доказательство прилагаем басенку.

Изгнание Аполлона

На Феба некогда прогневался Зевес,
И отлучил его с небес
На землю в заточенье.
Что делать? сильному противиться нельзя.
Без спору Аполлон исполнил изречение.
В простого пастуха себя преобразя,
В мгновение с небес свое направил странство
Туда, где с шумом бьет Пенеев быстрый ток.
Смиренно платье, посошок:
И несколько цветов – вот все его убранство.
Адмету, доброму Фессалии царю,
Сей кроткий юноша услуги представляет
И скоро царскими стадами управляет
Находит в пастухах невежество и прю,
Сердце ожесточенье,
О стаде нареченье,
Какое общество защитнику искусств!
Несчастлив Аполлон. Но сладостной свирелью
Он тщится их привести к невинному веселью.
Поет – и скоро став владыкой грубых чувств,
Влагает в пастырей незнаемую душу,
Учтивость, дружество, приятный разговор,
Желанье нравиться. К нему дриады с гор
И нимфы ручейков сбегаются на сушу,
Внезапу вокруг себя большой он видит двор.
Небесны боги сами,
Один по одному,
С верхов Олимпа вниз всходилися к нему.
Соскучив обладать пустыми небесами,
Зевес изгнанника на небо возвратил.
Искусства укрощают нравы.
Кто первой вымыслил для разума забавы,
Мнил только забавлять; он смертных просветил
И грубых варваров в людей преобразил.

№ 9.

Пятница, октября 25, 1790 года

В нас сердце для страстей, в нас разум для спокойства.

Николев.

Письмо Ирнеево действует. Оно возбудило во мне цепь приятных воспоминаний. Все, что имеет отношение к первым летам нашей жизни, наполняет сердце сладостными движениями. Невинность возраста, новость приобретаемых знаний и чувствований, первые знакомства, но более всего благодеяния, которыми ободряли, поддерживали юность нашу, оставляют в памяти картину столь восхитительную, что хотел бы, кажется, обратиться назад и взглянуть еще раз, ежели можно, на ее смеющиеся изображения и нежные краски.

Сколь счастлив тот, кому благосклонное небо сохранило древнего родителя и кто много раз может праздновать день рождения своего, приникнув на перси добродетельного старца! Скажите, вы, наслаждающиеся ласками нежной матери, какое чувствование может быть для вас сладостнее того, которое наполняет сердце ваше при ее объятии? Берегите драгоценную ее чувствительность. Столько страхов и попечений колебали сердце ее в младенчестве вашем и теперь еще колеблют. Нить жизни ее сплетена неразлучно с вашею. Она живет любовью вашею, желанием вам счастья, успехов, добродетелей. Сколь виновен должен быть сын, который может опечалить сие чувствительное сердце и позабыть на одно мгновение священный долг природы и благодарности!

Однако есть неблагодарные. Сердца жестокие, недостойные имени человечества, озлобляющие руку, которая их питала!. Природа производит их во гневе своем. Подобные сим страшным

преобращениям, которые разоряют вселенную: землетрясениям, потопам, – они являются редко, чтоб ужасать примером своим человеческий род, и оставляют по себе долговременное омерзение.

Что может быть трогательнее положения моего почтенного приятеля Дремова? Проведя жизнь свою в избылии, увидев кругом себя все семейство свое, нисходящее в могилу, будучи один в мире, он устремил всю нежность сердца своего на сирое и незнакомое дитя, оставленное родителями. Он был ему настоящий отец; радовался его успехами, радовался оставить после себя счастливого. Молодой Евфемон (так называлось дитя) подавал надежду наградить с избытком попечения воспитателя. Введенный рано в общество, он привлекал всех взоры своею живостию, обращением и сим блеском, который искусства и знания придают разуму благовоспитанного человека. Но обольщенный тщеславием, юноша поверил внушениям безрассудных приятелей. Скоро увещания Дремова показались ему несправедливыми суровостями. Евфемон тем более привязывался к сияющим безделицам и бедственным своенравиям, чем более опорочивал их Дремов. Наконец должно было прийти до строгости; и тогда несчастный Евфемон сделался в первой раз виновным. В исступлении разума своего он разорвал союз благодарности и дерзнул укорять воспитателя своего. Вообразите себе сокрушение Дремова; я не имею для него выражений.

– Несчастный! – вопиял он болезненным гласом, – ты пронзаешь сердце мое, обращая против меня собственные мои благодеяния. Столько попечений, столько трудов для произведения неблагодарного! Твое жестокосердие ужасает меня. Кого пощадишь ты, когда дерзаешь произносить хулы на того, кто избавил жизнь твою от пагубы, кто даровал тебе более, нежели жизнь, кто сделал тебе ее приятною? Я не могу более сносить твоего присутствия; оставь меня одного терзаться. Ты наносишь удар смерти

сему нежному сердцу, которое только тем наслаждался, что любить тебя. Я не знаю тебя более. Ты мне ничто. Иди, ищи общества таких же неблагодарных, как ты, и одного прошу: избавь меня навсегда несчастья тебя видеть.

Молодой человек вышел в окаменении ярости. Его видели бегущего по улице, изумленного. Но полчаса спустя жалость и любовь изгнали справедливый гнев из сердца Дремова. Он разослал людей своих вслед Евфемона; побежал сам искать его. Бесплезно. Его в городе уже не было.

Дремов возвращается домой печален и встревожен в душе своей неизвестности и сетованием. Садится утомленный. Прибегают служители. Все стараются друг перед другом угождениями своими смягчить печаль доброго господина. Все суетятся кругом его, бегают. Кто приготовляет ужин, кто перестилает постелю. Между тем Дремов впадает в глубокое размышление: «Как! для меня одного столько людей беспокоится, нужно столько издивения! А мой Евфемон, которого молодости приличнее всех сии удовольствия, изгнан моею суровостию, странствует теперь без пристанища. Нет, я не буду пользоваться негою покойной жизни, куда изгнанник мой не возвратится в сии отеческие объятия. До тех пор хочу себя наказывать за него всеми лишениями, работой, изнурением». В самом деле он распродал все: палаты, пожитки, украшения – и поселился в нашем предместьи. Отказывая себе всякое удовольствие, возделывает своими руками маленькое поле. Два года живет между нами и не может удалить от сердца своего мысли о своем милом и неблагодарном воспитаннике. Самое преступление Евфемона приписывает вине своей: «Я не довольно исправлял сердце его, – говорит он. – Слова мои не имели волшебной прелести, которая делает добродетель легкою и порок невозможным. Справедливо, чтоб я за то наказывался».

№ 10.

Пятница, ноября 1, 1790 года

Прямую цену уму дает благонравие. Без него умной человек чудовище. – Умного человека легко извинить можно, если он какого качества ума и не имеет. – Честный человек должен быть совершенно честный человек.

Фонвизин.

В какой благополучный час предпринял я путешествие свое в Берново! Оно доставило мне неоцененное удовольствие приблизить друг к другу две души благородные и чувствительные, окончить раскаяние питомца и сиротство воспитателя. Я нашел Евфемона, несчастьем искушенного и которого теперь ничто не может отвлечь от добродетели, затем что он видел собственными глазами неизмеримую бездну, в которую повергал его порок. На краю ее остановился он с трепетом, и слезы раскаяния очистили душу его и возвратили ей спокойствие невинности. Я спешил овладеть им. Для меня нетрудно было воротиться назад, чтоб повергнуть его в объятия умиленного Дремова. Я наслаждался их счастьем. Судите, каково было мое! Видеть мудрость, прощающую заблуждение; смиряющегося юношу, которого добродетельный старец объятиями своими не допускает упасть к ногам своим; слышать имя свое, благословляемое ими, – нет, я не знаю положения умильнейшего! Счастлив тот, кто может укрепить священные союзы семейства, примирить несогласия ближних и повсюду кругом себя разливать благоволение!

Между спокойными селянами препроводил Евфемон время своего заточения. Здесь изгнал он из мыслей сияющие суеты, ко-

торые омрачали его. Здесь научился отличать от самого себя посторонние достоинства, которые случай ему доставил: богатство, уважение, внешнее сияние. Два года послушный добродетельному оратаю, которого семейство избрал он себе убежищем, терпеливый, прилежный, благоденствующий, он казался ему ангелом небесным, для утешения старости его ниспосланным. Деревенской воздус, труды земледелия, порядочная жизнь укрепили тело его и придали благообразному стану его некоторый мужественный вид. Но он приобрел еще более превосходства со стороны сердца в школе несчастья и сельской жизни. Не было безрассудных приятелей, которые делали бы ему добродетель смешною и потворствовали бы его слабостям. Окруженный равными, он должен был заслуживать дружбу каждого. Почтение, которое ему оказывали после, было его собственное, затем что состояние его не было никому известно. Одетый как прочие селяне, он отличался от них одною приятностию нрава, повиновением, любовью труда и добродетели.

Сие-то самое отличие было для меня стезею к найденному Евфемона. Счастливый случай привел меня остановиться на первой станции дороги моей в Берново точно в хижине земледельца, у которого Евфемон скрывался. Присутствие его, обращение, самая задумчивость, которая осеняла лицо его, обратили на него все мое внимание. Но какое удивление возбудил во мне разговор его! Первое слово, им произнесенное, открыло мне состояние его. Я боялся быть нескромным и овладеть тайною его поневоле, уважая несчастье в том, кого хотелось бы мне любить как друга. Сердца наши соглашались втайне. Едва знакомые, мы были уже искренни. Я назвал в разговоре место отъезда моего: молодой человек изменился в лице. С видом виновного, который ждет суждения, он сказал:

– Позвольте спросить, не доходило ли нечаянно до слуха вашего почтенного имени Дремова? Небо сохраняет ли еще добродетельную жизнь его?

При сих словах, но более при чувствовании, которое на лице изображалось, я угадал истину, произнес имя Евфемона, и слезы, покотившиеся из глаз его, не оставили места сомнению. Кто изобразит восхищения наши! Их разделили добродушные селяне. Хозяева, теряя в нем подпору свою, первые желают видеть того, которого называли сыном своим, восстановленного в прежнее состояние. Мне надобно было употребить величайшие уверения, чтоб ободрить робость Евфемона. Ему представилося преступление его в мрачнейшем виде.

– Каким образом, – говорил он, – неблагодарный осмелится предстать оскорбленному благодетелю? Мне слышится еще в глубине сердца ужасное его изречение: Избавь меня несчастья видеть себя!

Я не смею описывать картины свидания их. Угрызения воспитанника превзойдены чистою и спокойною радостью воспитателя. Казалось, что из двух Дремов был виновный; что он, а не Евфемон возвращен в дом свой. О преступлении ни слова. Великодушный умеет более, нежели прощать: оно и вину самую уничтожает.

Можно ли с лучшим припасом ехать в дорогу? Счастье моих приятелей будет занимать меня до самого Бернова. И зачем не далее? Ежели я сколько-нибудь способствовать оному, то не даром жил в *предместии*. Воспоминание доброго дела распространяется на целую жизнь. С умилением оставляю друзей моих и низлагаю между их качество *обитателя предместия*.

Эмилиевы письма

Предуведомление

Живучи в Софии, я имею обыкновение прогуливаться каждой день по большой Московской дороге. Множество путешественников рассеивает размышления мои. В начале октября остатки прекраснейшего лета еще были чувствительны. Я шел с моими приятелями под ветвями поблекших березок. По бокам у меня были Виль Гоникомб и Дик Эйронсайд, граждане софийские. Вдруг видим нечто белое на дороге – приближаемся – это был свиток рукописей и писем. Вдали карета в шесть лошадей, запряженная по-дорожному, скакала во весь опор. Может быть, из ней был обронен сей свиток. Но каким удивлением был я поражен, когда, развернув его, узнал почерк любезного моего Эмилия, достойного должайшей жизни и которого потерю немногие друзья оплакивают! – Жребий его совершен. Всечасное его желание было жить и умереть для пользы отечества. И последние взоры его *видели убегающего неприятеля*. Не трудно было мне угадать, что письма сии были написаны к доброму Филарету. И что было свойственнее, как, предав их тиснению, почтить между нами память нашего нежного друга?

Село Никольское, 18 мая

Любезный друг мой!

Вот другое письмо, что я пишу к тебе отсюда. Как я здесь счастлив! какая погода! какое прелестное местоположение! Ты знаешь хозяев. Я не могу описать тебе всего внимания их, ласки, благородной учтивости. Их одно общество могло бы сделать и пустыню приятною. Чего мы не делаем? Прогуливаемся пешком,

верхом, на лодочке. Любви достойные дети их, особливо Васинька, увеличивают веселья наши своими невинными играми. Радостно смотреть, как они любят друг друга. Малейшее огорчение приключится одному: и все опечалены. Зато как их любят окружающие, домашние! Но мы ли одни? Посторонние, чужие люди привлекаются их вежливостию, тихостию, чистосердечием.

Посуди по вчерашнему. День был прекрасный; поутру маленькой дождик, после обеда солнце, и воздух наполнен благоуханием! Мы собирались прогуливаться; видим вдали пыль, из которой показываются верховые. Они подъезжают: молодой инженерный офицер, очень хорошего вида, представляется хозяевам, просит позволения остановиться в селе с своею командою. Он послан от дивизионного генерала для разбития лагеря и некоторых полевых укреплений к учебному смотру в версте расстояния от Никольского.

Не прошло получаса, как дети уже совершенно с ним ознакомились. Г<осподин> Добросердов, так назывался офицер, показывал им все подробности чертежа своего; выгоды и неудобности местоположения, какие высоты занимает он редутами, где назначает переправы, отводные караулы и так далее. В другом тактическом плане изъяснял им все движения обеих сторон, боевой порядок, на котором крыле начнется нападение, откуда подкреплять будут уступающих и каким образом прикроется отступление побежденных.

Этого мало: мы все садимся на лошадей и следуем за офицером на самое место трудов его. Вооружены кольями, заступами, между тем как офицер назначает углы по астрольбии, мы продолжаем линии, разбиваем укрепления.

Дело шло так усердно и скоро, что мы уже могли потчевать гостя своего легким ужином в полуотделанном редуте на правом крыле армии.

Завтра полки вступают в лагерь; и наше деревенское спокойствие будет встревожено шумом военных упражнений. Навсегда твоей, и проч.

23 мая, поутру

Несколько дней пропущено без писем: и дружба твоя, может быть, возмущается моим молчанием. Я не защищаю вины моей, и чтоб избежать ее вперед, посылаю тебе целую дневную записку.

Я уведомлял тебя, что полки выступят в лагерь 19 числа. И действительно, в тот день они двинулись боевым порядком в две линии. Картина самая разительная видеть с возвышенного места несколько полков пехотных, конных, шествующих величественно по пространной долине. Несколько колонн, разными дорогами дошед в то же время на одну черту, развернулись на месте избранного стана. Это было около осьми часов вечера. Последние лучи солнца отбрасываемы были сияющею чистотою ружей. Развевались знамена; раздавался гром барабанов. Между тем отряды конницы, которые помещены были в промежутках колонн, обращались направо и налево и составляли крылья. Позади фронта явились палатки, поставленные фурыерами с невероятною скоростью.

В 9 часов вечера

Мы теперь только от зори. Лагерь расположен весьма выгодно на высоте, которая повелевает почти всю окрестность. Чистота, опрятность, послушание в солдатах; строжайшая подчиненность между офицерами. Мы познакомились с некоторыми из оных. Есть между ими весьма достойные, соединяющие военные качества со знанием света. Таков отлично г<осподин> полков-

ник Думов, который начальствует особливую бригадою. Ты знаешь Осанова, и имя Славина не может быть неизвестно.

Легко вообразить себе, что и дети были с нами; но Васинька не был. Он выпросил позволение остаться дома нарочно для того, чтоб испытать, может ли *отказаться себе в удовольствии*. Он был доволен своим мужеством и употребил это время на черчение шестиугольника, укрепленного по первому построению г<осподина> Вобана. С некоторого времени геометрия и фортификация начинают ему нравиться почти столько же, как игрушки. Можно ожидать всего доброго от того, кто учится владеть самим собою.

24 числа. В 3 часа пополудни

У нас обедали сегодня дежур-майор Вельзоров и адъютант Алетов. Они нам показывали письменное расположение учебного смотря. Вечеру выслан будет отряд фуражиров. Настоящее учение назначено к 30 числу.

Я прерываю письмо мое, потому что подвозят линейку ехать в лагерь. Прощай.

Надобно очень любить своих приятелей, конечно не менее моего, чтоб удосужиться разговаривать с отсутственным посреди самого блистательного праздника и между тем, как все кругом меня одушевляется весельем. Сегодня рождение Васиньки. Ему исполнится одиннадцать лет... Но я открываю тебе тайну его. Он воображает, что ему по крайней мере пятнадцать.

Я не видал отрока, который бы его ранее стал чувствовать благопристойность поведения. Столько нежно в нем чувствование честного и похвального, столь сильно отвращение от постыдного, что он не в состоянии сделать ничего предосудительного, хотя бы и уверен был, что никто того не узнает.

Смел и великодушен от природы, столько боится стыда и потери чести, что один взор неудовольствия, едва приметная холодность лишают его веселости. Он не может быть спокоен, пока не возвратит доброго о себе мнения.

Еще пример власти его над собой. Он очень любит персики. Сегодня подарили ему прекрасный, единственный, который достать могли. Сколько радости! на нем основал надежду своего завтрака. Мы шли к развалинам маленького домика в полверсте от села. Хотели там расположиться. Не доходя, видим бедного прохожего, отдыхающего. Седые волосы, седая борода. Он казался утомлен и от дороги, и от несчастий. Слабым голосом просил милостыни. У нас не случилось денег. Слезы навернулись на глазах у Васиньки. Скорее слéва и прежде, нежели мы одумались, персик был у старика. Слезы благодарности катились из оживленных глаз несчастного; благословения, молитвы за здоровье юного благотворителя!

Васинька восхищен был, что потерял свой завтрак. Возвращаясь, приятная встреча. Сержант, присланный от г<осподина> Думова, вручает именнику две книги в богатом переплете: «Мечтания» маршала де Сакс и «Опыт тактики» Г. Гиберта.

У нас будет и сам г<осподин> Думов, и множество офицеров из лагеря. Мы даем обед, бал, ужин. Добросердов готовит к ночи маленькой фейерверк.

Вот и гости начинают съезжаться. Прощай, мой друг, я оставляю тебя, чтоб идти в гостиную.

В первом часу ночи пополуночи

Устав до чрезвычайности, прихожу с бала, хочу продолжать письмо мое; и не в состоянии. Глаза смыкаются сами. Вообрази себе, шесть английских сряду. Но я не мог сравняться ни с Осановым, ни с Алетовым. Они такие же неустрашимые танцовщики,

как и офицеры. Соединяя любви достойные дарования с *основательными качествами*, они должны быть совершенно счастливы, если чувствуют цену дружбы, столько же, как

твой верный друг

N. N.

Маия 29 дня

Село Никольское

29 маия, Берново

Наконец, любезный друг мой, по окончании путешествия, малотрудного и приятного, в лучшее годовое время приехал я в Берново и наслаждаюсь всеми удовольствиями деревенской жизни. Я нашел достойного приятеля нашего окруженного своею милой семьею. Ты можешь вообразить радость нашего свидания. Это было вечером. Солнце на закате окончивало самой ясный весенний день. Удовольствие, начертанное на лицах хозяина и домочадцев его, свидетельствовало, сколько сердца их спокойны и благополучны исполнением законов добродетели.

В минуту приезда моего все семейство помещика занималось отправлением деревенского праздника. Жители целой деревни, отстоящей от села на полтретьи версты, старый и малый, приходили порядочным строем на двор господской. Все были в лучшем праздничном убранстве. Юноши и отроки по два в ряд подносили помещице венки, сплетенные из васильков. Староста между тем представлял господину всех стариков в деревне.

Последовало радостное угощение. Столы были поставлены в освещенной аллее. Я спешил занять место мое между добрыми поселянами. Господа отличались одним снисхождением и доброжелательством. Мы позабыли различие состояний и помнили толь-

ко, что мы люди. Мне показалось, что вижу явление из *златого века*, когда под тению дуба какой-нибудь патриарх вкушал протые яства посреди своего рождающегося семейства.

Пляски, хороводы заключили вечер. Я предался сладкому сну, наполнен воспоминанием всего того, что видел и чувствовал. И сказать тебе правду (но ты не перескажи этого никому другому), веселье сие понравилось мне несравненно лучше наших воксалов, гуляний, в которых с таким трудом стараемся наслаждаться природою – и не можем.

Местоположения прекрасны. У нас сад, зверинец, рощи. Я встаю очень рано. Каждой день странствую по полям верхом или пешком, читаю, пишу. Завтракаем вместе. Потом забавы, беседа, общественные гулянья. Ты меня знаешь и чувствуешь, осталось ли что-нибудь, чего бы недоставало к моему благополучию. Я не могу сказать с *Виргилием*:

О! кто бы перенес
Меня во Гемские прохладные долины
И мрачной тению ветвистых древ покрыл!

Я все это здесь имею. Горница моя в зверинце. Маленькая библиотека моя расположена на трех полочках, прибитых над письменным моим столиком. Горшки цветов, которые я сам поливаю, затемняют мои окна. Некоторое великолепие украшает мою хижину. Маленькие бюсты *Жан-Жака Руссо* и *Соломона Геснера*, которые я выпросил у хозяина, означают убежище их попечителя и любителя природы.

Здесь я наслаждаюсь рассматриваем оной, размышлением и чтением. Я сравниваю зрелище природы с теми восхитительными списками оной, которые оставили нам древние. *Гомер*, *Виргилий*, *Гораций* препровождают меня на возвышенный холм или в прият-

ную долину, по которой сверкает студеной источник. Картины певцов восхищают мое воображение. Я стараюсь разбирать красоты их. Записываю примечания мои. Осмеливаюсь перелгать по-русски места, которые более поражают меня. Угодно тебе видеть мои опыты? Письма мои сообщат тебе все мои упражнения. Но ты одолжишь меня, любезный друг мой, принимая их более за внушения моего сердца, нежели за произведения остроумия. Без чинов, прощай и люби меня.

*30 мая в 10 часов утра,
из лагеря при урочище Красный Бор*

Извини, любезный друг, беспорядок письма моего. Я пишу к тебе с Марсова поля, из ставки общего нашего знакомого г. Осанова. Теперь только кончилось ученье, день становится жарок и усталость тела, кажется, распространяется и на мысль мою.

Нападающее войско приближалось пятью колоннами и по знаку предводителя из передового отряда построилось в наклонный боевой порядок. Правое крыло зашло в бок противоположенного войска и, опрокинув его, преследовало конницею.

С каким согласием действовали все отряды! конница тяжелая, легкая; пехота, охотники, наконец все разные оружия соединены в одно тело, движущееся и страшное!

Люди умели привести в совершенство искусство, ужасное и необходимое, защищать безопасность и славу отечества. Ах! если бы они были столько же удачны в умножении счастья, просвещения и добродетели! Воин может быть достоин почтения и заслужить бессмертную память днями убийства и разорения. Гражданин, которой служит отечеству, не разоряя, трудами рук своих, искусством, советом, разумом, может быть каждой день полезен,

и честь его не смешена ни с какими сожалениями. Мы забавляемся движениями полков. Зачем проходим без примечания мимо трудов земледельца, проливающего пот над собственной полосой? Зачем не обращаем внимания на сих простых людей, которых руки обрабатывают произведения земли и приутовляют их торговле и художествам?

Гражданин, достойный сего имени, которой намерен служить своему отечеству, должен вникнуть во все части общежития и узнать нужды и пользы общества.

Мы дали себе слово, я и Васинька, в первую прогулку идти на ниву доброго земледельца, быть свидетелями трудов его, неутомимости, добродушия. Мы возьмем с собою Виргилиевы «Георгики» и в виду хижин и пастухов, при шуме падающего источника прочтем прелестный эпизод второй книги о похвалах сельской жизни.

Прощай, мой друг; я желаю тебе всякого благополучия.

6 июня, Никольское

Писать к тебе, разговаривать с тобою заочно – ты знаешь, что это сделалось для меня нуждою. Случай представился; я не хочу пропустить его, не сказав тебе, сколько я люблю тебя и сколько бы желал тебя видеть с собою. Одно местоположение, благорастворение воздуха, сельские забавы уже прекрасны; но что же скажешь о людях, любезных моему сердцу, которые все это делают несравненно прелестнее приятностями разума и сердца?

Любви достойный хозяин мой граф Благодетель (никогда имя не сходствовало более со свойством человека) полагает все свое благополучие в том, чтоб делать добро другим. Богатство, почести, знатность, кажется, получил он только для того, чтоб быть полезным большому числу людей. Оказывая благодеяния, он первой их позабывает. Умолчать добро, которое сделал, для него самое величайшее удовольствие.

Например, мы никогда не слыхали от него о старике Василькове, которой двадцать лет живет в его убежище.

Вот каким случаем мы его узнали. Третьего дня, исполняя намерение наше посещать замледельцев, я и молодой мой товарищ идем тропинками между пашен. Ручей, извиляющийся в долине, привлекает нас своим журчанием и приятными излучинами. Васинька перескакивает его, входит в кустарники. Мы за ним – выходим на лужайку – видим: селянин глубокой старости и почтенного вида (это был Васильков) оставляет плуг свой, чтоб поспешить к нам навстречу, вне себя от радости, видя в первой раз сына благодетеля своего.

Надобно было войти в хижину его. И он, и дряхлая жена его угощают нас друг перед другом.

Васильков был страдальцем добродетели. Низкой породы, но благородного сердца, из рядовых солдат дослужился он офицерства. Один человек, знатный и несправедливый, принуждал его силою и обещаниями участвовать в погублении невинного. Васильков отвергнул с негодованием и угрозы, и предложения. Оклеветан, отброшен, лишен чести, скончал бы он жизнь свою в бедстве и поношении, если бы прозорливое человеколюбие графа Благотворова не спасло чести его оправданием и не доставило последним дням его спокойного пропитания.

Не приятно ли тебе видеть великодушие, защищаемое благотворительностью? Прощай, мой друг, будь здоров и люби меня.

8 июня, Берново

Прошедшие восемь дней проводил я не столько в Бернове, как под священными стенами Илиона. Никем не видим, под тенью дерева читал я своего Гомера. Воображению моему, обольщенному волшебством кисти его, казалась вся природа кругом меня

одушевленную: леса обитаемы дриадами, чистые струи без сомнения льются из сосуда какого-нибудь речного бога, увенчанного камышом. Но более всего сии нравы *героических* времен, чувствования сильные, великодушные, но не умягченные просвещением, грубые начала общежития, которым творения Гомеровы служат *историею*, мечтаются мне столь живо, как будто бы я сам был гражданином великолепных Микин или богатого Коринфа и стоял между греческими ратниками, по рядам которых величественно шествует Агамемнон, очами и главой Юпитеру подобный...

Какое множество действующих лиц, из которых каждое означено чертами сильными и ему только принадлежащими! Сколько героев, которых всех помрачает Ахиллес! Почти в целой поэме оставив его без действия, показывает поочередно в величайшем сиянии Диомиды, Аяксов, Менелая, Идомею. Кажется, уже не можно идти далее геройству храбрости. Но Патрокл, друг Ахиллесов, убит Гектором, оружие Ахиллеса, в котором Патрокл сражался, стало добычею победителя. Трояне прогнали греков до кораблей их. Тогда Ахиллес является им с раската, без оружия, в простом одеянии. И сие одно видение повергает назад уstraшенных троян. Сия величественная черта изображает вместе и Ахиллеса и Гомера.

«Илиада» производит в душе читателя то же действие, которое могло бы произвести представление самой трогательной драмы. Гомер не рассказывает; он, если смею сказать, восхищает меня на место сражения. Самые невероятные вещи становятся мне ощутительными. На вершинах Иды, которой чело в облаках сокрывается, восседает Зевес, спокоен, недвижим; золотые весы в руках его, между тем как у подошвы горы слабые смертные, греки и трояне, устремляются к пределу краткия жизни и наносят и приемлют попеременно погибельные раны.

Но изображая неистовство сражений, не позабывает он трогать сердца другими страстями, более любви достойными. Какую глубокою чувствительностью наполнена картина, в которой Приам, уничижен, на коленях, лобзая руку свирепого неприятеля, испрашивает у Ахиллеса тело несчастного и добродетельного сына своего Гектора! Какое сладостное и тихое красноречие истекает из уст Нестора! Что может быть умильнее прощаний Гектора и Андромахи! Какую прелесть влагает Гомер в тысячи мелких подробностей, изъятых из человеческого сердца! Двадцать столетий протекли по лицу земли; а я нахожу, что самые сокровеннейшие чувствования сердца моего столько же живы в творениях Гомера, как будто происходит во мне самом. Чему же удивляться, ежели древность имела в таком уважении сего вечно-го стихотворца; ежели Virgilius, скромный Virgilius удовольствовался только тем, что быть его подражателем?

Я радуюсь, будучи в состоянии сказать тебе из глубины сердца моего, что чувствую всю прелесть письмен. Я вижу в них приготовление к мудрости. Они доставляют в самом уединении беседе, в забаве наставление. Но ты скажешь мне, зачем не выразить этого на языке богов: «Науки юношей питают» и проч.

17 июня, Берново

Целую неделю стояли здесь чрезвычайные жары. Ни облачка на небе! Вся природа, кажется, изнемогла от зноя. Мы не были в состоянии ни работать, ни думать. Добрые земледельцы начинали было уже беспокоиться о жатве. Но чистые молитвы их возносятся легко на небеса. Третьего дня – какое зрелище! Тучи грозные, мрачные, чреватые дождем и громом, похитили у нас свет солнца среди полудни. Угрюмое молчание распространилось

повсюду. Люди, животные сокрылись. Везде пространное уединение. Боязливое ожидание содержало всех в сомнении. Предшественник бури, вихрь пробежал по мрачному небу. Вдруг грянул и раздался первой удар грома и блеснула молния. Я старался овладеть естественным страхом, чтоб удивляться величеству природы и последовать за постепенными переменами картины. Я не знаю, каким образом чувство опасности граничит в душе человека с *величественными* понятиями. Тотчас картины Гомеровы невольным образом наполнили воображение мое. Я повторял громко сии стихи, в которых он описывает богов, исходящих на сражение.

Ужасно возгремел отец богов и смертных
С превыспренних; Нептун неизмериму землю
И гор высокие верхи восколебал;
Во основаниях вострепетала Ида
И с нею град троян и гречески суда;
И царь теней Плутон ужася в преисподней
И с трона воспрянул и возопил, страшася,
Чтобы Нептун земли заклепов не расторг
И взору не открыл и смертных и бессмертных
Его владычества печальна, безотрадна
И ненавистного богам и человекам!

Между тем сильной дождь пролился и покрыл жаждущую землю. Казалось, хляби небесные отворилися – грома раздавались медленно – молния каждое мгновение рассекала тучи и ослепила зрение сверканием. Тьма, глубокая тьма легла на землю, такая же, думаю, какая покрыла внезапно воинства греческое и троянское, когда раздраженный Аиакс произнес сие дерзновенное моление к Зевесу:

Избавь, отец богов, избавь ты нас от мглы!
Расторгни мрак очей! пошли дневный нам свет!
И, если губишь нас, при свете дай погибнуть!

К вечеру величественное зрелище уступило место приятному. Источенные облака исчезли. Возвратилось безмрачное небо и зной, дождем услаженный. Все растения с большею живостью зеленели. Роскошное благоухание исполнило воздух. Толпами взвивались птицы. Яркими цветами отразилась радуга на висящих в воздухе капельках. Мне показалось, что, по словам Гомера,

Посланица богов, имуща скорость ветра,

Ирида снисходит по ней, посланная с Олимпа к какому-нибудь любви достойному смертному, может быть, к тебе, чтоб возбудить от лености и припомнить, что у тебя есть приятель в деревне, который нетерпеливо ожидает писем твоих.

26 июня, Берново

Я воображаю себе наперед удивление твое. Ты всегда знал меня любителем писем. Но ожидал ли ты когда-нибудь увидеть меня живописцем?.. – «Живописцем?» – Да, живописцем. Я занимаюсь теперь не менее, как срисовыванием головы с Рафаела. С палитрою на руке я одушевляю полотно кистью. Ты в изумлении: я не хочу им пользоваться! Вот в чем дело. У нас гостит молодой человек, питомец Академии Художеств, возвращающийся из путешествия своего в Италию. Исполненный ревности к своему искусству и пораженный еще свежим воспоминанием бессмертных картин Рафаела, Корреджия, Тициана, исчисляет он с жаром красоты их, и мы разделяем восторг его. Не можно быть чувствительну к приятностям *красноречия* и *стихотворства* и не отдавать достойного почтения *изящным искусствам*. Они соединены родственным союзом между собою. *Подражание природе* служит всем им основанием, и одни только способы их различны. Живопись подражает ей чертами, музыка звуками, стихотворство словом.

Все они обращаются к чувствованию и воображению, все доставляют увеселение чистое и возвышенное, достойное человека. Перголезова музыка так же внушает торжественное благоговение в важных его сочинениях, как заставляет смеяться в «Служанке-госпоже». Менее ли сильно волшебство живописи? Помнишь, с каким удовольствием насыщались мы зрением картин Лосенкова? В его *прощаниях Гектора и Андромахи* узнавали мы Гомера. Чело героя откровенное, руки, простертые для приятия младенца, мужество родителя, приятным образом противоположенное нежности и страхам матери. Видя одни черты только, мы угадывали чувствования их и слышали, кажется, разговоры. То же делает стихотворство. Послушай повествование Гомерово, и воображение твое представит себе живо лицо, взоры, стан, телодвижения действующих.

14 июля, Берново

Какие хитрости! Описывая пышные увеселения столицы вашей и конечно увеличивая их, ты хочешь повредить сравнениям моему милому Бернову. Пользуясь слабостию моею (зачем скрывать ее?) ты сообщаешь мне подробную дневную записку ваших театральных зрелищ. Я заметил, с каким удовольствием останавливался ты над бессмертными драмами Корнеля, Расина, Вольтера. Вам нарочно выбирали лучшие творения их, между тем как я, неизвестный сельский житель, рассказывал ручейкам и рощам забытые басни Гомеровы. Актеры ваши, нарочно для вас, превосходили сами себя. В актрисе Мартень вы видели все величество трепещущей матери и оставленной царицы, когда Меропа восклицает:

Нарбас нейдет: узрю ль я сына своего? –

или всю гордость Клитемнестры, когда возглашает она стихи сии, исполненные яростного исступления:

Священник, окружен свирепою толпою,
Взнесет на дочь мою свою злодейску руку!

В «Цинне» казалось вам, что величественная тень Корнелия узнавала римлян своих и плескала Августу. Ни слова о «Танкредe». Много стоит мне не быть увлечену восхищением вашим и не изменить моему твердому намерению вкушать в уединении и в объятиях природы ее красоты, величественные и простые. Удаленный от суетного движения общества, без честолюбия, без прихотей, здесь принадлежу я более сам себе; здесь нахожу я чувствительные сердца, с которыми могу разделить спокойные радости существования – и не забываю тебя, любезный друг мой. Свидетельства тому – сии письма, которые не сказывают тебе ничего нового. Ты так давно знаешь, что я люблю благородное сердце твое и столько дарований, которые делают тебя любезнее и не делают гордее! Ты простишь мне привязанность мою к сельской жизни хотя для сих стихов Горациевых:

Все купно суеты играют мной во граде.
В неволе общества и в скуке и в досаде
Проходит день, и я, вздыхая, говорю:
Жилища сельския: когда я вас узрю?
Когда позволено мне будет небесами
Иль чтением, иль сном и праздными часами
Заботы жития в забвеньe погрузить
И нивы своя произведемь жить?
О пиршества богов! я вами не прельщаюсь,
Коль в хижине моей с друзьями насыщаюсь,
Вспомоществуемь усердем слуг моих
(И добрый господин не забывает их).
Не знает никаких чинов беседа наша,

И ходит вокруг стола общественная чаша
Без принуждения и частых переکور.
Приятный между тем заходит разговор,
Не о домах чужих и дачах подгородных,
Но о предлежностях гораздо превосходных,
Которых здравый толк со счастьем сопряжен:
Извне ли человек или собой блажен?
Что к дружеству влечет: корысть иль совершенство, –
И что такое здесь верховное блаженство?

20 июля, деревня Малинники

Ты видишь из надписания, любезный друг мой, некоторое извинение моего молчания. Мы ездили, делали маленькой кружок по уезду. Посещали старые знакомства и приобретали новые. Ты не можешь представить себе, что за удовольствие путешествовать в деревне. Везде картина благополучия. На полях трудолюбие, веселость земледельцев; в усадьбах помещиков приличное изобилие, добросердечие, домостроительство. Здесь наши достойные дворяне, посвятившие молодость службе Отечества и проливавшие кровь свою под Франкфуртом или при Кагуле, находят старости своей заслуженное отдохновение.

Поводом путешествия было то, что граф Благотворов, будучи предводителем дворянства, созывал его в собрание, чтоб предложить некоторые новые учреждения и советоваться о нуждах общественных.

Здесь прямо чувствуется достоинство гражданина. Нет упражнения важнее и приличнее человеку, как служить своему обществу, защищать бессильного и участвовать в благополучии целой страны.

Теперь мы приближаемся опять к Никольскому, от которого Малинники не далее десяти верст расстояния. *Малинники* от того,

что здесь много малины и отменно вкусной. Остатки маленького сада, развалины дворянского дома свидетельствуют прежнее пребывание господ Былинских, которым принадлежала сия деревня. Последний рода их был дальний свойственник графа. Оставшись молод владетелем великого имения, без воспитания, окружен рабами и ласкателями, он искал только собственных своих удовольствий и находил одну скуку и раскаяние, затем что никому не был полезен, не имел ни звания, ни благородных чувствований. Без дела, без должности, без друзей, он был сам себе в тягость и умер, никем не сожалеем.

Крестьяне были разорены поборами и худым управлением. Во владении графа ожили они снова. Помощь всякого рода, расправа, наставление, присмотр сделали их в короткое время из убогих и страждущих счастливейшими земледельцами.

Кажется, что скоро сбудется с ними то, чего желал Генрих IV, сей добрый король, – «чтоб каждой крестьянин мог иметь по воскресеньям курицу в похлебке».

Как они это чувствуют! Надобно было видеть приезд наш в Малинники. Все бросаются к карете – женщины, старики, дети окружают графа, обнимают, проливают слезы радости и благодарности.

Благотворительность не оставляет графа ни на минуту. Вчера г. Закрышкин, бедный дворянин, приходит к нему. Он должен графу за пустошь и луга, которые нанимает. Просит извинения, что не может заплатить всех денег вдруг и представляет несколько, но граф перебивает его: «Я знаю, что вы честный человек и не богат», – вручает ему крепость на землю и убеждает принять пенсию двух сот рублей на воспитание детей.

Между тем Васинька примечает все сие в молчании и в маленьком сердце своем приемлет великодушное намерение быть столько же благотворительным. Мы с ним не вовсе праздны. Сад

оставлен совершенно в распоряжение наше, и мы его возобновляем: роём, садим, пересаживаем. Г. Засодимской, письмоводитель графа по делам дворянской опеки, который учился в университете земледелию и ботанике, указывает нам, каким образом разводить произрастения, удобривать землю и обращаться с цветами.

Я есмь и проч.

31 июля, Никольское

Позволь мне попенять себе. Одно письмо в три недели! Сколько могло случиться с тобою – безделиц, конечно, для других, но для меня неоцененных подробностей и которых я не знаю! Для истинного друга нет ничего равнодушного. Я радовался, узнав, что тебе дали чин; вот справедливость, отданная достоинствам и дарованиям! Но я хочу еще принять участие и в маленьких досадах твоих, неудовольствиях, печалях... почему я знаю? Ты человек: и все, что с человеком случиться может, и тебе свойственно.

Мы нашли у себя в Никольском дорогого гостя, Осанова, но страждущего и в опасности жизни. Неумеренность в пище навлекла ему тяжкую болезнь. Без Думова, может быть, не был бы он в живых. Нежные попечения друга его более еще, нежели лекарства, возвратили ему жизнь.

Судя о чувствованиях графа по своим собственным, Думов перенес его из ставки в один из домиков, которые в саду построены.

Ему становилось легче, как мы приехали. Вошли в горницу его и были свидетелями почти самой той минуты, как он пришел в себя и почувствовал отраду выздоровления. С каким умилением глазами, наполненными слез, взглянул он на своего неутомимого попечителя!

– Ты мне жизнь даровал, я терял ее без тебя, – произнес он

томным голосом и хотел продолжать; но Думов, налагая молчание из нежного опасения к слабости больного и, может быть не менее, ради собственной своей кротости:

– Выздоровливай только, сердечный друг мой, – говорит ему, исполненный чувствительности, – вот все мое награждение! – И, защищаяся от справедливых похвал наших, – Вы все чувствовали дружбу, – продолжал он (при этом слове я вспомнил тебя), – и вы не удивитесь тому, что она внушить в состоянии. Почтение, которое имеешь к человеку доброму и благородному, усиленное нежностью, приятною привычкою, сообщением удовольствий, печалей, составляет неразрывный союз. Но ежели вы узнаете, сколько, кроме сего чувствования, обязан я благодарностию сему достойному другу, вы еще уменьшите удивление ваше.

Осанов хотел воспротивиться повествованию.

– Нет, – продолжал Думов, – признание благодеяния возвышает меня в глазах особ сих. Мы были с ним третьего года на Кавказе. Он был мой подполковник. Едучи перед полком, отдалился я неприметно – в ущелине. Свирепые наездники окружили меня. Лошадь подо мною убита. Я был обезоружен и в руках их. Осанов мог спастись; но, подвергая великодушно жизнь свою для избавления моей, с беспримерною храбростию и присутствием духа нападает на них, сражается, между тем как колонна, удвоив шаг, подходит, и мы одерживаем совершенную победу над толпою неприятелей.

Что ты после этого скажешь? Есть ли что-нибудь сладостнее и священнее дружбы?

Прекрасное лето наше становится прохладнее, и синева небесная чаще покрывается летающими облаками. Но вместо того зрелище полей разверзает сердце к восхитительнейшим чувствованиям. Сколь далеко простирается зрение – повсюду холмы, долины покрываются желтою жатвою, которая иногда спокойна, недвижима; иногда, повинуюся дыханию ветра, волнуется, как пространное золотое море. Здесь-то источник богатства, которое обращается по жилам государства; отсюда получили рождение общество, законы, искусства. Здесь человек отказался от печальной вольности дикого состояния и из варвара сделался земледельцем.

Здесь каждой год ему послушная земля
Дарует пищи дань; а там телиц мычанье,
И агнцы скачуци, и хладных струй журчанье.
Но что я делаю, свой глас переменяв?
Виргилию гласить бессмертну славу нив:
Ему – он ясно зрел все прелести природы,
Обезоруживать и к селам влечь народы, –
Ему – душа его, прекрасная, как слог,
Не возмущалася от суетных тревог
И нежные свои вздыханья посвящала
Дидониной любви и смерти Евриала.

В самом деле не можно вообразить себе без особенного почтения творца столь величественного, каков Виргилий, нисходящего к простым подробностям сельской жизни. Никогда земледелие не было возвеличено достойнейшим образом. Знатоки, восхищаясь красотою «Енеиды», предпочитают ей «Георгики» в рассуждении чистоты и выбора выражений. – Виргилий, глава стихотворцев римских, соединил в себе Гомера, Гезиода и Феокрита, подражая попеременно бессмертным их творениям.

Я завидую тебе, любезный друг мой. Ты видел священную гробницу Вергилия, осененную ветвями лавра, который из ней произрастает. Ты наслаждался сим чистым небом Неаполя, сими зрелищами природы, роскошной и ужасной, прелестной в самих ужасах. Ты посещал сии мирные долины, внушающие приятную задумчивость, которые служили образцом Елисейских полей, и ты видел курящиеся острова сии, где было некогда шумное царство Эола.

Но меня утешают творения Вергилиевы. Блистательная кисть его повторила сию природу и сделала прекраснее. Философия века его умягчила черты Гомеровы, и трогательное человеколюбие, нежные пристрастия, просвещенное великодушие заменяют в «Енеиде» свирепую храбрость «Илиады». Повествование его беспрестранно напоено чувствительностию, и Расин часто переносит в трагедию собственные его выражения. Кто умел избирать речения благороднее, живописнее? Кто умел составлять их сладостнее для слуха и воображения? Не взирая на то, неудовольствованный собою творец осудил на сожжение бессмертную поэму свою: завещание, к счастью, не исполненное Августом.

Сей император, достойный такого стихотворца своею просвещенною любовью письмен, слушал чтение «Енеиды», по мере как она была сочиняема. Какое изумление поразило Июнию, сестру его, когда в конце шестой книги услышала она любимое имя сына своего Маркелла, в первой юности похищенного смертью! Анхис восклицает к Енею, снисшедшему в Елисейские поля:

Не спрашивай, мой сын, о горестной сей трате.
Покажет только рок и вмиг его похитит.
Чрез меру римский род вам силен показался,
О боги; если бы сей дар остался нам!
Какие вслед за ним стенанья устремятся:
И ты, о Тиберин, какой увидишь плач,
Как мимо новых гробницы покатишься!
Никто б из юношей от рода Илионска
Так Рима не вознес, и Ромулов бы град
Питомцем таковым вовек не похвалился.
О благочестие, о верность древних лет!
Непобедимая десница на войне!
Никто бы с ним не мог безбедно в бой вступить,
Хотя бы на врагов он пеший подвизался,
Хотя бы на коне он бурном прелетал.
Ах! отрок жалостный! коль прейдешь жребий свой,
Маркелл ты будешь. Ах! где свежие лилеи?..
Багряные цветы ему рассыплю в честь:
Я душу отрока сим даром успокою
И тщетный долг свершу.

9 августа, Берново

Переводить *Виргилия!*.. Я никогда столько не чувствовал, что переносить красоты его неискусною рукою есть истинное оскорбление вкуса. Список стихотворца должен отражать в себе сию живость красок, которою образец исполнен. Что пользы в робком сохранении идей, ежели они не производят того же чувствования, ежели они так же не обладают душою, не приводят в действие сего насильственного волшебства, которое по изволению восхищает нас радостью или поражает ужасом и изумлением? Надлежало бы, чтоб переводчик стихотворца был в состоянии сам произвести красоты, которые он перелагает. Расину должно было переводить *Виргилия*. Сродственные души их сотворе-

ны были, чтобы разуть друг друга. Те же тихие склонности, чистота вкуса, непрерывная изящность слога, то же искусство в употреблении чувствования. Четвертая книга «Енеиды» имеет все достоинства прекраснейшей трагедии; и Дидона не уступает Федре, к составлению которой она способствовала. От Вергилия зависело быть Гомером или Софоклом Рима. Он предпочел первое, хотя извещает нас предание, что он писал и трагедию, погибшую в сии столетия варварства, которые делают черту разделения между древними и новыми. С собою унес он судьбу трагедии римской. Никто из римлян после него не был в состоянии идти по стопам Софокла и Еврипида.

Таким образом Афины остались в неоспоримом владении трагедии. С невероятною скоростью сельское празнство Фесписово, в котором грубые действатели, по собрании винограда, воспевали хором похвалы Вакха, достигло до стройного расположения драмы. Огромные позорища Эсхиловы, исполненные воинственного духа, приведены в настоящую меру величества чистым вкусом Софокла. *Жалость* и *ужас* одушевляют картины его повсюду. Что может быть простее басни Филоктетовой? Какими сильными чертами изображено ужасное отдаление его от человеческого рода! Хор мореплавателей, приплывших с Неоптолемом и Улиссом, умиляется при зрении пещеры его...

В трагедиях Еврипидовых менее благородства и правильности расположения; но он торжествует в изображении страстей. Пленные афиняне были спрашиваемы в Сицилии: «не знают ли они чего-нибудь из трагедий Еврипидовых?» И те из них освобождаемы были немедленно, которые могли удовольствоваться любопытством победителей своих.

13 августа, Никольское

Как я сетую на себя за несправедливые жалобы, которыми огорчил тебя! Получение писем твоих, замедлившихся в дороге, сколько, с одной стороны, обрадовало, столько, с другой, обременило меня стыдом и раскаянием. Дружба, которая ввела меня в вину сию, она должна мне исходатайствовать и прощение.

Ты обязал меня чрезвычайно, любезный друг мой, и содержанием писем своих, и вручением их г. Полосовскому. Твой достойный друг с того же самого времени и мой. Он всякой день у нас. Граф и графиня находят в сем молодом офицере все достоинства, которые желают видеть некогда в Васиньке: превосходное сердце, разум, украшенный познаниями, достоинства, заемлющие еще более блеска от любви достойного и непринужденного обращения в обществе. Путешествие в чужие края одно могло прибавить совершенства воспитанию его. Он в полку у г. Славина: и с первой минуты почувствовали они друг к другу сие взаимное почтение, которое соединяет благородные души.

Славин может служить образцом в обхождении. Все его поступки ознаменованы *благоразумием*. Никогда нескромность, оскорбительное слово или взор не сделали обращения его неприятным. Но отдавая принадлежащее уважение каждому, он не теряет подлыми угождениями того почтения, которым ему другие обязаны. Правость разума его и сердца столь общепризнаны, что все охотно подвергаются суду его. Все бы желали иметь его другом; но он разборчив в дружбе, и кого Славин почитает, тот не может быть посредственного достоинства.

Одно из самых удивительных его качеств *хладнокровие*. Среди сражения, сказывают, так как в обществе, он всегда равен, всегда властелин разума и чувств своих, всегда готов встретить опасность и преодолеть ее!

Так дарование природны украсил он воспитанием и учением. Он знаком со всеми писателями древности. Я видел в палатке его Плутарха, Полибия, Ксенофона. Подумай же, как ему приятно будет найти в г. Полосовском товарища и службы, и сих удовольствий, происходящих от учения и прекрасных письмен.

Мне особливо нравится в Полосовском прилежность его к учению и желание знаний. Каким образом, думаешь ты, проводит он праздное время в лагере? Вчера еще застал я его в ставке переписывающего уроки нравственной философии славного Фергюссона, его учителя. При этом случае рассказывал он мне, каким образом, привлеченный славою сего ученого, ездил он нарочно в Эдимбург, чтоб воспользоваться разговором и наставлением сведущего и добродетельного человека. С каким почтением, с какою благодарностию говорит он о своем учителе.

Мы было очень приятно разговорились, и вечер был прекрасный, как вдруг, совсем не кстати, пушка выпалила зорю и фельдфебель явился к г. капитану с рапортом: «Ваше благородие, рота выведена на ротную улицу».

18 августа, Берново

Примечание твое весьма основательно, любезный друг мой, когда ты спрашиваешь меня в письме своем, отчего происходит сие страстное удивление, которое посвящаем мы древним. Сии рожденные для славы имена Пиндара и Феокрита, Вергилия и Горация одним произнесением своим возбуждают понятия величества и красоты. Не станем сомневаться: конечно, ущедренные от неба отменным образованием умственных сил и поставленные в выгоднейших обстоятельствах народного сияния, они установили в писаниях своих образец *вкуса*. Когда Геродот читал исто-

рию свою на Олимпийских играх, тогда все несчетное множество греческих народов в глубоком молчании упоевалось слушанием и гром плесканий увенчал оно. Каждая из девяти книг его удостоена именованья музы; а юный Фукидид в числе слушателей проливал слезы соревнования и полагал в душе своей обещание разделить некогда с Геродотом пальму истории. По славном сопротивлении персам Афины соединили в недрах своих все роды славы, великолепие художеств, прелесть словесных наук и возвышенные уроки философии. Эсхил и Софокл мужественно сражались за отечество. Еврипид восходил на зрелище из училища Сократова. Ваятели и живописцы пользовались столько же советами, как и покровительством Перикла.

Сия слава Греции медленно приуготовляла просвещение Рима. Когда завоевания его сравнялися с пределами известного мира, тогда общая вежливость нравов распространилася от столпов Геркулесовых до потоков Евфрата. Суровость римлянина исчезала при гармонии стихов Вергилия, Тибулла, Горация и Овидия.

Разлитие северных народов опровергло сие величественное здание Римской империи и исторгло семена вкуса и письмен. Целые столетия разорительное варварство ожесточало человеческий род. Наконец сообщение с маврами и крестовые походы воспламенили воображение трубадуров. Счастливый разум Петрарка, воскресив дух древних письмен, даровал стихотворство Италии, в которой из остатков латинского языка составлялся новый, полный гибкости и гармонии. Торжественные песни Дантовы уступили место игривым вымыслам Ариоста.

С большим величеством последователь его сияющий и несчастный Тасс умел поставить себя подле Гомера и Вергилия своею эпическою поэмою «Освобожденный Иерусалим». Он перенял у Гомера искусство ознаменовывать отличными чертами толпу героев

и вести к одному концу множество привлекательных приключений. Твердое благоразумие Годофреда, вождя христианского воинства, противополжено коварности Аладина, султана Иерусалимского. В Ринальде соединены все прелести юности и все восторги запальчивой храбрости. Тасс воспользовался сиянием, которое предлагали ему рыцарские нравы и древние предания и вместо Гомерова баснословия употребил верование того времени в *волшебство*. Может быть, излишними чудесами наполнил поэму свою. С самого начала говорит он музе, которую призывает:

Ты знаешь: свет таков, в нем боле привлекает
Согласием своим прельщающий Парнас.
И в самые сердца слабейшие вникает
Со сладостью стихов священный правды глас,
Так отроку даем, недугом сокрушенну,
Мы чашу с врачеством, но медом орошенну.
Полынно питие обманут отрок пьет
И, возвращая жизнь обманом, восстает.

19 августа, Никольское

На сих днях происходило у нас явление, самое трогательное для тех, которые умеют почитать добродетель: исполнение правосудия, противу самого себя оказанное.

Наши прекрасные Малинники не принадлежат более графу. Он сам произнес решение, которым отданы они во владение оставшемуся в неизвестности и убожестве Былинскому. Пренебрежен гордым своим родственником и отягощен многочисленным семейством, бедный дворянин сей снискивал пропитание в поте лица своего. Нечаянно услышал граф имя его. Сего довольно было, чтоб немедленно отыскать его, разведать происхождение, рассмотреть право его к наследству.

Все наши законоведники утверждали, что, имея деревню по завещанию, граф не обязан отдать ее в поколение. Но Благоворов сказал им, что никакой положительный закон не может освободить его от приказаний совести его, что не довольно быть праву в глазах общества и закрывать себя под внешностью судебного порядка, надобно еще быть справедливу в собственных глазах своих.

– И меня, – продолжает он, – ничто не может спасти от строгости судии, которого я имею в самом себе. Не узнают другие, но я знать буду. Я потеряю почтение к самому себе, я буду несчастлив. И есть Существо всеведущее, всеблагое, Которое испытует сокровенные наши мысли и Которому ничто столько не угодно, как сердце правое и непорочное.

Что ты чувствуешь, любезный друг мой? Не восхищаешься ли сим достойным почтения характером, который соединяет в толь высокой степени *благоворительность* и *правосудие*, сии два источника человеческих добродетелей? Позабыть самого себя, пожертвовать своими собственными выгодами для исполнения справедливости, для удовольствования *нравственного чувства*, чрез которое различаем *добро* и *зло* в наших действиях, естественно, без размышления – есть ли что-нибудь сего величественнее?

Как описать тебе удивление, благодарность бедного Былинского? Быть взяту от плуга к наслаждению большого имени, без надежды, без искания! И кем? Тем самым, которого польза требовала не возвращать его никогда!.. Но Благоворов неспособен поместить и в сердце своем подлого корыстолюбия.

В препровождении уездного судьи Правдина, капитана-исправника Ульева и еще нескольких дворян привозит он Былинского в Малинники, поручает их во владение ему и обращается к миру крестьян, погруженных в глубокую печаль.

– Друзья мои, – говорит им, – слезы ваши трогают и награждают меня вместе. Но я не был бы достоин любви вашей, если бы минуту хотел воспользоваться несправедливостию. Я поручаю вас господину не менее доброму; я за него ручаюсь. Он воспитан в несчастии: он знает, чем обязаны счастливые к бессильным и бедным, что долг помещика состоит в том, чтоб быть благодетелем земледельцев. Исполняйте вы свой долг повиновения и трудолюбия.

При сем вручает Былинскому 30 000 рублей доходов, которые собрал он с Малинников во время своего владения; и как будто бы добродетели были *заразительны*, в то же мгновение Былинский просит г. Правдина внести их от имени графского в приказ общественного призрения.

Мне становится Никольское час от часу дороже, не столько своими рощами и садами, как тем, что оно служит обителью добродетели. Одно твое присутствие могло бы еще прибавить красоты сему месту. По крайней мере это чувствование
твоего усердного друга.

27 августа, Берново

Между тем, как все здесь занимаются жатвою, что, ты думаешь, я делаю? У меня есть замеченное местечко, самое романтическое. Несколько старых деревьев разбросано по полю живописным образом. Мшистые корни их служат мне упокоением, и Тасс или Мильтон, или оба вместе – обществом. Неограниченный вид полей, стада, жилища поселян и необъятное небо, сия свежесть и близость природы прибавляют нечто к величественным или приятным картинам, которыми занимают меня поочередно сии великие стихотворцы.

Возрождение писем в Италии, сияющий век Медичисов, когда Петрарки учились по-гречески и Рафаели вызвали искусство древних из-под развалин земли, сия счастливая перемена распространилась и за пределы Италии. Лопес де Вега занимал внимание испанцев запутанными приключениями своих комедий, и остроумный Сервант заслужил себе бессмертие разрушением странствующего рыцарства и сумасбродствами Дон Кишота. Подвиги португальцев воспеты под другим небом соотечественником их Камоенсом. В Англии готический язык Спенсеров обогащался пламенной фантазией Шекспира и вдохновением Мильтона.

Вкус писем, установляясь в Англии, заимствовал свойство земли. Смел, независим, более разителен, нежели нежен, он возносится на высоты и парит над стремнинами.

Вольный дух Шекспиров, которому природа служила вместо учения, произвел незагладимое впечатление над народным вкусом. Греки, которых он не знал или знал только по дурным переводам, не служили образцами драм его. Не наблюдается единство *действия, времени, места*. Явления без связи. Беспрестанное смешение подлого с величественным. Неверное изображение древних нравов. Но красноречие сердца неподражаемое, горящее истиною, поражающие обороты чувствований и удивительное богатство описаний. Кажется, он входил попеременно в душу Макбета, Лира (Lear), Рихарда. К сим способностям присоединил он искусство пользоваться национальным пристрастием, представляя действительные происшествия отечества своего в исторических зрелищах.

Страна, славная остроумием и учтивостию жителей своих, Франция долее боролась с недостатком языка своего и медленнее достигала сияющей эпохи писем своих. Язык, рожденный к ве-

селости и простоте обхождения, сделался благороднее в согласиях Малгерба и несчетное множество драматических писателей послужили только ступенями к высоте, на которой явился Корнель, творец французского театра. Он открыл сей сияющий век Лудовика Четвертого-надесять, которой не должен ни в чем позавидовать предварившим его векам просвещения: Периклову, Августову и Медицисову.

Корнель создал трагедию несравненно сложнее греческой. Склонен естественно к высоким чувствованиям, он поставил *удивление* на место *жалости* и *ужаса*. Ему приятно было извлечь слезы великого Конде словами «будем друзья, Цинна!» Все приключения трагедии выводил он из противоположения чувствований и характеров. Никто не умел более утверждать и оспаривать то же умствование.

Но между тем как я забавляюсь, рассуждая о Корнеле, ты, любезный друг, может быть, восхищаешься Цинною, Родогуною или душою старого Горация.

5 сентября, Берново

В эту погоду, в дождь, в ветер, вообразите ли вы, изнеженные обитатели города, что мы приезжаем с охоты? Сколько рассказов! Какие подвиги, известные только тем, которые их сделали!

Вечеру другие упражнения. Между тем как хозяин занимает гостей своих какою-нибудь общественною игрою, два старшие сына и я составляем особый комитет и раздробляем красоты Корнеля и Расина. Напрасно стараюсь я следовать восхищению молодых людей: я не нахожу в себе более сей возвышенной чувствительности, с которою двадцать лет назад на берегах Северной Двины читал в первой раз сих великих трагиков. Поражен

отзывом похвал, которые от того столетия неслия, с нетерпеливостью спешил я разделять удивление людей, чувствительных к прекрасному. Неумоимо проходил я сквозь все перемены драмы и старался угадывать плескания, которыми современники почтили драгоценные произведения сих великих духов. Я восхищался романическими нравами Сида и чертами Цинны, достойными Тацита. Ираклий поражал соплетением басни своей, и я любил видеть изгнанника Сертория, восприимлющего на себя всю гордость Рима. Но ничто не может изъяснить чувствования, которое оставили во мне «Андромаха», «Ифигения», «Федра»! Сие последнее творение обратило на себя все грызение зависти, и недостойный заговор противуположил Прадона Расину. Великой человек имел слабость оскорбиться сим посрамлением вкуса, и долгое молчание было славно прервано «Аталиєю», верховным творением духа его, где великолепие и выбор выражений возвышен великими движениями и пышностью зрелища, где выше самого себя показал, что он мог трогать души и не одними любовными чувствованиями. Возвратив трагедию к истинному установлению ее, он первой из новых очистил ее от хладных воздыханий, обезображивающих главное действие: порок, от которого не был свободен Корнель. Богатый классическими красотами и вспомоществуемый советами друга своего Буало, Расин не только умел возбуждать страсти в явлении, но сделался образцом языка. Он учинил постоянными понятия красоты, пристойности и выбора. После него не могли терпеть посредственной трагедии. И между тем как неровный слог Корнелев иногда соединял разительность выражения с величеством мысли, иногда распространял принужденное умствование в надутым слоге, Расин, беспрестанно верен чистейшему вкусу, повсюду изображал прекрасную природу прекрасными стихами. Может быть, чувствуется в них с излишеством

влияние учтивейшего двора, при котором жил он: Ипполит и Ксифарес походят на молодых придворных Лудовика XIV. Но впрочем характеры его не имеют ничего натянутого и несвойственного. Митридат и Агрипина изображены гордою кистию Корнеля. Но сей основатель театра не мог бы сотворить Андромахи и Ифигении. Согласно с приятностию их пола они не обезображиваются чуждою им величавостию. Реже высокие мысли, так как молнии, перерывают разговор, но более достоинства рассеяно в целом. Что может быть величественнее ответа Иоадова, когда усердный, но простодушный Абнер описывает Аталию, ищущую его погибели?

Кто волн неистовство умеет усмирить,
Тот может также злых наветы разорить.
Со трепетом Его святой покорен воле,
Боюсь Бога я – и нет боязни боле!

14 сентября, Берново

Чего не делает любви достойный наш хозяин, чтоб занять гостей своих всеми возможными увеселениями! В ближайшем от нас городе составилось маленькое общество любителей, которые забавляются представлением комедий. Сегодня – мы не знаем, не ведам – видим двор наш, наполняющийся незнакомыми приезжими. Большая горница, которая окнами в сад, становится театром. Простенькие кулисы легким оборотом представляют попеременно улицу и внутренность покоев. Актеры наши имеют много ревности; мы весьма расположены к снисхождению. Мы наперед согласились не требовать от них дарований Дмитревского или Черникова. Но долгое лишение сего удовольствия украсит в глазах наших самое посредственное зрелище. Выбор комедии мы им оставили; и теперь только объявляют они, что завтра дадут нам «Мизантропа» и «Скапиновы обманы». Сим странным совокуп-

лением двух комедий, столько различных между собою, они доставят нам случай удостовериться собственным чувствованием в справедливости приговора, который произнес строгой Буало над другом своим Мольером:

В обманах и мешке презренного холопа
Не узнаю тебя, писатель Мизантропа!

Конечно, роды комедий различны, и истинные знатоки будут ценить другим образом характерную комедию и шутовское игрище. Но ежели можно попрекословить законодателью вкуса (а Буало, конечно, заслуживает сие именование), Мольер довольно еще является и в самом грубом своем игрище, чтоб узнать в нем рожденного живописца человеческого сердца. Смех, которой возбуждает он столь сильно, столь естественно, всегда метит на какое-нибудь заблуждение разума и сердца. Острые слова его рождаются сами собою из положения. «Ты ювелир, г. Жосс; ну! ежели он пойдет до сиятельства», – говорит сам с собою г. Журдень, которой платит за каждой титул, прилагаемый ему от портного. Имея нужду нравиться публике, еще мало чувствительной к тонким красотам искусства, ему надобно было приманивать зрителей к «Мизантропу» и «Ученым женщинам» простонародною веселостию «Принужденной Женитьбы» и «Лекаря поневоле». Но дарование его было признано с самого его появления; и восклицание старика, который на представлении «Смешных щеголих» закричал из партера: «Продолжай, Мольер! это настоящая комедия», – было предсказанием и первым торжеством Мольеровой славы. И в самом деле театр не имел прежде него ни одной хорошей комедии кроме Корнелева «Лжеца». Он первой сделал театр школою нравов. После него не было никому позволено быть смешным без наказания. Невежды, врачи, тщеславные вертопрахи, надутые ученостью педанты, гнусные лицемеры узнали себя на театре и

принуждены были бросить личину свою, чтобы уйти от общего посмеяния. *Комическая сила*, которую не находили древние в Теренции, впрочем столь естественном живописце нравов, препровождает малейшие черты Мольеровы. Он выше Плавта в «Скупом» и «Амфитрионе»! Творец «Мизантропа» и «Гартюфа» был без образца и последователя. Буало находил Ренара весьма забавным, но комическим одного Мольера. Детуш достоин почтения искусством и нравственную пользою; Дюфрени весел; может быть, один Пирон в нашем столетии достигал до Мольеровой силы в «Метромании».

2 октября, Берново

И так между тем как я почитаю тебя у берегов Невы, ты переносишься со скоростью ветра в необъятную окружность древней столицы. И струи Волги не могли тебе напомнить Бернова! – Ты поспешал не за рассеяниями, а за нуждами друзей твоих. – Разве ты выключаешь меня из числа их? Или счастливые друзья уступают преимущество? Я узнаю тебя в этом и готов простить тебе в рассуждении причины.

Во друге истинном какое наслажденье!
Выводит нужды он из сердца твоего;
Предупреждает униженье
Открытья самого.
Его смущает сновиденье
Безделка, ничего,
Когда касается любимого его.

Ты соглашаешься с чувствованиями Лафонтена, которого прелестная простота и неподражаемая естественность вкушаются тобою совершенно. Искусство и принуждение неизвестно люб-

ви достойному басеннику. Он не знает, что он нравится, или ежели нравится, каким таинством до того доходит. Он невинен во всех своих хитростях. Природа сказала ему при рождении: «Скажи басни», – и он рассказывает. Знакомые не открывали в нем остроумия: он имел дарование. Как остроумие мало перед драгоценною простотою, которая дышит в произведениях ленивой музыки его! Анакреон француз, он производит полное очарование над сердцами читателей, затем что он им первой обманут добродушно. Большое дитя во всю жизнь свою, он удивлял современников своих простотою замыслов и поступков жизни. В обществе друзей его: Расина, Буало, Мольера – его не называли иначе, как *добрым человеком (le bon homme)*. Опытный судья дарований, Мольер говорил им: «Добрый человек пойдет далее нас!» Его слава не соединена с переменами искусства и нравов, которые непостоянны; она почерпнута непосредственно в самой природе. Он умеет трогать нас, заставляя говорить животных. Он сходит, так сказать, к равенству с ними и приемлет на себя столь живо их чувствования и пристрастия, что мы не замечаем заблуждения своего, приписывая им разум и слово, наши добродетели и пороки. Воображение представляет ему при самом бесплодном содержании черты, столь живые и приятные, что они дают настоящее существование месту явления и лицу, которое вводится. Страсти его не менее истинны в выражении, хотя заяц и кролик его герои. Что может быть нежнее басни двух голубей? Какое чувствование владевает в той, которой заключение привел я в начале, – «Два друга», в басне «Царь и пастух», во множестве других, соединяющих философию с стихотворством под покрывалом легковерия. Стихотворец не одних детей, Лафонтен занимает приятнейшим образом опытность и знание света. Он сообщил новые прелести языку. Близок к природе без сует-

ных желаний, он «жил без забот и умер без угрызений», по его собственному выражению.

Коль смел бы слово я прибавить изъяснения,
Я стал бы здесь внушать любовь уединения,
Оно дарует нам отрады без сует,
Отрады чистые, в которых скуки нет.
Обитель, к коей я стремлюся от волнения!
Места любимые! когда придет сей день,
Что буду я вкушать прохладну вашу тень?

Но это напоминает мне спокойную хижину мою, в которой наслаждался я сам собою и которую ты прежде меня увидишь, ее – и друга нашего, счастливого *обитателя предместия*.

11 октября, Берново

Сколько я тебе благодарен! Только что в Москву приехать, успеть посмотреть мое любезное *предместие*, тотчас писать ко мне, писать прекрасное письмо на языке и тоном госпожи Севинье, усеянное сими чертами чувствования и остроумия, которые становятся вдвое живее, когда украшены рифмою и которых таинство украл ты у Вольтера и Шолье... Но я соединяю два имя, столь различные! Между тем как роскошный обитатель храма, остался первым из нерадивых стихотворцев, наследник Ниноны, очистивший остроумие свое в школе хорошего вкуса, в обхождении знатнейших особ своего времени, удивил ожидание общества великими творениями, которые поставили его подле Корнеля и Расина. Величествен, трогателен, иногда возвышает он глубокую мысль сиянием выражения, иногда последует своенравию граций.

Он в отрочестве был угодником Ниноне,
К Виргилью в двадцать лет в сообщество спешил,
Во зрелом мужестве Софоклов путь свершил:
У старца бог любви покоился на лоне.

Дорат.

Сии легкие, или убегающие, стихотворения (*pieces fugitives*), если можно занять сие слово, не стоили ему минуты размышления. Первая мысль, которая представлялась уму его, принимала без принуждения известные формы, и тонкая шутка становилась учтивым приветствием. Дружеские послания, сказочки, эпиграммы – все, чем забавлялся певец Генриха IV, дышало свободою и не было обезображено следами неблагодарного труда. Его образ писания сделался образцом и отчаянием последователей. Множество молодых благородных людей присоединили дарование легких стихотворений к своим титулам военным и придворным. Не считая Дората, который испытывал себя во всех родах и, может быть, удалился от благородной простоты, бегая за остроумием, Бернис, Нивернуа, Буфлер, Парни, стихотворцы легкие и блестящие, сорвали несколько цветов по стезям фернейского старца. Но последователи, которыми может он похвалиться более, – Мармонтель (ты знаешь пристрастие мое к нему), Лагарп – продолжают еще славу французской литературы. Какой благородный колорит сияет в творении Сен-Ламберта, который достоин был идти по стопам Томсона, воспевая, так как он, времена года! Он первой открыл во Франции поприще *описательного стихотворства*, дотоле удел англичан и немцев. Еще живет сладостный прелогатель «Георгик», певец «Садов», любви достойный Делиль. Какое сожаление, что Томас не увенчает более добродетели и заслуги красноречием, не посвящает стихотворства нравоучению! Более сродствуя с нежною душою Фенелона, нежели с порывистою высо-

костию Боссюета, он возбуждал глас их, долго почивший, в пользу гражданских достоинств. Он воздавал благодарность потомства ревностному Сюлли, первому человеку на второй степени, и платил позднюю дань удивления сияющему духу Декарта. Современник красноречивейших смертных, Ж.-Ж. Руссо и Бюффона, он был достоин иметь их судьями. Он осмеливался возвыситься до эпопей; и уже выбор содержания, счастливейшего, нежели содержание «Генриады», открывал ему величественное поприще. Он похищал у российских стихотворцев богатый предмет отечественной славы, деяния Петра Великого... При сем имени «Генриады» чувствую, что я трогаю нежную струну. Ты хотел бы, чтоб все ее видели твоими глазами: благородную непрерывно, сообразованную с просвещением времени, представляющую важную картину в стихах, оставляющих долгое воспоминание! Кто спорит с тобою? Но всего остроумия не довольно, чтоб приблизиться к «Илиаде», «Енеиде», «Освобожденному Иерусалиму» и, может быть, «Потерянному раю».

20 октября, Берново

Благодарю тебя, мой любезный друг, за письмо твое от 15 числа. Продолжай уведомлять меня об успехах писем наших. Ты знаешь, разделяю ли я ревностное желание твое, чтоб прекрасный язык наш имел наконец своих классических писателей, чтоб мы не принуждены были удивляться одним только иностранным умам. Немецкая литература немногим упредила рождение нашей. Галлер, Гагедорн не старше Ломоносова. Но им последовали с удивительною скоростью, в толпе менее отличных писателей, сияющие духи: Клопшток, Лессинг, Геснер, Виланд. За чем у нас пристрастие к прекрасным письмам не столько же

действительно и не побуждает молодых чувствительных людей к заслуженно благодарности отечества? Мы менее прилепляемся к учению древних и оболщены приятностями чужого языка, который сделался языком хорошего общества, мы отчаиваемся наперед достигнуть того же совершенства на своем собственном. И, может быть, не без основания. Дух более возвышается с древними, и величественная простота их удобнее применяется ко всем временам и народам, нежели изысканные тонкости новых, которые владывают некоторое время и исчезают с модою... Но между тем, как я рассеиваю себя нарочно сими критическими разбирательствами, нужда *быть с тобою* говорит сердцу моему повелительным образом. Прекрасные письма твои не могут заменить твоего сообщества и заставляют только желать его сильнее. Мне хочется позвать к себе моих любезных хозяев и похитить у Бернова лучшее его украшение: таким образом соединить в *предместии* своем все то, что я имею драгоценнейшего в свете. Воспоминание первых дней дружбы нашей насильственно овладело душой моей. Помнишь ли, как оба, лет пятнадцать моложе, мы искали друга, побуждаемы приятнейшим чувствованием, сходством вкусов, сею самою любовию писем? Представления «Заиры», «Альзиры», «Магомета» служили нам местами соединения. Я услаждался, слушая тебя возглашающего целые речи из «Меропы», величественной трагедии, в которой сияет простота греческого вкуса со всем богатством выражения. Наши гулянья в садах, уединенные беседы протекали столь быстро, наполнены взаимным сообщением наших мыслей и чувствований о красотах верховных творений, которые поражали необычайным блеском новые наши чувства. Ты снисходительно слушал, с пристрастием дружества, лепетание ученической музыки моей. Где «Болеслав» мой, в которого я желал перелить все движения «Аделаиды ду

Гесклен»? Столько чтение прекрасного образца может овладеть воображением и невольным образом увлекает к подражанию! Мы любили заниматься веселыми явлениями Седеня или Мармонтеля, с которыми Монсиньи и Гретри соединили дарования свои, или восхищались волшебными согласиями Паизиелла, когда, вспомоществуем духом Метастазия, вводил он Ахиллеса, повергающего златую лиру, или Нитету, странствующую на берегах Нила. Прекрасное, счастливое время, когда ты испытывал перелгать песенки Метастазия, сего лебедя Авзонии. Ему обязана Италия своими великими сочинителями музыки. Без него бы не было, может быть, Пиччиния, Анфосси, Сальери, Сарти. Но Кино одушевляет Глука, Кино, который, несмотря на порицание Буалово, останется то же в опере, что Расин в трагедии.

*Письмо последнее
Никольское.....*

Вообразал ли я при отпуске последнего письма моего, что так скоро оставлю Никольское? Приятное происшествие причиною *нашего* отъезда. Армейское производство вышло. Г. Славину досталось в генерал-майоры и по расписанию в Северную дивизию. Он берет Васиньку в адъютанты. Это первой поход его. Ты вообразишь себе, что так скоро не оставляют приятелей своих, особливо тех, которым думаешь быть полезен. Я препровождаю молодого офицера. Хозяева мои имеют благосклонность уверять меня, что они бы сами сделали мне предложение сие, если бы не предупредило их мое собственное чувство. Нас едет много. Господа Полосовской и Добросердов в том числе. Ты можешь представить себе, стараемся ли мы воспользоваться сведениями и опытностию г. Славина. Мы много читаем, много разговариваем

о военном искусстве. Походы Тюренна, Люксамбурга, маршала де Сакс – предметы нашего учения; но более всего отечественная история. Мы не устаем слушать г. Славина, когда он рассказывает нам, с картою на стол, подвиги государя Петра Великого, счастливые деяния Миниха, Лессия, Салтыкова, победы Румянцева, Нестора полководцев. Я сам заимствую от общего восторга, устремляюся в славное поприще военного состояния. Что скажет наш кроткой Иринеев, когда увидит меня в полном одеянии офицера, в знаке, в шарфе, с саблею? Каких упреков ожидать я должен! Не послужат мне к защищению славные примеры Леонида, умирающего во исполнение священных приказаний отечества; Эпаминонда, которого последние взоры видели убегающего неприятеля. Человеколюбие его никогда не примирится с славою. Но ты, мой любезный друг, ты, которой всегда воспламенял в сердце моем любовь к *Отечеству*, сию страсть великих душ, ты уверен, что какой рок меня ни ожидает, победитель или мертв, я никогда не расстануся с честью. Ты увидишь меня по-лакедемонски: *или со щитом, или на щите*. Меня восхищает сие великодушное желание немецкого барда, чувствительного Клейста, желание «умереть славною смертию за Отечество». И как могу я здесь чувствовать иначе, когда вижу родителя, нежную мать, отпускающих с геройством в те же самые опасности любимого их сына, и когда сей молодой человек (я не смею назвать офицера Васинькою) идет на войну со всею твердостью мужа? Прими мои нежнейшие прощания. Твой образ, запечатленный в душе моей, будет препроводять меня и на место сражения.

Р. S. Я посылаю тебе книги мои. Ты найдешь в них некоторые записки и целую тетрадь сочинений, плод наших чтений и разговоров с молодым графом. Еще раз прощай. Будь здоров, будь счастлив.

А. С. ПУШКИН

<Роман в письмах>

Вот произведение, которое, казалось бы, нам давно хорошо знакомо. Но взгляды в него после чтения повестей Муравьева: оно предстает теперь перед нами несколько иным.

В нем не упомянуто Берново: Пушкин был бизок не с его владельцем Иваном Ивановичем Вульфom, а с его братом Павлом Ивановичем, которому принадлежало сельцо Павловское, в котором живет и героиня романа Лиза. Однако в пятом письме Лиза говорит, что если и выйдет замуж, то за местного помещика сорока лет, который будет «заниматься своим сахарным заводом» – в Бернове и сейчас сохранился поташный завод, прямой наследник этого пушкинского современника... Офицеры, упоминаемые Муравьевым, ушли за возрастом в отставку, но в Берновской вотчине теперь размещен Оренбургский уланский полк, офицеры которого названы в шестом письме среди присутствовавших на именинах матери Машиньки. Сама Машинька – это едва ли не Мария Васильевна Борисова, про которую Пушкин писал Алексею Вульфу, что она «есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море» (XIV, 33). Оставшись без отца, Мария Борисова жила в доме Петра Ивановича Вульфа в сельце Соколове (в версте от Берновской усадьбы). А у самого Петра Ивановича, человека сухого и чопорного, была своя дочь Мария. Петр Иванович и его семейство, конечно, не напоминают нам описанную Пушкиным семью: «Отец [балагур] и хлебосол; мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста; дочка стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе». Но среди берновских дворянских семейств без труда можно найти черты каждого из этих персонажей. Вообще же

именно эта семья очень интересовала Пушкина и перекочевала в «<Роман в письмах>» из наброска этого же времени «<В начале 1812 года...>»: «Всего чаще посещали мы дом городничего. Он был взяточник, балагур и хлебосол, жена его – свежая веселая баба, большая охотница до виста, а дочь стройная меланхолическая девушка лет 17, воспитанная на романах и на блан-манже» (VIII, 402).

Но главное – другое. В «Эмилиевых письмах» две темы: долг дворянина (и в первую очередь перед своими крестьянами) и литература. Именно об этом и рассуждают герои Пушкина: Лиза по преимуществу о литературе, Владимир – о дворянстве. Хотя и Владимир сочинил моностих в двух вариантах:

Глупа как истина, скучна как совершенство.

Скучна как истина, глупа как совершенство.

Правда, он вовсе не оригинален и подражает (или пародирует) стихотворение Е. А. Боратынского, первые два стиха которого читаются так:

Мила, как грация, скромна,
Как Садрильона...

Форма стиха Владимира не оригинальна, но по мысли (меткой и злой) он далеко оставил за собою профессионального поэта.

Мысль пушкинских героев напряжена сравнением с прошлым – с прошлым веком, с прошлыми берновскими романами...

<Роман в письмах>

1. <Лиза – Саше>

Ты конечно, милая Сашинька, удивилась нечаянному моему отъезду в деревню. Спешу объяснить во всем откровенно. Зависимость моего положения была всегда мне тягостна. Конечно Авдотья Андреевна воспитывала меня наравне с своею племянницей. Но в ее доме я все же была воспитанница, а ты не можешь вообразить, как много мелочных горестей неразлучны с этим званием. Многое должна была я сносить, во многом уступать, многого не видеть, между тем как мое самолюбие прилежно замечало малейший оттенок небрежения. Самое равенство мое с княжною было мне в тягость. Когда являлись мы на бале, одетые одинаково, я досадовала, не видя на ее шее жемчугов. Я чувствовала, что она не носила их для того только, чтоб не отличаться от меня, и эта внимательность уж оскорбляла меня. Неужто предполагают во мне, думала я, зависть или что-нибудь похожее на такое детское малодушие? Поведение со мною мужчин, как бы оно ни было учтиво, поминутно задевало мое самолюбие. Холодность их или приветливость, всё казалось мне неуважением. Словом, я была создание пренесчастное, а сердце мое, от природы нежное, час от часу более ожесточалось. Заметила ли ты, что все девушки, состоящие на правах воспитанниц, дальних родственниц, *demoiselles de compagnie*¹ и тому подобное, обыкновенно бывают или низкие служанки, или несносные причудницы? Последних я уважаю и извиняю от всего сердца.

Тому ровно три недели получила я письмо от бедной моей бабушки. Она жаловалась на свое одиночество и звала меня к

¹ Компаньон (франц.).

себе в деревню. Я решилась воспользоваться этим случаем. Насилу могла выпросить у Авдотьи Андреевны позволения ехать, и должна была обещать зимою возвратиться в Петербург, но я не намерена сдержать свое слово. Бабушка мне чрезвычайно обрадовалась; она никак меня не ожидала. Слезы ее меня тронули несказанно. Я сердечно ее полюбила. Она была некогда в большом свете и сохранила много тогдашней любезности.

Теперь я живу *дома*, я хозяйка – и ты не поверишь, ка<кое> это мне истинное наслаждение. Я тотчас привыкла к деревенской жизни, и мне вовсе не странно отсутств<ие> роскоши. – Деревня наша очень мила. Старинный дом на горе, сад, озеро, рощи сосновые, всё это осенью и зимо<ю> немного печально, но зато весной и летом должн<о> казаться земным раем. Соседей у нас мало, и я еще ни с кем не видалась. Уединение мне нравится на самом деле как в элегиях твоего Ламартина.

Пиши ко мне, мой ангел, письма твои будут мне большим утешением. Что ваши балы, что наши общие знакомые? Хотя я и сделалась затворницей, однако ж я не вовсе отказалась от суеты мира – вести об нем для меня занимательны.

Село Павловское.

2. <Ответ Саши.>

Милая Лиза.

Вообрази мое изумление, когда узнала я про<?> твой отъезд в деревню. Увидев княжну Ольгу одну, я думала, что ты нездорова, и не хотела поверить ее словам. На другой день получаю твое письмо. Поздравляю тебя, мой ангел, с новым образом жизни. Радуюсь, что он тебе понравился. Твои жалобы о прежнем твоём положении меня тронули до слез, но показались мне слишком горь-

кими. Как можешь ты сравнивать себя с воспитанницами и *demoi<selles> de c<omrag>nie*? Все знают, что Ольгин отец был всем обязан твоему и что дружба их была столь же священна, как самое близкое родство. Ты, казалось, была довольна своей судьбою. Никогда не предполагала я в тебе столько раздражительности. Признайся: нет ли другой, тайной причины твоему поспешному отъезду. Я подозреваю... но ты со мною скромничаешь, и я боюсь рассердить тебя заочно своими догадками.

Что сказать тебе про Петербург? Мы еще на даче, но почти все уже разъехались. Балы начнутся недели через две. Погода прекрасная. Я гуляю очень много. На днях обедал<и> у нас гости, – один из них спрашивал, имею ли о тебе известия. Он сказал, что твое отсутствие на балах заметно, как порванная струна в фортеріано – и я совершенно с ним согласна. Я всё надеюсь, что этот припадок мизантропии будет не продолжителен. Возвратись, мой ангел; а то нынешней зимою мне не с кем будет разделять моих невинных наблюдений и некому будет передавать эпиграмм моего сердца. Прости, моя милая, – подумай и одумайся.

Крестовский остров.

3. <Лиза – Сааше.>

Письмо твое меня чрезвычайно утешило – оно так живо напомнило мне Петербург. Мне казалось, я тебя слышу! Как смешны твои вечные предположения! Ты подозреваешь во мне какие-то глубокие, тайные чувства, какую[-то] несчастную любовь – не правда ли? успокойся, милая; ты ошибаешься: я похожа на героиню только тем, что живу в глухой деревне и разливаю чай, как Кларисса Гарлов.

Ты говоришь, что тебе некому будет нынешней зимою пере-

давать своих сатирических наблюдений, – а на что же переписка наша? Пиши ко мне всё, что ты заметишь; повторяю тебе, что я вовсе не отказалась от света, что всё, касающееся до него, для меня занимательно. В доказательство того прошу тебя написать, кому отсутствие мое кажется так заметным? Не любезному нашему говоруну Алексею Р– ? – Я уверена, что угадала... Уши мои были всегда к его услугам, а ему только и надобно.

Я познакомилась с семейством ***. Отец [балагур] и хлебо-сол; мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста; дочка стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе. Она целый день в саду или в поле с книгой в руках, окружена дворными собаками, говорит о погоде нараспев и с чувством потчует варением. У нее нашла я целый шкаф, наполненный старинными романами. Я намерена всё это прочесть и начала Ричардсоном. Надобно жить в деревне, чтоб иметь возможность прочесть хваленую Клариссу. Я благословясь начала с предисловия переводчика и, увидя в нем уверение, что хотя первые 6 частей скучненьки, зато последние 6 в полной мере вознаградят терпение читателя, храбро принялась за дело. Читаю том, другой, третий, – наконец добралась до шестого, – скучно, мочи нет. Ну, думала я, теперь буду я награждена за труд. Что же? Читаю смерть Клар<иссы>, смерть Ловла<са>, и конец. Каждый т.<ом> заключал в себе 2 части, и я не заметила перехода от скучных к занимательным.

Чтение Ричардс.<она> дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом? между тем роль женщин не изменяется. Кларисса за исключением церемонных приседаний всё же походит на героиню новейших романов. Потому ли, что [способы] нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного

мнения... а в женщинах – они основаны на чувстве и природе, которые вечны.

Ты видишь: я с тобою болтлива по обыкновенному – не будь же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мне как можно чаще и как можно более – ты не можешь вообразить, что значит ожидание почтового дня в деревне. Ожидание бала не может с ним равняться.

4. <Ответ Саши.>

Ты ошиблась, милая Лиза. Чтобы смирить твое самолюбие, объявляю, что Р – вовсе не замечает твоего отсутствия. Он привязался к леди Пелам, приезжей англичанк<е>, и от нее не отходит. На его речи отвечает она видом невинного удивления и маленьким восклицанием *oho!*.. а он в восхищении. Знай: спрашивал меня о тебе, всем сердцем жалеет о тебе твой постоянный admirateur¹ Владимир **. Довольна ли ты? думаю, очень довольна, и по своему обыкновению осмеливаюсь предполагать, что и без меня ты догадалась. Шутки в сторону, ** очень занят тобою. На твоём месте я бы завела его далеко. Что ж, он прекрасный жених... Зачем не выйти за него, – ты жила бы на Агл.<инской> набер<ежной>, по субботам имела бы вечера, и всякое утр<о> заезжала бы за мною. – Полно тебе дурачиться, мой ангел, приезжай к нам и выходи за **.

Третьего дня был бал у К**. Народу было пропасть. Танцовали до 5 часов. – К. В. была одета очень просто; белое креповое платьице, даже без гирлянды, а на голове и шее на полмиллиона бриллиантов: только! Z по своему обыкновению была одета

¹ Поклонник (франц.).

уморительно. Откуда берет она свои наряды? На платье ее были нашиты не цветы, а какие-то сушеные грибы. Не ты ли ей, мой ангел, прислала их из деревни? Владимир ** не танцевал. Он едет в отпуск. – С. приехали (вероятно первые), просидели всю ночь не танцуя и уехали последние. Старшая кажется, была нарумянена – пора... Бал очень удался. Мужчины были недовольны ужином, но ведь они вечно должны быть чем-нибудь да недовольны. Мне было очень весело, хоть я и танцевала *кот<ильон>* с несносным дипломатом Ст–, который к природной своей глупости присоединил еще рассеянность, вывезенную им из Мадрита.

Благодарю тебя, душа моя, за отчет об Ричардсоне. Теперь я имею об нем понятие. Прочитать его не надеюсь – с моим нетерпением; я и в В. <альтер> Ск. <отте> нахожу лишние страницы. Кстати: кажется, роман Елены Н. и гр. <афа> Л. кончается – по крайней мере он так приуныл, а она так важничает, что, вероятно, свадьба решена. – Прости, моя пре<лесть>, довольна ли ты моею сегодняшней болтовнею?

5. <Лиза – Саше.>

Нет, милая моя сваха, я не думаю оставить деревню и приехать к вам на свою свадьбу<у>. Откровенно признаюсь, что Владимир ** мне нравился, но никогда я не предполагала выйти за него. Он аристократ – а я смиренная демократка. Спешу объяснить и заметить гордо, как истинная героиня романа, что родом принадлежу я к самому старинному русскому дворянству, а что мой рыцарь внук бородатого миллионщика. Но ты знаешь, что значит наша аристократия. Как бы то ни было, ** человек светский; я могла ему понравиться, но он для меня не пожертвует богатой

невестой и выгодным родством. Если когда-нибудь и выйду замуж, то выберу здесь какого-нибудь сорокалетнего помещика. Он станет заниматься своим сахарным заводом, я хозяйством – и буду счастлива, не танцуя у гр. К. и не имея суббот у себя на Анг.<лийской> наб.<ережной>.

У нас зима: в деревне *c'est un événement*¹. Это вовсе меняет образ жизни. Уединенные гуля<ния> прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выезжают с собаками, – всё делается светлее, веселее от первого снега. Я никак этого не ожидала. Зима в деревне пугала меня. Но всё на свете имеет свою хорошую сторону.

Я короче познакомилась с Машинькой *** и полюбила ее; у ней много хорошего, много оригинального. Нечаянно узнала я, что ** [их] близкий родня. Машинька не видала его 7 лет, но от него в восхищении. Он провел у них одно лето, – и Машинька беспрестанно рассказывает все подробности тогдашней его жизни. Читая ее романы, я нахожу на полях его замечания, бледно писанные карандашом, – видно, что он был тогда ребенок. Его поражали мысли и чувства, над которыми конечно стал бы он теперь смеяться; по крайней мере видна душа свежая, чувствительная. – Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 году роман, писанный <в> 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые кресла, видим около себя странные платья, однако ж знакомые лица, и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими. Большею частью эти романы не имеют другого достоинства. Происшествие занимательно, положение хорошо запутано, – но Белькур говорит косо, но Шарлотта отвечает криво. Умный человек мог бы взять

¹ Это целое событие (*франц.*).

готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки – и вышел бы прекрасный, оригинальный роман. Скажи это от меня моему неблагодарному Р*. Полно ему тратить ум в разговорах с англ<ичанками>! Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых он так хорошо знает.

Маша хорошо знает русскую литературу – вообще здесь более занимаются словесностью, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке, попеременно верят обеим стор<онам>, сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я понимаю, за что В* <яземский> и П* <ушкин> так любят уездных барышень. Они их истинная публика. Я было заглянула в журналы и принялась за критики «Вестн. <ика> <Европы>», но их плоскость и лакейство показались мне отвратительны – смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнрав<ственности> и неблагопр<стойности> сочинения, которые прочли мы все, мы – санктпетербургские недотроги!..

б. <Лиза – Саше.>

Милая! мне невозможно долее притворяться, мне нужны помощь и советы дружбы. Тот, от которого убежала, кого боюсь я как несчастья ** здесь. Что мне делать? голова моя кружится, я теряюсь, ради бога реши, что мне делать. Расскажу тебе всё...

Ты заметила прошедшею зиму, что он от меня не отходил. Он к нам не ездил, но мы виделись везде. Напрасно вооружалась я холодностию, даже видом пренебрежения, – ничем не могла я от его избавиться. На балах он вечно умел найти место возле меня, на гулянье он вечно с нами встречался, в театре лорнет его был устремлен на нашу ложу.

Сначала это льстило моему самолюбию. Я, может быть, слишком это ему дала заметить. По крайней мере он, каждый час присвоивая себе новые права, всякой <?> раз <?> говорил мне о своих чувствах и то ревновал, то жаловался... С ужасом думала <я>: к чему всё это ведет! и с отчаянием признавала власть его над моей душой. Я уехала из Петербурга – думала тем прекратить зло в его начале. Моя решимость, уверенность в том, что исполнила я свой долг, успокоили было мое сердце. Я начинала думать о нем равнодушнее, с меньшею горестию. Вдруг я его вижу.

Я его вижу: вчера были именины ***. Я приехала к обеду, вхожу в гостиную, нахожу толпу гостей, уланские мундиры, дамы меня окружают, я со всеми ими перецаловалась. Не замечая никого, сажусь подле хозяйки, гляжу: ** передо мной. Я остолбенела... Он сказал мне несколько слов с видом такой нежной, искренней радости, что и я не имела силы скрыть ни замешательства своего, ни удовольствия.

Пошли за стол. Он сел против меня; я не смела на него взглянуть – но заметила, что все глаза были устремлены на него. Он был молчалив и рассеян. В другое время меня бы очень занимало общее желание привлечь внимание приезжего гвардейск<ого> оф<ицера>, беспокойство барышень, неловкость мужчин, хохот их при собственных шутках, и между тем учтив<ая> холодность и совершенное невнимание гостя... После обеда он ко мне подошел. Чувствуя, что мне было надобно что-нибудь сказать, я спросила довольно некстати, по делам ли заехал он в нашу сторону. «Я приехал по одному делу, от которого зависит счастье моей жизни», – отвечал он вполголоса и тотчас отошел; он сел играть в бостон с тремя старушками (в том числе с бабушкой), а я ушла наверх к Машиньке, где пролежала до вечера под предлогом головной боли. В самом деле, я была хуже чем нездорова. Машинька от

меня не отходила. Она в восторге от **. <Он> пробудет у них месяц или более. Она целый день будет с ним. Право, она влюблена в него – дай бог, что и он влюбится. Она стройна и странна – мужчинам только того и надобно.

Что мне делать, милая, здесь не будет мне возможности избежать его преследований. Он уж успел обворожить бабушку. Он будет ездить к нам – опять пойдут признания, жалобы, клятвы – и к чему? Он добьется моей любви, моего признания, – потом размыслит о невыгодах женитьбы, уедет под каким-нибудь предлогом, оставит меня, – а я... Какая ужасная будущность! Ради бога, дай мне руку: я тону.

7. <Ответ Саши.>

То ли дело облегчить сердце полной исповедью! Давно бы так, мой ангел! Охота же тебе было не сознаваться в том, что я давно знала: ** и ты – вы влюблены друг в друга – что за беда? На здоровье. Ты имеешь дар смотреть на вещи бог знает с какой стороны. Ты напрашиваешься на несчастье – берегись накликать его. Почему тебе не выйти за **. Где тут неодолимые препятствия? Он богат, а ты бедна – пустое. Он богат за двух – чего ж вам более. Он аристократ; а ты именем, воспитанием разве не аристократка?

Недавно [спор зашел] о дамах высшего круга. Я узнала, что Р объявил однажды себя на стороне аристократии, потому что она лучше обуаается. Итак, не явно ль, что ты с головы до ног аристократка?

Извини меня, мой ангел, но твое патетическое письмо рассмешило меня. ** приехал в деревню для того, чтоб тебя видеть. Какой ужас! Ты гибнешь, ты требуешь моего совета. Уж не сдела-

лась ли ты уездной героиней. Мой совет: обвенчаться как можно скорее в вашей деревянной церкви и приезжать к нам, чтоб явиться Форнариной в картинах, которые затеваются у С**. Поступок твоего рыцаря меня тронул кроме шуток. Конечно, в старину любовник для благосклонного взгляда уезжал на 3 года сражаться в Палестину; но в наши времена уехать за 500 верст от Петербурга, для того чтоб увидиться со владычицею своего сердца, – право много значит. ** достоин награды.

8. <Владимир ** – своему другу.>

Сделай одолжение, распусти слух, что я при смерти болен, я намерен просрочить и хочу соблюсти всевозможную благоприспособленность. Вот уж две недели как я живу в деревне и не вижу, как время летит. Отдыхаю от петербургской жизни, которая мне ужасно надоела. Не любить деревни простительно монастырке, только что выпущенной из клетки, да 18-летнему камер-юнкеру – Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете. – Тем и я кончу. Выйду в отставку, женюсь и уеду в свою саратовскую деревню. – Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением 3-х тысяч душ, коих всё благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши...

Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ним <и> прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы [оставляем] их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадыва-

ет. Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся, старость нас застает в нужде и в хлопотах.

Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждается, внук идет по миру. Древние фамилии приходят в ничтожество; новые поднимаются и в третьем поколении исчезают опять. Состояния сливаются, и ни одна <фамилия> не знает своих предков. К чему ведет такой политический материализм? Не знаю. Но пора положить ему преграды.

Я без прискорбья никогда не мог видеть унижения наших исторических родов; никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат. Да какой гордости воспоминаний ожидать от народа, у которого пишут на памятнике: Гр.<ажданину> Ми<нину> и кн.<язю> <Пожарскому>. Какой к.<нязь> П.<ожарский>? Что такое гр.<ажданин> Ми<нин>? Был окольный кн.<язь> Дм.<итрий> Михайлович П.<ожарский> и мещ.<анин> Козь<ма> Минич Сухор<укой>, выборный чело<век> от всего г<осударства>. Но отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прошедшее для нас не сущ.<ествует>. Жалкой народ!

Аристократия чин<овная> не заменит аристократии родовой. Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями <ми> народа. Но каковы семейственные воспоминания у детей коллежского асессора?

Говоря в пользу аристократии, я не корчу англ.<ийского> лорда; мое происхождение, хоть я им и не стыжусь, не дает мне на то никакого права. Но я согласен с Ламбрюером: *Affecter le mépris de naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme*¹.

¹ Подчеркивать пренебрежение к своему происхождению – черта смешная в выскочке и низкая в дворянине (*франц.*).

Всё это надумал я, живучи в чужой деревне, глядя на управление мелкопоместных дворян. Эти господа не служат и сами занимаются управлением своих деревушек, но признаюсь, дай бог им промотаться, как нашему брату. Какая дикость! для них не прошли еще времена Ф. <он>Визина. Между ими процветают еще Простаковы и Скотинины!

Это, впрочем, не относится к родственнику, у которого я в гостях. Он очень добрый человек, жена его очень добрая баба, дочь очень добрая девочка. Ты видишь, что я стал очень добр. В самом деле, с тех пор как я в деревне, я стал отменно благоклонен и снисходителен – действие моей патриархальной жизни и присутствия Лизы ***. Мне было скучно без нее не на шутку. Я приехал уговорить ее возвратиться в Петербург. – Наше первое свидание было великолепно. Тетка м<оя> была именинница. Всё соседство съехалось. Явилась и Лиза – и едва поверила самой себе, увидев меня... Она не могла же не признать, что я приехал сюда только для нее. По крайней <мере> я постарался дать ей это почувствовать. Здесь мой успех превзошел мои ожидания (что много значит). Старушки от меня в восхищении, барыни ко мне так и льнут, «А потому, что п<атриотки>». Мужчины отменно недовольны моею *fatuite indolente*¹, которая здесь еще новость. Они бесятся тем более, что я чрезвычайно учтив и благопристоен, и они никак не понимают, в чем именно состоит мое нахальство – хотя и чувствуют, что я нахал. Прощай. Что делают наши? *Servitor di tutti quanti*². Пиши ко мне в село **.

¹ Томным фатовством (*франц.*).

² Покорный слуга всех их, вместе взятых (*итал.*).

9. <Ответ друга.>

Поручение твое мною исполнено. Вчера в театре объявил я, что ты занемог нервическою горячкою и что, вероятно, тебя уже нет на свете, – итак, пользуйся жизнью, покамест еще ты не воскрес.

Твои нравственные размышления насчет управления имений радуют меня за тебя. То ли дело

Un homme sans peur <et sans reproche>. .
Qui n'est <ni roi, ni duc>, ni comte <aussi>¹.

Состояние русского помещика, по-моему, самое завидное.

Чины в России необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей.

<

>²

Путившись в важные рассуждения, я совсем забыл, что теперь тебе не до того – ты занят своею Лизою. Охота тебе корчить г. Фобласа и вечно возиться с женщинами. Это не достойно тебя. В этом отношении ты отстал от своего века и сбиваешься на *si-devant*³ гвардии хрипуна 1807 г. Покамест это недостаток, скоро ты будешь смешнее генерала Г**. Не лучше ли заранее привыкнуть ко строгости зрелого возраста и добровольно отказаться от увядающей молодости? Знаю, что проповедую втуне, но таково мое назначение.

Все твои друзья тебе кланяются и очень жалеют о преждевременной твоей кончине – между прочим и прежняя твоя приятельница, которая возвратилась из Рима, влюбленная в папу. Как это

¹ Муж без страха и упрека,
Хоть он и не король, не герцог и даже не граф (франц.).

² Пропуск в рукописи.

³ Бывшего (франц.).

на нее похоже и как это должно тебя восхитить! Не приедешь ли для соперничества *cum servorum dei*?¹ Это было б похоже на тебя. Я всякий день стану тебя ожидать.

10. <Владимир ** – своему другу.>

Выговоры твои совершенно несправедливы. Не я, но ты отстал от своего века – и целым десятилетием. Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году. В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпаг – нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами. Честь имею донести тебе, теперь это всё переменялось. – Французский кадрили заменил Адама Смита, [всякой] волочится и веселится как умеет. Я следую духу времени; но ты неподвижен, ты *si-devant, un homme*² стереотип. Охота тебе сиднем сидеть одному на скамеечке оппозиционной стороны. Надеюсь, что Z – обратит тебя на истинный путь: поручаю тебя ее ватиканскому кокетству. Что касается до меня, я совершенно предался патриаршеской жизни: ложусь спать в 10 часов вечера, езжу на порошу с здешн<ими> помещиками, играю с старухами в бостон по копейке и сержусь, когда проигрываюсь. С Лизою вижу каждый день – и час от часу более в нее влюбляюсь. В ней много увлекательного. Эта тихая благородная стройность в обращении, прелесть высш. <его> петербургского общества, а между тем – что-то живое, снисходительное, добродородное (как гово-

¹ С рабом рабов божьих (*лат.*).

² Бывший, человек (*франц.*).

рит ее бабушка), ничего резкого, жесткого в ее суждениях, она не морщится перед впечатлениями, как ребенок перед ревен <ем>. Она слушает и понимает – редкое достоинство в наших женщинах. Часто удивлялся <я> тупости понятия или нечистоте воображения дам, впрочем очень любезных. Часто сам <ую> тонк <ую> шутку, самое поэтическое приветствие они принимают или за нахальную эпиграмму, или неблагопристойную плоскость. В таком случае холодный вид, ими принимаемый, так убийственно отвратителен, что самая пылкая любовь против него не устоит.

Это испытал я с Еленой ***, в которую был я влюблен без памяти. Я сказал ей какую-то нежность; она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей приятельнице. Это меня вовсе разочаровало. Кроме Лизы, есть у меня для развлечения <Машина ***>. Она мила. Эти девушки, выросшие под яблонями и между скир <дами>, воспитанные нянюшк <ами> и природою, гораздо милее наших однообразных красавиц, которые до свадьбы придерживаются мнения своих матерей, а там – мнения своих мужьев.

Прощай, мой милый; что нового в свете? Объяви всем, что наконец и я пустился в поэзию. Намедни сочинил я надпись к портрету княжны Ольги (за это Лиза очень мило бранила меня):

Глупа как истин <a>, скучна как соверш <енство>.

Не лучше ли:

Скучна (как истина, глупа как совершенство).

То и другое похоже на мысль. Попроси В. приискать первый стих и отныне считать меня поэтом.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. РАССКАЗЫ О СТИХАХ И ЛЮДЯХ

О стихотворении «<Из письма к С. А. Соболевскому>» («У Гальяни иль Кольони...»)	5
Из комментариев к «Евгению Онегину»	
1. «Им занимается Москва»	17
2. «Москвич в Гарольдовом плаще»	31
Александр Юргенев, дед Лики Мизиновой	39
Из легенд о пребывании Пушкина в Тверском крае	
1. «Вампиром именован...»	53
2. О том, как Гаврила Пушкин сжег Погорелое Городище, а Александр Пушкин написал о том	62
«...Но это зеркало мне льстит»	83
Часть II. РОМАНЫ В ПИСЬМАХ	93
Приложение	111
М. Н. Муравьев	
Обитатель предместия	115
Эмилиевы письма	145
А. С. Пушкин	
<Роман в письмах>	188

Михаил Викторович Строганов
ДВЕ СТАРИЦКИХ ОСЕНИ ПУШКИНА
Литературоведческие очерки

Редактор *Е И Борисов*
Технический редактор *Л А Бадеева*
Корректор *В Б Богачева*

ЛР № 040666

Подписано в печать 5 05 99 Формат издания и доля листа 70x108 1/32
Объем 6,5 Усл п л 9,1 Заказ № 4250 Тираж 1000 экз Изд № 08 Цена свободная

Тверское областное книжно-журнальное издательство
г Тверь, пр Чайковского, 26

Областная типография, г Тверь, Студенческий пер 28

В серии, посвященной 200-летию А. С. Пушкина, Тверским областным книжно-журнальным издательством выпущены следующие книги:

Плетнев П. А. Стихотворения / Сост., подгот. текста вступ. ст. и коммент. С. П. Белеховой и М. В. Строганова. Тверь, 1998.

Никишиов Ю. М. Поэт, Онегин и Татьяна: Литературоведческие заметки. Тверь, 1998.

Пушкин и русский язык сегодня / Отв. ред. Р. Д. Кузнецова. Тверь, 1998.

Кашикова В. Ф. Берега нашей памяти: Размышления над страницами Тверской лирической Пушкинианы. Тверь, 1999.

Тверские поэты, современники Пушкина: Сб. / Сост., предисл., вступ. ст. и коммент. М. В. Строганова. Тверь, 1999.

Строганов М. В. Две старицких осени Пушкина: Литературоведческие очерки. Тверь, 1999.